

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

Электронная версия печатного издания

**СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ:
СИСТЕМНО-ОПИСАТЕЛЬНЫЙ
И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ
АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Сборник научных трудов
IX Международной научной конференции

Брест, 22–23 ноября 2019 года

В двух частях

Часть 1

Брест
БрГУ имени А. С. Пушкина
2020

УДК 811.16(082)
ББК 80я43
С 47

*Рекомендовано редакционно-издательским советом Учреждения образования
«Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»*

Редакционная коллегия:
О. Б. Переход, О. А. Фелькина

Под общей редакцией
заведующего кафедрой общего и русского языкознания
кандидата филологических наук, доцента **О. Б. Переход**

Рецензенты:

заведующий кафедрой белорусского и русского языков
УО «Брестский государственный технический университет»,
кандидат филологических наук, доцент **Н. Н. Борсук**

декан филологического факультета
УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»,
кандидат филологических наук, доцент **Т. В. Сенькевич**

С 47 **Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования** : сб. науч. тр. IX Междунар. науч. конф., Брест, 22–23 нояб. 2019 г. : в 2 ч. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: О. Б. Переход, О. А. Фелькина ; под общ. ред. О. Б. Переход. – Брест : БрГУ, 2020. – Ч. 1. – 202 с.

ISBN 978-985-22-0117-9 (ч. 1).

ISBN 978-985-22-0116-2.

В сборник вошли материалы докладов IX Международной научной конференции (22–23 ноября 2019 г.), посвященной изучению славянских языков в синхроническом, диахроническом, сопоставительном и социокультурном аспектах. Статьи представлены на русском, белорусском, украинском языках.

Адресуется широкому кругу славистов – научным работникам, преподавателям, аспирантам, учителям, студентам филологических специальностей.

УДК 811.16(082)

ББК 80я43

ISBN 978-985-22-0117-9 (ч. 1)
ISBN 978-985-22-0116-2

© УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Доклады пленарного заседания

Лукашанец А. А. Сучасныя славянскія мовы ў новых сацыякультурных умовах	6
Волкова О. Н., Кліпатська Ю. О. Особливості пристосування галліцизмів до граматичної системи української мови у квантитативному аспекті	10
Пилипенко Г. П. Речь переселенцев из Полесья в Аргентине и Парагвае: документирование и анализ	14
Супрунчук Н. В. Грамматические и акцентологические условия использования будущего II в сербском языке	17
Гадуйка Л. А., Пераход В. Б. Эрганімія Брэстчыны ў кантэксте сучаснай штучнай намінацыі	21

Теория и практика сопоставительного исследования славянских языков

Бойко Н. Н. Концепт «дружба» в языковой картине мира	27
Верамяюк Г. А. Унутраная форма асабовых жаночых намінацый у сучасных беларускай і рускай мовах	30
Грицук Л. Н., Бабаходжаева М. Х. О терминах родства (на материале узбекского, английского и белорусского языков)	34
Елынцева И. В. Неоднословные цветоименования в современных русском и белорусском языках	38
Зуева Е. А. Лексико-тематические и лексико-семантические группы универбов в русском и белорусском языках	41
Кажарновіч М. П. Спецыфіка канататыўнага значэння антрапонімаў у беларускім і славацкім медыядыкурсе	45
Ковалева А. И. Метафора как элемент внутренней формы слова (на материале русских и белорусских фитонимов с различной внутренней формой)	49
Козлова Т. А. Особенности семантики оценочно нейтральных языковых единиц, называющих моральные качества, в современном художественном тексте	52
Мадей Е. Д. К вопросу о методах предотвращения языковой интерференции	56
Посохин А. А. Профессиональная лексика в близкородственных языках (на материале обозначений частей музыкальных инструментов)	60
Рыжковіч Г. Ч. Тэмпаральныя прыназоўнікі як сродак фарміравання тэрмінатыўных сінтаксем у рускай і беларускай мовах	64

Савчук Т. Н. Прагматическая омонимия аргументативных вербализаторов в русско- и белорусскоязычной научно-гуманитарной коммуникации	67
Садко Л. М. Особенности функционирования малых и минимальных форм в творчестве современных поэтов: фонетический и лексический повтор	72
Скибицкая Л. В. Жанровая парадигма малой повествовательной прозы в белорусской литературе конца XIX – XXI в.	76
Филимонова Л. Ю. Сравнительный анализ омонимии в русском и английском языках	79
Шифрон-Борейко И. Семантико-прагматические особенности информативных речевых формул белорусского и русского языков	81

Вопросы истории языка и диалектологии

Бойчик О. А. Вербализация подкода «гады» в русской лингвокультуре	86
Гарбачык М. Р. Формамяненне прыметніка ў брэсцка-пінскіх гаворках (на матэрыяле тараканскіх гаворак)	90
Громова Н. В., Пилипенко-Фріцак Н. А. Іменнікі спільнага роду в дывізіўнаму аспекце	91
Кісель Т. А. Лексема <i>каліна</i> ў кантэксте паэзіі Я. Янішчыц: узаемадзейне мовы і культуры	95
Королевич С. А. Паремикон диалектной языковой личности: когнитивные характеристики	97
Леванцэвіч Л. В. Дывізіўнае слова ў мастацкім кантэксте: структура-семантычны аспект	102
Пристапа Н. Н. К вопросу о типологии специальной лексики в диахроническом исследовании	104
Рычкова Л. В. Миграция VS иммиграция в русской лингвокультуре	107
Самуйлік Я. Р., Дацкевіч А. А. Да фанетычных асаблівасцей гаворкі вёскі Чэрска Брэсцкага раёна	111
Телетова С. Г. Формы проявления аналитической тенденции в морфологии современного русского языка	115
Філософ В. М. Асаблівасці дывізіўнай лексікі Камянеччыны	119

Отражение современных социокультурных процессов в славянских языках

Андрэева А. У. Моналексемныя тэрміны індустрыі гасціннасці ў сучаснай беларускай мове	121
Брага І. І. Дружне лістунанне носііў суржыку	125

Бурнос Є. Ю., Громова Н. В. Структурно-граматична характеристика назв страв та напоїв у сучасній українській мові	129
Валюк Е. А. Трансформации ветхозаветных фразеологизмов в современной русскоязычной интернет-коммуникации	133
Генкин В. М. Прилагательное <i>беларусский</i> в интернет-дискурсе	136
Горицкая О. С. Лексические особенности русской речи в Беларуси: форма и содержание	140
Кирдун А. А., Андреева А. В. Негативная оценка личности как лингвистический показатель вербального правонарушения «Оскорбление»	144
Куц А. А. Семантичныя асаблівасці моўных сродкаў абазначэння перамогі ў беларускамоўных газетных тэкстах	148
Леванюк А. Я. Афарыстыка як паказчык экалагічнасці маўлення	152
Станіславенка Г. Р. Стан тэрміналогіі турызму ў сучасным беларускім дыскурсе	155
Фелькина О. А. Лексические процессы в русском языке в отражении частотных словарей	159

Славянская ономастика

Бут-Гусаім С. Ф. Жанраўтваральная роля паэтонімаў у гістарычнай драматургіі сучасных берасцейскіх пісьменнікаў	163
Вертейко Е. Е. Имена славянской этимологии на белорусско-польском пограничье	167
Годуйко Л. А. Метафорические рекламные имена (на материале прагматонимии и эргонимии Брестчины)	171
Годуйко Л. А. Сферы-источники метафорических рекламных имен (на материале прагматонимии и эргонимии Брестчины)	175
Касцючык В. М. Функцыі онімаў у казках пісьменнікаў Брэстчыны	178
Корабо О. А. Принципы и способы номинации объектов бытового обслуживания Брестчины	182
Ладутько Я. С. Национально-культурный компонент в именах собственных агроусадеб Брестчины	185
Мордань М. Антрапанімія вёскі Шасталы на Бельшчыне ў другой палове XVIII ст.	188
Ондрейковичова Е. Контрастивная топонимика в преподавании синхронного перевода в паре словацкий – русский	192
Якубук Н. Р. Культурознаўчы патэнцыял урбананіміі (на прыкладзе назваў лінейных аб'ектаў г. Брэста)	196
Ясинская М. В. Антропонимы на пограничье (на примере имен и фамилий словенского меньшинства в Италии)	199

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

А. А. Лукашанец (г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)

СУЧАСНЫЯ СЛАВЯНСКІЯ МОВЫ Ў НОВЫХ САЦЫЯКУЛЬТУРНЫХ УМОВАХ

К пачатку XXI ст. палітычная карта сучаснай Славіі кардынальна змянілася, што прывяло да істотнай карэкціроўкі моўных сітуацый у славянскіх краінах і месца славянскіх моў ва ўнутрынацыянальнай камунікатыўнай прасторы. Гэтыя змены датычацца ў першую чаргу наступных аспектаў.

1. Змянілася палітычная карта Славіі (на месцы былых шматнацыянальных і шматмоўных федэратыўных і саюзных дзяржаў з'явіліся новыя, пераважна монанацыянальныя, славянскія краіны). Сёння на палітычнай карце Еўропы прадстаўлены 13 асобных славянскіх краін, у той час як на 1990 г. такіх краін налічвалася толькі пяць (Балгарыя, Польшча, СССР, Чэхаславакія, Югаславія).

2. Змянілася моўная карта Славіі (на працягу дастаткова кароткага часу сфарміраваліся ці па меншай меры былі дэклараваны асобныя славянскія стандартныя мовы: сербская, харвацкая, баснійская, чарнагорская).

3. Істотна змяніліся моўныя сітуацыі ўнутры саміх славянскіх краін (тытульная славянская нацыя і тытульная славянская мова, як правіла, займаюць дамінуючыя пазіцыі ў сваёй краіне).

4. Змяніліся становішча і статус тытульных славянскіх моў у славянскіх краінах (фактычна кожная тытульная славянская мова набыла ў сваёй краіне статус афіцыйнай дзяржаўнай мовы).

Не з'яўляюцца выключэннем у гэтых адносінах Рэспубліка Беларусь і беларуская мова – нацыянальная мова беларусаў. У канцы XX ст. Беларусь, як і многія сучасныя славянскія краіны, набыла дзяржаўную незалежнасць, што прывяло да істотнай змены моўнай сітуацыі ў дзяржаве і месца ў ёй тытульнай беларускай мовы.

У выніку ў XXI ст. практычна ўсе славянскія народы і краіны ўступілі не толькі ў істотна змененым тэрытарыяльным, палітычным і нацыянальна-этнічным выглядзе, але і з кардынальна новымі моўнымі сітуацыямі і новым статусам і функцыянальнай значнасцю тытульных моў. Відаць, можна гаварыць, што на рубяжы тысячагоддзяў толькі Балгарыю і Польшчу не закранулі змены тэрытарыяльнага, нацыянальна-этнічнага і сацыялінгвістычнага характару.

Спецыфіка сучаснага функцыянавання стандартных славянскіх моў ва ўнутрымоўных нацыянальных соцыумах, такім чынам, вызначаецца:

- месцам тытульнай славянскай нацыі ў структуры насельніцтва краіны;
- асаблівасцямі моўнай сітуацыі і месцам у ёй тытульнай мовы;
- афіцыйным статусам тытульнай славянскай мовы;
- камунікатыўнай значнасцю тытульнай славянскай мовы;
- наяўнасцю дастатковага лінгвістычнага забеспячэння для функцыянавання тытульнай славянскай мовы як дзяржаўнай;
- наяўнасцю заканадаўчай базы;
- месцам тытульнай славянскай мовы ў сучаснай кіберпрасторы і г. д.

Славянскія краіны паводле нацыянальнага складу і моўнай разнастайнасці. Сучасныя славянскія краіны, па сутнасці, з'яўляюцца рэальна шматнацыянальнымі і шматмоўнымі, у якіх побач з тытульнай нацыянальна-моўнай большасцю пражываюць шматлікія нацыянальныя і этнічныя меншасці. Напрыклад, у Сербіі побач з сербскай нацыянальнай большасцю (83 % насельніцтва краіны) таксама пражываюць шматлікія нацыянальныя меншасці: баснійцы, цыгане, албанцы, балгары, чарнагорцы, македонцы, славакі, русіны, румыны і інш. Таксама для большасці сучасных славянскіх краін характэрна наяўнасць шматлікіх нацыянальных дыяспар, якія істотна ўскладняюць нацыянальна-моўную карціну кожнай асобнай славянскай краіны.

Аднак з улікам месца тытульнай нацыі ў нацыянальным складзе сучасных славянскіх краін могуць быць класіфікаваны як: 1) фактычна монанацыянальныя краіны (доля прадстаўнікоў тытульнай нацыі больш за 90 %): Польшча, Чэхія, Харватыя; 2) пераважна монанацыянальныя краіны (доля прадстаўнікоў тытульнай нацыі больш за 80 %): Балгарыя, Беларусь, Расійская Федэрацыя, Сербія, Славакія, Славенія; 3) шматнацыянальныя краіны (доля прадстаўнікоў тытульнай нацыі не перавышае 80 %): Боснія і Герцагавіна, Паўночная Македонія, Украіна, Чарнагорыя [1].

Усе славянскія краіны сёння таксама з'яўляюцца рэальна шматмоўнымі. Аднак па месцы ў моўнай сітуацыі мовы тытульнай нацыі яны таксама могуць быць падзелены на некалькі груп: 1) пераважна аднамоўныя краіны (колькасць носьбітаў мовы тытульнай нацыі перавышае 90 %): Польшча, Расія, Харватыя, Чэхія; 2) у асноўным аднамоўныя краіны (колькасць носьбітаў мовы тытульнай нацыі перавышае 80 %): Балгарыя, Сербія, Славакія, Славенія; 3) пераважна двухмоўныя краіны (колькасць носьбітаў дзвюх пашыраных ва ўжытку моў перавышае 80 %): Беларусь, Паўночная Македонія, Украіна; 4) шматмоўныя краіны: Боснія і Герцагавіна, Чарнагорыя (табліца).

Табліца – Месца ў моўнай сітуацыі мовы тытульнай нацыі

Славянская краіна	Тытульная нацыя, %	Тытульная мова – родная, %
Балгарыя (2011)	84,4	85,2
Беларусь (2009)	83,7	53,0
Боснія і Герцагавіна (2013)	50,11	52,9
Паўночная Македонія (2002)	64,18	
Польшча (2002)	96,74	97,8
Расія (2010)	80,9	92,0
Сербія	83,0	
Славакія (2002)	85,8	78,6
Славенія (2002)	83,1	
Украіна	78,8	
Харватыя (2011)	90,42	
Чарнагорыя (2011)	44,98	36,97
Чэхія (2011)	95,0	

Паводле моўнай разнастайнасці і афіцыйнага статусу тытульнай мовы ўсе сучасныя славянскія краіны падзяляюцца наступным чынам.

1. Краіны з адной дзяржаўнай мовай: Польшча (польскай), Чэхія (чэшскай), Балгарыя (балгарскай), Украіна (украінскай), Славакія (славацкай), Славенія (славенскай), Сербія (сербскай), Расійская Федэрацыя (руская), Харватыя (харвацкай).

У радзе славянскіх краін з адной дзяржаўнай мовай моўная сітуацыя ўскладняецца афіцыйным статусам моў нацыянальных меншасцей. Напрыклад, у Славеніі ў некаторых населеных пунктах і абшчынах статус афіцыйнай маюць таксама італьянская і венгерская мовы; у Сербіі ў скупшчыне (парламенце) Ваяводзіны з 2002 г. афіцыйна нароўні з сербскай могуць таксама выкарыстоўвацца венгерская, славацкая, харвацкая, румынская і русінская мовы. Афіцыйнае ўжыванне моў нацыянальных меншасцей таксама дапускаецца ў Харватыі.

У Расійскай Федэрацыі побач з агульнадзяржаўнай рускай мовай функцыянуюць іншыя неславянскія рэгіянальныя дзяржаўныя мовы, але з улікам агульнай колькасці грамадзян, для якіх руская мова з'яўляецца роднай (92 %), яны (рэгіянальныя мовы) не ўплываюць істотным чынам на моўную сітуацыю і не абмяжоўваюць функцыянаванне рускай мовы практычна ва ўсіх сферах камунікацыі і на ўсёй тэрыторыі краіны.

2. Краіны з дзвюма дзяржаўнымі мовамі: Беларусь (блізкароднаснымі беларускай і рускай), Паўночная Македонія (няроднаснымі македонскай і албанскай). Гэтыя краіны характарызуюцца неадназначнымі дынамічнымі працэсамі ў моўнай сферы. У Беларусі гэта абумоўлена

відавочнай дыспрапорцыяй паміж нацыянальнай большасцю (беларусы складаюць 83,7 % насельніцтва краіны) і колькасцю носьбітаў роднай беларускай мовы (53,0 %), а таксама недастатковай запатрабаванасцю беларускай дзяржаўнай мовы як сродку зносін у важнейшых сферах камунікацыі. Для Паўночнай Македоніі сёння востра стаіць праблема імклівай змены колькасных суадносін македонскага і албанскага насельніцтва на карысць апошняга і тым самым колькасных суадносін носьбітаў македонскай і албанскай моў як родных.

3. Краіны з трыма дзяржаўнымі мовамі: Боснія і Герцагавіна (блізкароднаснымі баснійскай, сербскай і харвацкай). Баснійская мова з'яўляецца роднай для 52,9 % жыхароў краіны, сербская – 30,8 %, харвацкая – 14,5 %.

У гэтай класіфікацыі асобнае месца займаюць Чарнагорыя і чарнагорская мова. З аднаго боку, чарнагорская мова з'яўляецца адзінай дзяржаўнай мовай сучаснай Чарнагорыі, што аўтаматычна ўключае яе ў першую групу краін з адной дзяржаўнай мовай. Але, з другога боку, у самім чарнагорскім грамадстве застаецца нявызначаным статус чарнагорскай мовы як асобнай славянскай мовы. Гэта пацвярджаецца як нацыянальным складам краіны, так і колькасцю жыхароў, для якіх чарнагорская мова з'яўляецца роднай. Так, паводле перапісу 2011 года чарнагорцы складалі 44,98 % насельніцтва краіны, сербы – 28,73 %, баснійцы – 8,71 %, албанцы – 4,91 % і інш. Паводле роднай мовы насельніцтва Чарнагорыі размеркавана наступным чынам: сербская мова – 42,88 %, чарнагорская – 36,97 %, баснійская – 5,93 %, албанская – 5,27 %, сербска-харвацкая – 2,03 %.

Такім чынам, у выніку геапалітычных і этнакультурных працэсаў канца XX стагоддзя пераважная большасць сучасных славянскіх краін істотна ўмацавала сваё ўнутрынацыянальнае адзінства і аднароднасць, а тытульныя славянскія мовы – свой афіцыйны статус і функцыянальную значнасць. Разам з тым захоўваюць актуальнасць праблемы лінгвістычнага, прававога, адукацыйнага і ментальна-псіхалагічнага забеспячэння паўнавартаснага функцыянавання тытульных славянскіх дзяржаўных моў ва ўмовах дзяржаўнага двухмоўя і шматмоўя (Беларусь, Боснія і Герцагавіна, Паўночная Македонія, Чарнагорыя).

Спіс выкарастанай літаратуры

1. Вікіпедыя [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://ru.wikipedia.org/wiki>. – Дата доступу: 18.03.2020.

О. Н. Волкова, Ю. О. Кліпатська (м. Суми, Україна)

ОСОБЛИВОСТІ ПРИСТОСУВАННЯ ГАЛЛІЦИЗМІВ ДО ГРАМАТИЧНОЇ СИСТЕМИ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ У КВАНТИТАТИВНОМУ АСПЕКТІ

Засвоєння іншомовної лексики – багатоаспектний процес, що вимагає різнобічного вивчення. Тому дослідження галліцизмів передбачає й аналіз процесів адаптації цих запозичень до граматичної системи мови.

Французька мова є другою у світі за популярністю її вивчення та має статус офіційної у 29 країнах. Тому її вплив як на різні мови внаслідок культурно-історичних контактів та економічних відносин є помітним.

Історія галліцизмів в українській мові вже була об'єктом аналізу таких мовознавців, як М. А. Венгренівська, Л. Р. Коккіна, Л. Б. Гаращенко, Л. В. Бондар, Т. П. Гаупт та ін. Але це стосувалось лексичного засвоєння цих запозичень, а дослідження способів і засобів вираження граматичних значень галліцизмів у новій граматичній системі залишається актуальним, зокрема в аспекті формально-граматичного вираження категорії числа.

Порівнювальні мови мають подібну бінарну структуру цієї категорії (опозиція одиничності та множинності), де «категорії числа и падежа тесно переплетаются, т. к. один показатель выражает обе категории» [1, с. 584]. Не зважаючи на флективний характер порівнювальних мов, в українській мові переважають синтетичні засоби вираження граматичних значень, основним з яких є флексія. Так, лексеми *вчитель* – *вчителі*, *місто* – *міста*, *лекція* – *лекції* функціонують як форми одного слова, де закінчення одночасно є показниками як числа, так і відмінка. Значно рідше використовуються: наголос (*верба́*, *вербу́* – *ве́рби*; *мо́ре*, *мо́ря* – *мор'я́*; *вікно́*, *вікна́* – *вікна*); специфічні засоби словотвору (*киянин* – *кияни*; *небо* – *небеса*; *курча* – *курчата*); форми залежних слів у словосполученні з іменником (*зелен-а трав-а*, *зелен-ої трав-и* – *зелен-і трав-и*, *зелен-их трав*; *мо-є завдання* – *мо-ї завдання*, *учень працю-є* – *учн-і працю-ють*).

Французька ж мова належить до аналітичного типу, в її історії відмінкові форми трансформувались в аналітичні, і флексія *-s* репрезентує лише категорію числа: *une action* (акція) – *des actions* (акції), *une prothèse* (протез) – *des prothèses* (протези), *un chiffre* (ширф) – *des chiffres* (шифри), *une thèse* (теза) – *des thèses* (тези).

Але частіше квантитативна характеристика французьких іменників передається аналітично за допомогою артиклів, прийменників, вказівних займенників: *un pays* (країна) – *des (de + les) pays* (країни), *un nez* (ніс) – *des (de + les) nez* (носи); *ce voix* (цей голос) – *ces voix* (ці голоси). Іноді може використовуватися внутрішня флексія: *un journal* (газета) – *des*

journaux (газети), *un animal* (тварина) – *des animaux* (тварини); дуже рідко суплетивізм: *un oeil* (око) – *des yeux* (очі), *un homme* (людина) – *des gens* (люди).

При цьому існують значні розходження між усним мовленням і письмом. У письмовій формі показником категорії числа зазвичай виступає буква *-s*, а у мовленні [z] реалізується у певному порядку слів і при наявності *liaison* (зв'язку): *L'opposant a écouté leurs remarques [z] aimables* (Опонент вислухав їх добрі зауваження). Однак переважно категорія числа в усному мовленні не знаходить звукового вираження: *Le professeur a écouté leur(s) remarque(s)* (Професор вислухав його (їх) зауваження). Тут показник множини *-s* не має звукового оформлення, а отже тільки *liaison* (зв'язок) вказує на кількість.

Форма множини французьких складних іменників утворюється здебільшого шляхом словоскладання, причому формальний показник множини – літера *-s* вживається по-різному: і в першій частині складного іменника (*un chef-d'oeuvre* – шедевр / *des chefs-d'oeuvre* – шедеври), і в другій частині (*un chou-fleur* / *des chou-fleurs* – цвітна капуста), і в обох частинах (*un fer-blanc* / *des fers-blancs* – жерсть).

Більшість французьких та українських іменників, що піддаються лічбі, змінюються за числами. Такий різновид категорії називають семантико-граматичним числом. В обох мовах також є іменники, що вживаються або тільки в однині або тільки у множині. Такий різновид категорії називається граматичним числом. Групи іменників *singularia tantum* і *pluralia tantum* в українській і французькій мовах повністю не співпадають. Порівняймо:

а) *singularia tantum*: *лінгвістика* (одн.) – *une linguistique* (одн.), *золото* (одн.) – *un or* (одн.), *задоволення* (одн.) – *un contentement* (одн.), *авангард* (одн.) – *une avant-gard* (одн.), *гнів* (одн.) – *une colère* (одн.), *студентство* (одн.) – *des étudiants* (мн.), *гроші* (мн.) – *un argent* (одн.), *ваги* (мн.) – *une balance* (одн.) та ін.;

б) *pluralia tantum*: *апартаменти* (мн.) – *des appartement* (мн.), *сутінки* (мн.) – *des ténèbres* (мн.), *ножиці* (мн.) – *des ciseaux* (мн.), *окуляри* (мн.) – *des lunettes* (мн.), *підтяжки* (мн.) – *des bretelles* (мн.), *щипці* (мн.) – *des pincettes* (мн.), *панталони* (мн.) – *un pantalon* (одн.), *дріжджі* (мн.) – *un levain* (одн.), *консерви* (мн.) – *une conserve* (одн.) та ін.

Первинне лексичне засвоєння галліцизмів доповнювалось, як правило, більш тривалим процесом їх адаптації до морфологічної системи мови-реципієнта.

Так, не характерні українській мові граматичні засоби вираження числа трансформуються в специфічні українські флексії. Здебільшого це слова жіночого роду, які зберегли рід в українській мові та придбали прикриттямні їй відповідні формальні закінчення. Наприклад: *une alternative*

(ж. р.) – *альтернатива* (ж. р.), *une bijouterie* (ж. р.) – *біжутерія* (ж. р.), *une pièce* (ж. р.) – *п'єса* (ж. р.), *une statuette* (ж. р.) – *статуетка* (ж. р.), *une pistache* (ж. р.) – *фісташка* (ж. р.), *une ferme* (ж. р.) – *ферма* (ж. р.), *une pose* (ж. р.) – *поза* (ж. р.) та ін.

Наявні випадки, коли в такому процесі адаптації змінився рід іменників: *un plomb* (ч. р.) – *пломба* (ж. р.), *un cigare* (ч. р.) – *сигара* (ж. р.), *une grippe* (ж. р.) – *грип* (ч. р.), *une mayonnaise* (ж. р.) – *майонез* (ч. р.), *une dissonance* (ж. р.) – *дисонанс* (ч. р.), *une avance* (ж. р.) – *аванс* (ч. р.), *une arbalète* (ж. р.) – *арбалет* (ч. р.), *un loto* (ч. р.) – *лото* (с. р.), *une coqueluche* (ж. р.) – *коклюш* (ч. р.) та ін. Запозичені форми на приголосний в українській мові ввійшли в клас іменників чоловічого роду та, завдяки засвоєній відмінковій парадигмі, отримали в початковій формі нульове закінчення.

У французькій мові, на відміну від української, категорія роду має бінарну структуру: чоловічий та жіночий рід. Прослідковуються приклади, де відбулася трансформація форми іменника для репрезентації числового значення такими українськими флективними засобами, які одночасно є показниками середнього роду, взагалі не притаманного мові-донору: *un piquetage* (ч. р., одн.) – *пакетування* (с. р., одн.; мн.), *un piqué* (ч. р., одн.) – *пікірування* (с. р., одн.; мн.).

Група запозичених французьких іменників жіночого роду на *-ie* в українській мові отримала фінальні елементи *-ія* або *-ея*: *une batterie* – *батарея*, *une garantie* – *гарантія*, *une orangerie* – *оранжерея*, *une partie* – *партія*, *une série* – *серія*. Значна кількість таких іменників у французькій мові утворена за допомогою суфікса *-ation* і похідних від нього *-tion*, *-ion*. Завдяки цьому суфіксу іменник означає дію, яка переходить у стан, результат дії, конкретне поняття та вказує на приналежність іменника до жіночого роду. В українській мові такі лексеми після запозичення набули форму на *-ація* та зберегли значення жіночого роду: *une reputation* – *репутація*, *une emotion* – *емоція*, *une degustation* – *дегустація*, *une intonation* – *інтонація*.

Шляхом транслітерації була запозичена певна кількість іменників чоловічого роду, бо їх початкова граматична форма (на приголосний) відповідає українським морфологічним нормам вираження роду та значення однини: *un élément* (ч. р., одн.) / *des éléments* (мн.) – *елемент* (ч. р., одн.) / *елементи* (мн.), *un compliment* (ч. р., одн.) / *des compliments* – *комплімент* (ч. р., одн.) / *компліменти* (мн.), *un dessert* (ч. р., одн.) / *des desserts* (мн.) – *десерт* (ч. р., одн.) / *десерти* (мн.), *un cabinet* (ч. р., одн.) / *des cabinets* (мн.) – *кабінет* (ч. р., одн.) / *кабінети* (мн.) та ін. Але, потрапивши в українську мову, ці лексеми розвинули усю її відмінкову парадигму як в однині, так і в множині, включаючи осмислення нульової флексії

в початковій формі: *елемент*, *елемента*, *елементу*, *в елементі* (одн.); *елементи*, *елементів*, *елементам*, *в елементах* (мн.) і т. д.

Ряд іменників французького походження утворили в українській мові окрему групу незмінюваних слів. Характерною їх особливістю є неповне підпорядкування законам відмінювання українських іменникових лексем, що зумовлено тенденцією до збереження первинного фонематичного оформлення слова та мовною традицією до більш формальної адаптації іншомовних слів.

Як правило, у французькій мові такі іменники мають як синтаксичне вираження значення числа (формою залежного слова), так і синтетичне: за допомогою закінчення *-s* у множині та детермінативів (артиклів): *ce défilé* – **це** дефіле, *ces défilés* (мн.) – **ці** дефіле; *bon menu* – **гарне** меню, *bons menus* (мн.) – **гарні** меню. Частина таких невідмінюваних субстантивів в українській мові має обидва значення числа, але ця категорія репрезентується лише на синтаксичному рівні: *un filet* – *філе*: *куряче філе*, *курячі філе*; *une dragée* – *драже*: *різнокольорове драже*, *різнокольорові драже*; *une purée* – *пюре*: **одне** пюре, **два** пюре; *un cotiniqué* – *комюніке*: **це** комюніке, **ці** комюніке; *un menu* – *меню*: *різноманітне меню*, *різноманітні меню*; *un attaché* – *аташе*: **один** аташе, **кілька** аташе; *un barbecue* – *барбекю*: **гарне** барбекю, **багато** гарних барбекю; *un ragoût* – *рагу*: *немає овочевого рагу*, *немає овочевих рагу*.

А частина таких іменників поповнила групу *singularia tantum* в українській мові: *un credo* (одн.) / *des credos* (мн.) – *кредо*, *un veto* (одн.) / *des vetos* (мн.) – *вето*, *un toka* (одн.) / *des tokas* (мн.) – *мокко*.

Дослідження показало, що абсолютна більшість галліцизмів зберегла в українській мові значення числа і в процесі адаптації майже повністю сприйняла граматичні засоби української мови для репрезентації квантитативної характеристики іменників.

Список використаної літератури

1. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / В. Г. Гак [и др.] ; под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Большая Рос. энцикл., 1998. – 685 с.
2. Гак, В. Г. Порівняльна типологія французької та російської мов / В. Г. Гак. – М. : Просвещение, 1983. – 287 с.
3. Сучасна українська літературна мова : підручник / М. Я. Плющ [та ін.] ; за ред. М. Я. Плющ. – Київ : Вища шк., 2005. – 430 с.

Г. П. Пилипенко (г. Москва, Российская Федерация)

**РЕЧЬ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ИЗ ПОЛЕСЬЯ В АРГЕНТИНЕ
И ПАРАГВАЕ: ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ И АНАЛИЗ**

В результате серии полевых диалектологических и социолингвистических экспедиций, начатых в 2015 г., в Аргентине и Парагвае были сделаны аудио- и видеозаписи речи переселенцев и их потомков с Полесья (выходцы из современных Брестской области Беларуси и Волынской области Украины). В провинции Мисьонес (Аргентина) и в департаменте Итапуа (Парагвай) мигранты оказались в результате экономической волны переселения в 20–30 гг. XX в. Указанные регионы являются одним из центров концентрации переселенцев-славян в Южной Америке. Здесь компактно проживают украинцы, белорусы, поляки, русские. Основное занятие – сельское хозяйство, поскольку большинство мигрантов живет в сельской местности, «на чакрах». Сегодня родные говоры переселенцев и их потомков находятся под угрозой ассимиляции: активно ими владеет лишь старшее поколение, тогда как среднее и младшее поколение в лучшем случае может понять, о чем идет речь, однако отвечает уже по-испански. Изучением переселенцев из Беларуси и Украины в странах Южной Америки занимались в основном историки [1; 2]. В наших работах рассмотрены контактологические и диалектные особенности речи информантов [3; 4]. В настоящее время создан архив, состоящий из аудио- и видеозаписей, фотографий и полевых заметок исследователя.

Записанная речь содержит много контактных особенностей из испанского языка (адаптированные и неадаптированные заимствования (например: *була́ дóбра косéча* (исп. *cosecha* – урожай), семантические кальки, переключения кода, метаязыковые комментарии). Ниже приводятся два транскрибированных текста, записанных в городе Обера (провинция Мисьонес, Аргентина) от собеседницы Ю., православной (75 лет), чьи родители переселились в Аргентину в 30-е гг. XX в. Третий фрагмент записан от информанта в городе Энкарнасьон (Парагвай), православного П. П. (80 лет). Родители П. П. приехали в Парагвай также в 30-е гг. XX в. Исследователь в записях обозначен инициалами – Г. П.

Тексты даны в фонетической записи (на латинице) и сопровождаются переводом на русский язык. Короткая пауза в транскрибируемых текстах передана при помощи |, длинная пауза обозначается ||. В текстах фиксируются оговорки, фальстарты, хезитации, автокоррекции информантов, отмечаются эмоции во время интервью (например, (смех)). В скобках (например, ka(žu)) передаются пропущенные при беглом темпе речи звуки. Знаком [...] обозначены небольшие пропущенные фрагменты

или реплики других участников интервью. Прямая речь заключена в кавычки в оригинальном тексте и в переводах. Элементы из испанского языка выделены курсивом. В первом фрагменте собеседница рассказывает об учебе в школе. Во втором фрагменте приводится рассказ о том, что готовят на Пасху. В третьем фрагменте информант рассказывает о свадебных обычаях, которые были распространены среди мигрантов еще несколько лет назад.

Фрагмент [1]

Ю. Do školy xudýla v'ís'im k'il'ómetr'iw.

Г. П. Daléko?

Ю. Daléko! | c'ilyj ɣot | ne znála po *kastéz'i* ɣoworýty [...] *pero* potróxy potróxy potróxy nawčýlas'a | ta jak to káže | jak tub'í šo tréba čytáty | ja jednómu kazála | kažú jak | xudýla du školy | kažú | jidnóɣo da jidnóɣo dn'a ja kažú du mámy | – “ja ne p'idú du školy” | – “čoyó”? | – “*porque* mne žyv'ít bulýt' ” | a máma káže | – “čoyó tebé bulýt' žyv'ít?” | – “ne znáju!” | nu bulýt' bulýt' | céje-téje | – “alé ty znáješ čytáty” | znáju ws'o čytáty | týjko tyjivóji | n'i jidnóɣo slóva ne móžu zložýty | bo ny znála vs'ix *l'étr'iv* | a pól's'k'i i kastež'an's'k'i *l'étr'i* | *parecido!* | p'itxód'at' | a tátu na rós'i ɣurály | k'in'my | ja be'ru svujú kný'sku | i máma | idém na ro- na-na u póle tudá ta jak to kážu | tátu men'í ruskazály | pukazály | ja perečytála ras | perečytála drúɣyj ras | a wže ny bulýt' žyv'ít' idú du školy! (смех).

Перевод [1]

Ю. И в школу ходила восемь километров.

Г. П. Далеко?

Ю. Далеко! Целый год не умела по-испански говорить [...] но понемногу-понемногу-понемногу научилась. Как сказать, если тебе что-то нужно прочитать, я одному говорила, говорю как, ходила в школу, говорю, однажды я говорю маме: – «Я не пойду в школу». – «Почему?» – «Потому что у меня болит живот». А мама говорит: – «Почему у тебя болит живот?». – «Не знаю!» Ну болит-болит, это-то. – «Но ты умеешь читать». Умею все читать, только это, ни одного слова не могу сложить, потому что не знала всех букв. А польские и испанские буквы похожие, а папа в поле пахал, на лошадях, я беру свою книжку. И мама. Мы идем в поле, как говорят, папа мне рассказал, показал. Я перечитала раз, перечитала второй раз, и уже не болит живот, иду в школу (смех)!

Фрагмент [2]

Ю. Pásku peklý^e | o-o | tréba buló rubý^ety^e | moje ma- moja máma ruskazála ja men'í tre- jak jak pásku pektý | tu ja tak peklá.

Г. П. Jak to | můžete roskazáty?

П. *Claro!* | páska | jak pásku pečéte tu tak jak to xl'ip týjko sulótkyj | *porque* je páska i je mazúrky! | a mazúrky tu vyrubl'ájut' kuméd'iji tam | tam to

rob- kwy^etký kvitočký to séje to téje | a páska n'e! | páska ɣladén'ka! | ta jak xl'ip | ny máje n'ičoyó | músy búty ɣladén'ka | to ja jidnóyo | jidnóyo rázu pryjš-pryjíxaly du nas mujá t'ítka | téje | *bueno* | my pujíxaly na prówudy s prówudyw pujíxaly | *bueno* | stály ɣub'ídaty | i ja | prynésla | i vuná tak podyvýlas'a | – “i ty tak zrubýla” káže | “jak zrubýly kulýs' | pásku” | kažú – “tak!” | kažú – “mené máma nawčý^ely^e” | kažú | – “va- váša sestrá! | mujá máma | mené nawčý^ela šu kazála šu páska máje búty ɣladén'ka ny máje máje | ny máje máty n'jákyx | kókuméd'ijuw | zvérxa” | a kažú | – “a mazúrky si!” | mazúrky májut' to kf'itočký | to jakús' káčku | to jakés' šos' zróbl'ane | s t'ísta vý^erubl'ane | i | spéčene.

Перевод [2]

Ю. Паску (*Речь идет о пасхальном хлебе – Г. П.*) пекли, нужно было делать. Моя мама рассказала мне, как паску печь, и я так пекла.

Г. П. Как это, можете рассказать?

Ю. Конечно! Паска, когда паску печете, это как хлеб, только сладкий. Потому что есть паска, и есть мазурки (*Разновидность торта, печенья – Г. П.*)! А мазурки, там делают комедии, там то цветы, цветочки, то то, то сё, а паска нет! Паска – гладкая! Как хлеб, нет ничего, должна быть гладкая. Однажды я, однажды приехала к нам тетя. Хорошо, мы поехали на проводы, с проводов поехали, хорошо, стали обедать. И я принесла, а она так посмотрела. – «И ты так сделала, – говорит, – как делали когда-то паску». Я говорю: – «Да, – говорю, – меня мама научила, – говорю, – ваша сестра! Моя мама меня научила, она говорила, что паска должна быть гладкая, не должна иметь никаких комедий наверху», а говорю: – «А мазурки – да». У мазурок это цветочки, или какая-то уточка, или что-то сделанное, из теста сделанное и испеченное.

Фрагмент [3]

П. П. Dla družká robýly | takú kwýtku | šukály u lísi | šo mála taký rostóčky | na try! i wže tam robýly tíji kwýtky wso | i wže v'in | ɣul'áw téje | – “des tut naš molodýj je | bát'ko i máty prósymo do perepóju | ɣop caj!” | – “des je tut sus'ít | de máty xreščóna | de tut je sus'ít takýj takýj | des tut je!” – “a | druž'á *amigo* takýj takýj” | za kážnoyo | jak je vže-e-e | čolovík i ž'ínku to obóje | a jak je jakýjs sam | to i-i-i | to xlópci | tak | i kážnyj | tam xto idé do molodóyo putxódyt do molodýx | pozdravl'áje jix.

Перевод [3]

П. П. Для дружки делали такой цветок, искали в лесу, что имел три отростка, на три! И уже там делали эти цветы, и уже он танцует: – «Где тут наш молодой, отца и мать просим к перепю, гоп-цай!» – «Где тут сосед, где крестная мать, где тут такой-то сосед, где-то тут есть?!» – «А друзья такой и такой». За каждого, если мужчина и женщина, то оба, а если кто-то один, это парни, и каждый там, кто идет к молодому, подходит к молодым и поздравляет их.

Список использованной литературы

1. Шабельцаў, С. В. Беларусы ў Аргенціне: грамадская дзейнасць і рээміграцыя ў СССР (1930–1960-я гг.) / С. В. Шабельцаў. – Мінск : Медысонт, 2009. – 368 с.
2. Cipko, S. Contested identities: Competing articulations of the national heritage of pioneer settlers in Misiones, Argentina / S. Cipko, J. C. Lehr // *Prairie Perspectives: Geographical Essays*. – 2000. – № 3. – P. 165–180.
3. Пилипенко, Г. П. Экспедиция к славянам в Южную Америку / Г. П. Пилипенко // *Славян. альм.* – 2018. – № 1–2. – С. 289–300.
4. Pilipenko, G. The Ukrainian language in Argentina and Paraguay as an identity marker / G. Pilipenko // *Slověne. International Journal of Slavic Studies*. – 2018. – № 1. – P. 281–307.

Н. В. Супрунчук (г. Минск, Республика Беларусь)

ГРАММАТИЧЕСКИЕ И АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БУДУЩЕГО II В СЕРБСКОМ ЯЗЫКЕ

Во всех языках мира глагольные системы довольно сложные, развитые, характеризуются богатством грамматических категорий, сложным переплетением лексических и грамматических значений.

У праиндоевропейского глагола реконструируются категории лица, числа, времени, наклонения и залога. Видовое противопоставление начало складываться в праславянском языке, прежде всего это происходило в рамках отдельных лексических групп. Окончательно вид формировался в каждом славянском языке по отдельности, со своей спецификой. В результате во всех славянских языках вид взаимодействует с другими категориями, но делает это по-своему.

Обратимся к сербскому языку. Здесь выделяются следующие временные формы: аорист, имперфект, перфект, плюсквамперфект, настоящее, будущее I и будущее II. Времена эти имеют разную употребительность и сохранность. Подробное их обсуждение выходит за рамки нашей статьи. Для обозначения действия в будущем используются формы настоящего времени, будущего I и будущего II. Целью нашей работы стало выявление условий, которые определяют использование будущего II.

Будущее II – сложная форма, состоит из вспомогательного глагола *biti* и причастия основного (смыслового) глагола: *budem gledala* ‘буду смотреть’, *budu pevali* ‘будут петь’. Эта форма довольно употребительна в современном сербском языке. Она встречается несмотря на то, что будущее время передается также формами глаголов совершенного вида настоящего времени и формами будущего I глаголов обоих видов.

Материал извлекался из корпуса сербского языка, который создан на математическом факультете Белградского университета. В результате

запроса, сформированного на специальном корпусном языке, была получена выдача в 6 923 контекста. Было отобрано каждое десятое высказывание,

из которых был подготовлен подкорпус примеров, содержащих будущее II, в объеме 282 единиц.

Таким образом, заслуживает внимания то, благодаря чему в условиях конкуренции эти формы все же сохраняются. Нас интересуют ответы на два вопроса: 1) для обозначения какого периода в будущем используются эти формы; 2) в каких типах придаточных частей используются эти формы.

Изучаемая форма не совсем обычна. В классификационном плане она имеет смешанный характер, не чисто временной. Безусловно, она помещает действие в будущее (т. е. содержит граммему категории времени), но при этом дается информация о порядке действий в будущем, т. е. информация о соотношении, об относительном положении двух событий или ситуаций на временной оси. Значит, здесь присутствует так называемое таксисное значение.

Таксис принадлежит к более широкому полю темпоральности, довольно хорошо описанному в литературе. Мы придерживаемся определения, которое предложил В. С. Храковский: «функционально-семантическая категория, которая реализуется в бипропозитивных (и шире полипропозитивных) конструкциях, где различными грамматическими средствами маркируется временная локализация (одновременность/неодновременность: предшествование, следование) одной ситуации P_1 относительно другой ситуации P_2 , чья временная локализация характеризуется относительно времени речи, т. е. независимо от какой-либо еще ситуации P_n » [1, с. 37]. Иными словами, таксис характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения (в отличие от времени, характеризующего сообщаемый факт по отношению к факту сообщения), например: *Јак пачало змяркацца, [Хведар] устаў, пайшоў краем кустоўя ў бок вёскі* (В. Быкаў. Аблава). Здесь одно действие (*пайшоў*) в прошлом соотносится с другим действием в прошлом (*пачало змяркацца*).

Интерес представляет то, какое именно таксисное значение передается. В исследованных примерах обнаружено значение предшествования, например:

– *Radovala me je pomisao da ću mu učiniti zadovoljstvo, i to onda kada on već, u sebi, **bude digao** ruke od saradnje sa mnom, ili kada bar **bude počeo** da sumnja u delotvornost poštanskih usluga* ‘Меня радовала мысль, что я сделаю ему приятное, причем тогда, когда он уже, про себя, откажется от сотрудничества со мной или когда по крайней мере начнет сомневаться в эффективности почтовых услуг’ (Arsenijević Vladimir. U potpalublju).

– *On samo uze druga za ruku i reče mu koliko će istinita i lepa biti ta pripovetka kada je **bude napisao*** ‘Он просто взял товарища за руку и сказал ему, насколько правдив и прекрасен будет этот рассказ, когда он его напишет’ (Petrović Rastko. *Sa silama nemerljivim*).

Выявлено также значение одновременности:

– *Kad Pavle **bude svirao** na našem, đaćkom koncertu, sviraće i naše stvari* ‘Когда Павле будет играть на нашем, школьном, концерте, то исполнит и наши произведения’ (Sekulić Isidora. *Kronika palanačkog groblja*).

– *I to ću ti u oči reći, čak i kad **bude umirao** na jastuku!* ‘И я ему выскажу это в глаза, когда он даже умирать будет, на своей подушке!’ (Dostojevski Fjodor Mihajlovič. *Idiot*).

Ни в одном предложении не обнаружено значение следования. В лингвистической литературе указывается на возможность таких случаев: *Neћemo mu verovati sve dok ne bude ispunio obeћање* ‘Мы не будем ему верить, пока он не выполнит обещания’; *Пре него што будем пошла, javићu вам се* ‘Прежде чем уйти, я позвоню вам’ [2, с. 175].

В литературе отмечено, что в современном сербском языке будущее II используется в придаточных времени и условия [3]. Это действительно так (включая случаи с эллипсисом главной части), например:

– *Idući put kada bude spasavao svet pokupiće dva muška slona* ‘В следующий раз, когда он будет спасать мир, то соберет двух слонов мужского пола’ (Nedeljković Dušan. *Ponedeljak*);

– *A ako ne bude mogao više da donosi?* ‘А если он не сможет больше приносить’ (Popović Miroslav. *Sudbine*).

В ряде случаев сложно провести границу между этими двумя типами придаточных, прежде всего при использовании союза *dok*:

– *...Dokle god rukovodstvo **bude vraćalo na posao** ljude koje je policija uhvatila u krađi goriva, neće nam pomoći ni najveće donacije ni tuđi napori da nam bude bolje, naprotiv, biće nam gore* ‘До тех пор пока руководство будет восстанавливать на работе людей, которых полиция арестовала за кражу топлива, не помогут нам ни самые большие субсидии, ни чужие усилия сделать нам лучше, напротив, будет нам хуже’ (Politika, 24.05.2001).

– *...ali njihove crte neće poznati mada će mu se one učiniti odnekud bliske, sve dok u listanju ne **bude stigao** do poslednje stranice i ugledao druga, drukčija slova, za koja će odmah znati da su Verina* ‘...но их черты он не узнает до тех пор (хотя они и будут ему казаться почему-то близкими), пока, листая, не дойдет до последней страницы и не увидит другие, иные буквы, которые – как он сразу поймет – написала Вера’ (Tišma Aleksandar. *Upotreba čoveka*).

Нами также выявлены иные типы предложений:

1) придаточные определительные:

– ...*a kagan im je objavio odluku da sa celim svojim narodom pređe u veru onoga od njih koji **bude dao** najprihvatljivije tumačenje jednog sna* ‘А каган объявил им решение, что со всем своим народом перейдет в веру того из них, кто даст наиболее приемлемое толкование его сна’ (Pavić Milorad. Hazarski rečnik);

– *U Japanu i Južnoj Koreji smatralo se da će Jugoslavija i Rusija da vode glavnu reč za prvo mesto koje vodi na završni turnir, a da će onaj tim od ta dva koji **bude imao** manje sreće šansu da potraži u doigravanju* ‘В Японии и Южной Кореи считалось, что Югославия и Россия будут оспаривать первое место, которое откроет дорогу на завершающий турнир, и что та из двух команд, которой повезет меньше, сможет попытаться счастья в доигрывании’ (Politika, 18.04.2001);

2) придаточные уступительные:

*Zna da sprema poljsku kujnu i pristaje da ide za mnom gde god **budem pošao*** ‘Известно, что он готовит полевою кухню и согласен последовать за мной, куда бы я ни отправился’ (Petrović, Rastko. Afrika);

3) придаточные образа действия:

*Od toga kako pomenuti zakon **bude regulisao** odnos sa Hagom zavisice i izručenje tribunalu bilo kog državljanina Jugoslavije* ‘От того, как названным законом будут регулироваться отношения с Гаагой, будет зависеть выдача трибуналу любого гражданина Югославии’ (Politika, 08.04.2001);

4) придаточные меры и степени:

*...izrazio spremnost da niški, znači «domaći» projektanti, arhitekte i stručnjaci daju doprinos u izradi projekata i da, svakako, izdvoji, koliko **bude mogao**, novca i učestvuje sa železnicama i državom u realizaciji posla* ‘Он высказал готовность, чтобы проектировщики, архитекторы и специалисты из города Ниш, т. е. «отечественные», участвовали в подготовке проектов, а также безусловную готовность выделить, сколько сможет, денег и участвовать с железными дорогами и государством в выполнении этого дела’ (Politika, 29.05.2007).

Количественные данные представлены в таблице.

Таблица – Сложные предложения с будущим II

Вид придаточной части	Количество примеров	
	Абсолютное количество	Проценты
Условная	123	44
Временная	93	33
Определительная	31	11
Условно-временная	9	3
Иные типы	26	9
Всего	282	100

Кроме грамматических и, шире, понятийных ограничений, на использование будущего II влияет и фонетический фактор. Так, формы будущего I состоят из основного глагола и вспомогательного глагола, который представлен краткой формой глагола *hteti* 'хотеть': *ću, ćeš, će, ćemo, ćete, će*. Эти формы являются энклитиками, то есть лишены ударения. Следовательно, в определенных условиях (в начале фразы или придаточной части, после союза или междометия) невозможно использование безударных форм, что служит еще одним фактором, который подталкивает говорящего сделать выбор в пользу будущего II.

Итак, наше исследование показало, что будущее II сохраняется в сербском языке, несмотря на общую тенденцию к упрощению, экономии, а также несмотря на конкуренцию со стороны будущего I и форм совершенного вида настоящего времени. Установлено, что эта форма образуется от глаголов обоих видов, встречается в разнообразных типах придаточных (времени, условия, определительных и др.).

Список использованной литературы

1. Храковский, В. С. Категория таксиса (общая характеристика) / В. С. Храковский // Вопр. языкознания. – 2003. – № 2. – С. 32–54.
2. Пипер, П. Нормативна граматика српског језика / П. Пипер, И. Клајн. – Нови Сад : Матица српска, 2014. – 582 с.
3. Vuković, P. Futur drugi u suvremenom hrvatskom jeziku / P. Vuković // Jezik. – 2014. – God. 61., № 3. – S. 81–94.

Л. А. Гадуйка, В. Б. Пераход (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)

ЭРГАНІМІЯ БРЭСТЧЫНЫ Ў КАНТЭКСЦЕ СУЧАСНАЙ ШТУЧНАЙ НАМІНАЦЫІ

Эргонімы – штучныя імёны дзелавых аб’яднанняў людзей – займаюць значнае месца ў перыферычным анамастыконе Брэстчыны, паколькі дэманструюць сацыяльнае, эканамічнае, культурнае жыццё рэгіёна, яго развіццё. Актуальнасць даследавання эрганіміі абумоўлена масавым узнікненнем, актыўным функцыянаваннем корпуса новага анамастычнага матэрыялу, які патрабуе сістэматызацыі, навуковага асэнсавання і апісання; неабходнасцю вывучэння ўзаемадзеяння экстра- і інтралінгвістычных фактараў у штучнай намінацыі, а таксама недастатковай распрацоўкай праблем перыферычнай анамастыкі ў працах беларускіх даследчыкаў, у прыватнасці на матэрыяле асобнага рэгіёна.

Вывучэнне рэгіянальнай эрганіміі спрыяе абагульненню, тэарэтычнаму асэнсаванню пытанняў анамасіялагічных, намінатыўных, семантычных асаблівасцей, структурнай, дэрывацыйнай арганізацыі эргонімаў, іх

прагматыкі, стылістычнага, лінгвакультуралагічнага патэнцыялу як у пэўным рэгіёне, так і ў цэлым у Беларусі і за яе межамі.

Матэрыял даследавання склалі асабовыя імёны (парадку 750 адзінак), зафіксаваныя ў васьмі тэматычных групах рэгіянальных эргонімаў – намінацыі фізкультурна-аздараўленчых, культурна-забаўляльных, дасугава-рэкрывацыйных устаноў, аб’ектаў грамадскага харчавання, гандлёвых (прадуктовых) аб’ектаў, прадпрыемстваў бытавога абслугоўвання, турыстычных арганізацый, творчых калектываў.

Рознааспектны аналіз перыферычнага анамастыкона Брэстчыны дазволіў прыйсці да высновы, што ён знаходзіцца ў русле тэндэнцый, уласцівых беларускай і рускай мовам увогуле; адлюстроўвае экстрапаляцыю асноўных асаблівасцей сучаснай штучнай намінацыі ў галіне камерцыйных і некамерцыйных аб’яднанняў людзей.

Адна з тэндэнцый сучаснай эрганіміі, якая спрыяе выкананню яе асноўных функцый – намінатыўнай, ідэнтыфікацыйнай і рэкламнай, – гэта **кампактнасць** эргоніма, яго (найбольш цікавай з лінгвістычнага пункту погляду) прапрыяльнай групы. Апошняя ў кампрэсіўнай, сціслай форме імкнецца данесці максімальную дозу інфармацыі аб дэнаце (рэферэнце) – арганізацыі, установе, іншым аб’екце намінацыі.

У прапрыяльнай частцы прадстаўлены ў пераважнай большасці адна- і двухслоўныя моўныя адзінкі (лексемы, словазлучэнні). Прадуктыўнымі з’яўляюцца наступныя мадэлі будовы прапрыяльнай групы: аднаслоўная намінатыўная (*спа-салон “Орхидея”, студыя спартыўных бальных танцаў “Оскар”, фітнес-клуб “Стаклин”, кафэ “Сваякі”, швейная майстэрня “Ательер”, комік-група “Лицедей”, народны мужчынскі вакальны ансамбль “Благовест” і інш.*); двухслоўная ад’ектыўна-намінатыўная (*цэнтр дзіцячага развіцця “Первый шаг”, бар “Блинный рай”, магазін “Сладкий уголок”, пункт пракату “Третья рука”, турыстычны апэратар “Каляровая вандроўка”, народны ансамбль народнай песні “Пескаўскія весялухі”*) і намінатыўна-генітыўная мадэль (*ювелірная майстэрня “Магия серебра”, закусачная “Кусочек пиццы”, турыстычнае агенцтва “География путешествий”, турыстычная фірма “Сезон отдыха”, народны ансамбль “Голоса Полесья” і інш.*).

У якасці эргонімаў выступаюць і сказы, прычым у асноўным простыя; да складанай сінтаксічнай адзінкі ўмоўна аднеслі найменне *турыстычнай фірмы “Пальмы Солнце Море”* (падаецца ў арфаграфіі і пунктуацыі намінара: няма ні косак, ні кропак). Цікава выступаюць матывавальнай базай даследуемых онімаў невялікія па аб’ёме прэдыкатыўныя канструкцыі – двусастаўныя і аднасастаўныя сказы (*магазін “Всё нипочем”, творчая майстэрня “И не порвется нить...”, швейная майстэрня “Шьем для вас”, група “Дай Дорогу!”, турыстычная кампанія “Путе-*

шествуем вместе”). Сучасна, удала выконваюць рэкламную функцыю такія імёны, як *турыстычная кампанія “Vandruj.by” і турагенцтва “Слетать.ру”* (гэта не проста сказы з пабуджальнай семантыкай, гэта стылізацыя пад інтэрнэт-адрасы, назвы сайтаў).

Эфектыўныя (часам і эфектныя) эргонімы, што ўяўляюць сабой няпоўныя сказы, больш тыповыя для размоўнага сінтаксісу: яны “без лішніх слоў” азначаюць аб’ект, месца, час, мэту і г. д., звязаныя з дэнататам намінацыі (*кафейня “Кофе с собой”, турыстычны аператар “Меридиан в Бресте”, турыстычнае бюро “Гагарин на Гаврилова”, група “Сразу Май”*). Анімізацыя і трансанімізацыя адлюстроўваюць тэндэнцыю да самастойнага ўжывання прыназоўнікава-склонавых форм у якасці штучных намінацый (*кафэ “У Васіля”, “На Вознесенской”, летняе кафэ “Вдали от жен”, магазін “На болоте”, магазін разліўнога піва “Для рывка”, турыстычнае агенцтва “По Планете”*).

Трэба адзначыць, што побач з кампактнымі актыўна функцыянуюць імёны, у якіх на пярэдні план выходзіць інфарматыўнасць. Гэта ў першую чаргу намінацыі аб’ектаў дзяржаўнага падпарадкавання – шматслоўныя дэскрыптыўныя канструкцыі (*ДУА “Дварэц дзіцячай творчасці”, ДУА “Брэсцкі абласны цэнтр турызму і краязнаўства дзяцей і моладзі”, камунальнае ўнітарнае прадпрыемства па аказанні паслуг “Столінскі раённы камбінат бытавога абслугоўвання”*). Дарэчы, частка намінацый дзелавых аб’яднанняў людзей мае сінкрэтычны характар, у іх складзе не дыферынцуюцца родавая і прапрыяльная часткі (*швейны цэх КУП Камбінат бытавога абслугоўвання, кафетэрыі БрДУ імя А. С. Пушкіна*). Такім чынам, можна адзначыць яшчэ адну асаблівасць эргонімаў – *неаднароднасць, варыятыўнасць* іх будовы.

У эрганіміі Брэсцкага рэгіёна атрымалі адлюстраванне тэндэнцыі да *інтэрнацыяналізацыі і глабалізацыі*. Яны праяўляюцца ў актыўным выкарыстанні ў якасці матывавальнай базы запазычаных асноў, слоў, больш буйных адзінак (рознай ступені засвоенасці), у прыватнасці, з наступных моў: лацінскай (*SPA-studio “Aquarius”, тэатр танца “Post scriptum”*), французскай (*салон прыгажосці “Bonjour”, кафейня “Le Phare” / “Ле Фар”*), італьянскай (*кафэ “Bella Napoli”*), хіндзі (*студыя “Хатха-йога”*). Дамінуюць запазычаныя з англійскай мовы (*фітнес-цэнтр “Flash”, СПА-салон “Golden Line”, вясельны салон “Ladywhite”, кафэ “Big Family” / “Биг Фэмили”, турыстычнае агенцтва “FoxTravel”, рок-група “Broken Roads on the West” / “B.R.O.W.”*), што адлюстроўвае змяшчэнне “лінгваэкалагічнай раўнавагі ў бок англамоўных намінацый” [1, с. 12]. Падаюцца падобныя анамастычныя адзінкі па-рознаму: і ў лацінскай графіцы (*трэнажорныя залы “Orange and Light”, бар “Cinema”, турфірма “Oranjet”, метал-група “AllGoRhythm”, узорная студыя эстраднай*

песні “Art-voice”); і ў транслітэрацыі (турагенцтва “*Променада*”, турыстычная фірма “*ДримТрэвел*”, студыя танца “*Ми энд Ю*”) і ў абодвух варыянтах (фітнес-клубы “*Orange and Light*” / “*Оранж и Лайт*”, “*New-Life*” / “*Нью-Лайф*”, бар “*Bubble Boom*” / “*Бабл Бум*”, турыстычнае агенцтва “*Viva, Tour*” / “*VivaTour*”).

Названыя тэндэцыі рэпрэзентуюць таксама выпадкі адваротнай транслітэрацыі (грыль-бар “*Korova*”, рок-група “*ONEGIN*”, кавер-рок-бэнд “*SOCHI*”) і шэраг найменняў змешанага тыпу, утвораных гібрыдызацыяй – камбінацыяй графічных сродкаў розных моў (фітнес-студыя “*Я НА FITNESS*”, фітнес-клуб “*СТЭП&К. Йога*”, рэстаран хуткага харчавання “*Pum Stop*”, магазін “*Склад*”, ансамбль “*ВдохNOWение*”).

Назвы ўстаноў дзяржаўнага падпарадкавання маюць афіцыйныя рускія і беларускія варыянты намінацыі.

Як адметнасць сучаснай эрганіміі Беларусі адзначым зварот наміна-тараў да нацыянальнага, тэндэнцыю да папулярызацыі **нацыянальна-культурнай спадчыны, да беларусізацыі рэкламнай дзейнасці**. Нацыянальна-культурны каларыт актуалізуецца ў беларускамоўных назвах (на жаль, яны сустракаюцца ў эрганіміі рэгіёна значна радзей, чым рускамоўныя), узвароце да значных для беларусаў рэалій, вобразаў, каштоўнасцей і інш., што выклікае станоўчыя асацыяцыі ў адрасата намінацыі (фітнес-клуб “*Волат*”, таварыства з абмежаванай адказнасцю “*Мармур*”, салон “*Цырульня*”, кафэ “*Абібок*”, магазін-пякарня “*Багач*”, магазін “*Бульбачка*”, “*Бруснічка*”, турыстычная кампанія “*Каляровая вандроўка*”, вакальная група “*Суседзі*”, народная мужчынская вакальная група “*Кронан*” (старажытная назва Нёмана), народны ансамбль народнай песні “*Рыцкі куфэрак*”, узорнае фальклорнае аб’яднанне “*Бела-вежская цявінка*” (памянш.-ласк. ад разм. цявіна ‘сцябло травы, травінка’), узорны ансамбль народнага танца “*Журавінка*”).

Штучныя намінацыі Брэстчыны характарызуюцца ўстаноўкай на **дыялагізацыю** – прамы (экспліцыраваны) ці ўскосны (імпліцыраваны) зварот праз эргонім да патэнцыяльнага спажыўца паслуг. Напрыклад, у якасці імя выкарыстоўваюцца пабуджальныя сказы, якія непасрэдна падштурхоўваюць да пэўнага дзеяння ці настройваюць на станоўчы лад (салон прыгажосці “*Полюби себя*”, азіяцкі рэстаран “*Уноси-ка суши*”, кафэ “*Не горюй*”). Шырока распаўсюджаны намінацыі, якія спрыяюць устанавленню эмацыянальнага кантакту паміж намінатарам і адрасатам. Дзеля гэтага выкарыстоўваюцца намінацыі, з дапамогай якіх спажывец можа суадносіць сябе з пэўнай сацыяльнай, узроставай, гендарнай і г. д. групай (цырульні “*Прыгажуня*”, “*Чараўніца*”, вясельны салон “*Мечта невест*”, “*Невеста Люкс*”, дзіцячы развіваючы цэнтр “*Малышок*”, рэстаран “*Gourmet*” (фр. ‘гурман’), павільён “*Лакомка*”, гандлёвы павільён

“Сладкоежка” і інш). Для ўстанаўлення дыялогу шырока ўжываюцца займеннікі, перш за ўсё асабовыя і прыналежныя (*швейная майстэрня “Шьем для вас”, супермаркет “Наши магазины”, турагенцтва “Ваши отдых”*).

Намінатары дзелавых аб’яднанняў актыўна апелююць да фонавых ведаў спажыўцоў (*касметычны кабінет “Сакура”, кактейль-бар “Matrix”, магазін “Tet-a-tet”, студыя развіцця “Золотой ключик”, “Маленькая страна”, “Умка”, “МалМала”*). Важнай часткай нашага культурнага фону з’яўляюцца ўстойлівыя адзінкі, фразеалагізмы: яны здольны выклікаць у адрасата намінацыі пэўныя асацыяцыі, станоўчыя ацэнкі, лёгка запамінаюцца і, натуральна, выступаюць у якасці эргонімаў, прычым часам назіраецца трансфармацыя ўстойлівых адзінак (*кафэ “Домашние обеды”, антыкафэ “Чайный домик”, сетка магазінаў “Родная сторона”, турыстычная фірма “6 Звезд”, узорная тэатральная студыя “Вошебный фонарь”, агіттэатр “Час пик”, клуб аматараў фальклору “Живая вада”*).

Запатрабаваным сродкам аб’ектывацыі фонавых ведаў спажыўцоў паслуг можна назваць зварот да прэцэдэнтных феноменаў, якія пры мінімальнай форме змяшчаюць значны аб’ём культураноснай інфармацыі, карыстаюцца знаёмымі паняццямі. Феномен прэцэдэнтнасці грунтуецца на агульных сацыяльных, культурных ці моўных фонавых ведах камунікантаў (*салон прыгажосці “Мона Лиза”, спартыўны комплекс “Олимп”, басейн “Нептун”, гандлёвая сетка “Дионис”, магазін “Меркурий”, фірменны магазін “Спартак”, турыстычнае агенцтва “Колумб”, турфірма “Феникс”, рок-група “Henri Ford”, лячны гурток “Цветик-семицветик”, арт-група “Гости из будущего”, народная эстрадная група “Маленький принц”*). Сярод прэцэдэнтных імёнаў беларускай нацыянальнай лінгвакультуры можам назваць *кафэ “Алеся”, санаторый “Берестье”, “Белая Вежа”*. Як рэпрэзентанты нацыянальнай лінгвакультуры найбольш паказальныя назвы творчых калектываў фальклорнага, традыцыйнага напрамкаў (*народная вакальна-інструментальная група “Явар”, народная група вандруючых музыкантаў “Фэст”, вакальная група “Рунь”, вакальны ансамбль “Берагіня”, грамадскае аб’яднанне “Спадчына”, народнае грамадскае аб’яднанне “Талака” і інш.*).

Тэндэнцыя да **лінгвакрэацыі** з’яўляецца характэрнай рысай сучаснай штучнай намінацыі і вербалізуецца ў шэрагу эргонімаў Брэстчыны. Лінгвакрэатыўная дзейнасць намінатараў абумоўлена імкненнем пазбегнуць стандартаў, дэаўтаматызаваць успрыманне намінацыі і тым самым прыцягнуць увагу спажыўца паслугі.

Словатворчасць стваральнікаў эргонімаў абапіраецца на ўзуальныя і аказіянальныя спосабы дэрывацыі. Прыкладамі першых могуць служыць суфіксальныя і складаныя найменні дзелавых аб’яднанняў людзей (*дзіцячая студыя “Говорушка”, культурны цэнтр “Вообразариум”, кафетэ-*

рый “Смакавік”, магазін “Хлебосолье”, дзіцячае аматырскае аб’яднанне “Юндерваня”, спа-салон “Софифурия”). Назвы, якія рэпрэзентуюць нетыповыя спосабы словаўтварэння, арыентаваны на маўленчую гульню. Зафіксаваны такія аказіянальныя спосабы, як капіталізацыя – гульня з малымі і вялікімі літарамі (студыя развіцця маўлення “ГалчОнОк”, фітнес-клуб і цэнтр сучаснага танца “ШакИра”), ініцыялізацыя – у аснове штучнай намінацыі пакладзены назвы літар (дзіцячы развіваючы цэнтр “А-Б-В”), кантамінацыя – сумяшчэння суседніх частак слоў, што стварае “двайное дно” назвы (адукацыйна-забаўляльны цэнтр “Нью-Тон”).

У маўленчую гульню ўцягваюцца і іншыя моўныя адзінкі. Напрыклад, на аманімію абапіраюцца эргонімы: *павільён “Мясной пятачок”* (назоўнік з’яўляецца і лакатывам, і саматычнай назвай), *пончык-бар “Тепло”* (матывавальнае слова можна кваліфікаваць і як назоўнік, і як катэгорыю стану, і як прыслоўе), *магазін “Десяточка”* (гэта і нумар магазіна, і асацыяцыя з трапным пападаннем – *в десяточку*). Асабовае імя магазіна “*Все нипочем*” адлюстроўвае гульню з фразеалагізмам: апошні кампанент змяніў узуальнае значэнне ‘нічога не значыць’ на ‘нічога, мала каштуе’ (параўн. з прыслоўем *почем* ‘колькі каштуе’, якое мае непасрэдня адносіны да сферы гандлю).

Такім чынам, эрганімія Брэстчыны адлюстроўвае асноўныя тэндэнцыі, уласцівыя сучаснай штучнай намінацыі: 1) у структурным аспекце – кампактнасць, неаднароднасць, варыятыўнасць будовы эргонімаў; 2) у прагматычным плане – прамую і ўскосную дыялагізацыю, якая праз найменні ладзіцца са спажыўцамі паслуг, тэндэнцыю да папулярызацыі нацыянальных здабыткаў; 3) у аспекце моўнага прадстаўлення выяўляе глабалізацыю і інтэрнацыяналізацыю часткі эргонімаў праз выкарыстанне сродкаў іншых моў; 4) у словаўтваральным аспекце дэманструе лінгвакрэацыю, словатворчасць праз аказіянальныя спосабы словаўтварэння, транспазіцыю моўных адзінак, маўленчую гульню на аснове фанетычных, графічных, словаўтваральных сродкаў.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Хоанг, Тхи Бен. Национально-культурный аспект проприальной номинации в Беларуси и Вьетнаме (на материале гг. Минска и Ханоя) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Хоанг Тхи Бен ; Белорус. гос. ун-т. – Минск : БГУ, 2017. – 28 с.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Н. Н. Бойко (г. Брест, Республика Беларусь)

КОНЦЕПТ «ДРУЖБА» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Дружба – одна из самых важных ценностей человеческих отношений, универсальная человеческая потребность. Это сложное переплетение социальных, нравственных, психологических аспектов. Добровольные, длящиеся отношения между отдельными индивидами, столь же близкие, как отношения между братьями, но независимые от наследственных связей, возникают в различных сложных коллективах и, судя по свидетельствам Платона, Ксенофонта, Аристотеля, эпикурейцев и Цицерона, достигают расцвета в Древней Греции и Риме. В средневековой литературе дружба упоминается редко, поскольку внимание в эту эпоху сконцентрировано на религиозных отношениях, но в эпоху Возрождения значимость дружбы существенно возрастает и не падает до настоящего времени.

Соответственно концепт «дружба» занимает важное место в этической аксиологии человека и является ключевым в национальной языковой картине мира. Изучение данного концепта можно считать одним из наиболее важных источников социальной, национально-культурной информации о носителях языка.

В структуре концепта «дружба» выделяются этические, социальные, психологические и лингвистические аспекты феномена, что помогает обозначить свойства и признаки дружбы. В частности, в социальном аспекте обращается внимание на такие модусы дружбы, как равенство, верность, прочность, бескорыстие и др. В рамках этического аспекта можно выделить признаки дружбы, данные в оппозиции: возможность/невозможность, безобидность/вред, корысть/альтруизм. В рамках психологического аспекта важными являются причины и цели дружбы, роль эмоций в ее генезисе [1, с. 45].

Лингвистический аспект подразумевает описание вербальных средств выражения дружбы. Как известно, в основе лингвистической характеристики каждого концепта находится его закреплённость за определенным способом языковой реализации, поэтому изучение концепта как единицы языковой картины мира требует, прежде всего, анализа средств его вербальной репрезентации и выявления понятийных примет концепта, основанных на анализе словарных дефиниций. Эту так называемую интеллектуальную часть концепта исследователи называют понятийной базой или информаци-

онным содержанием. Объектом нашего внимания станет понятийная база концепта «дружба» в языковой картине мира.

Дружба поражает своей сложностью и противоречивостью, что и зафиксировано в пословицах, поговорках, афоризмах и в различных литературных произведениях.

В «Славянском ассоциативном словаре» слово *друг* занимает седьмое место в ранге ядра языкового сознания русских, имеет показатель 7,5 у белорусов, 4 у болгар и 4,5 у украинцев. Выше понятия дружбы все четыре этнические группы ставят понятия «жизнь» и «человек», в трех группах важнее дружбы оказалась любовь (кроме украинцев) и радость (кроме болгар). Но даже понятие «счастье», судя по материалам словаря, менее ценно, чем «друг», для представителей трех народов и лишь для белорусов» равноценно [2].

Согласно данным ассоциативного эксперимента среди студентов в возрасте от 18 до 25 лет, не менее 500 человек (мужчины и женщины примерно в равном количестве), на слово *друг* в русском языке были отмечены следующие ассоциации, указанные в порядке частоты: *враг* – 82; *верный* – 62; *лучший, хороший* – 23; *недруг* – 22; *мой, товарищ* – 21; *собака* – 20; *брат* – 17; *подруга* – 13; *верность* – 11; *помощь* – 10; *близкий, надежность, преданный* – 8; *человек* – 7; *детство, для друга, дружба, опора* – 6; *любимый, настоящий* – 5; *друга, надежный, один, приятель* – 4; *доверие, единственный, есть, закадычный, навеки, пиво, понимание* – 3; *близкий человек, большой, встреча, добро, дорогой, за друга, знакомый, классно, любовь, навсегда, нет, общение, он, парень, пришел, семьи, умный, человек* – 2. Среди одиночных реакций 10 личных имен, абстрактные существительные, характеризующие ценность дружбы (*важность, необходимость, святое, честность* и др.), оценочные синонимы (*братан, дружище, кореш, подружка, собрат, соратник*), эпитеты (*добрый, искренний, любезный, сердечный, честный* и др.). Отрицательные реакции крайне редки (*не бывает, ненадежный человек, оказался враг, падла, предал, ушел*) [2].

Данный эксперимент позволяет вычленить следующие составляющие концепта «дружба»:

1) поддержка, опора, надежность: *верный* (62, вторая по частоте ассоциация), *верность* (11), *помощь* (10), *надежность, преданный* (по 8), *опора* (6), *настоящий* (5), *надежный* (4), *навек* (3), *навсегда* (2), одиночные реакции *взаимопомощь, доброта, поддержка, подмога, преданность*, глаголы *доверять, положиться*;

2) близость, симпатия, положительные эмоции: *лучший, хороший* (по 23), *близкий* (8), *любимый* (5), *близкий человек, дорогой, классно, любовь, добро* (по 2), одиночные реакции *близость, радость, милый, прелестный, приятный*;

3) доверие, взаимопонимание: *доверие, понимание* (по 3);

4) способ времяпровождения, развлечения: *тиво* (3), *общение* (2), *интерес, веселый*;

5) особые, уникальные отношения: *один* (4), *единственный, закадычный* (по 3);

б) взаимное уважение: *умный* (2).

Во фразеологическом словаре А. Н. Тихонова дается следующая трактовка понятия «друг»: 1) лицо, пользующееся симпатией и дружеским расположением всей семьи (*Друг дома*); 2) (шутл.) любовник хозяйки дома (*друг ситный*); 3) обращение, выражающее усиленную просьбу (*Будь другом*) [3, с. 72]. Анализ реализации концепта «дружба» во фразеологических единицах русского языка показывает частичное совпадение с объемом данного концепта, установленным на базе типичных ассоциаций:

1. Поддержка, опора, надежность: *рука друга, (крепкое) плечо друга, друзья – не разлей вода, неразлучные друзья, друг на все времена, закадычный друг, верные друзья*. Верность, преданность является базовым понятийным содержанием данного концепта: *друзья познаются в беде, старый друг лучше новых двух*. Значение преданности, надежности реализуется и через темпоральные характеристики: *друг детства, старый друг, старинный друг*.

2. Близость, симпатия, положительные эмоции: *друг сердца, подруга жизни* (данные сочетания показывают, что дружбой могут называться не только приятельские отношения, но и любовные). Во фразеологии обнаруживается и несколько утилитарное отношение к дружбе, использование чьей-то симпатии в собственных целях, манипулирование: *звонок другу, по дружбе, не в службу, а в дружбу, будь другом*.

3. Способ времяпровождения: *друг семьи, дружить домами*.

В отличие от фразеологических единиц *друг сердца, подруга жизни*, фразеологизм *давай останемся друзьями* демонстрирует противопоставление дружбы любовным отношениям. Здесь *друг* – это не близкий человек, не поддержка и опора, а всего лишь тот, кто не является врагом, не настроен агрессивно.

Фразеология показывает еще одну сторону концепта «дружба» – общность политических интересов отдельных стран: *дружба народов, дружественная страна, против кого дружим?* и др.

Интерес представляют также фразеологизмы с негативной оценкой дружбы, вражды: *дружба дружбой, а табачок врозь; ну удружил!; друг-портянка; считал другом; ложный друг; дружба врозь; заклятый друг; отбить у друга девушку*.

Концепт «друг» приобрел новое наполнение с появлением социальных сетей: *быть в друзьях у кого-либо, почистить друзей, удалить из дру-*

зей. Это иная модель дружбы: в виртуальном мире другом может выступать человек, которого ты ни разу не видел, совершенно случайный.

Таким образом, концепт «дружба» в русской языковой картине мира является одним из базовых социальных концептов, которые структурируют человечество по принципу «свои» – «чужие», и демонстрирует широкий диапазон этических и нравственных воззрений народа.

Список использованной литературы

1. Мягкова, Е. Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования / Е. Ю. Мягкова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 110 с.
2. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева [и др.]. – М. : Азбуковник, 2004. – 800 с.
3. Фразеологический словарь русского языка : св. 10 000 фразеологизмов / сост. : А. Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. – 3-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2007. – 334 с.

Г. А. Верамяюк (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)

УНУТРАНАЯ ФОРМА АСАБОВЫХ ЖАНОЧЫХ НАМІНАЦЫЙ У СУЧАСНЫХ БЕЛАРУСКАЙ І РУСКАЙ МОВАХ

Асабовыя жаночыя намінацыі, або фемінінатывы, – надзвычай своеасаблівыя адзінкі ў лексічнай сістэме сучасных беларускай і рускай моў. Яны характарызуюцца семантычнай дваістасцю, якая ўзнікае ў выніку таго, што дадзеныя назоўнікі абазначаюць асобу жаночага полу паводле нейкай прыметы, адлюстроўваюць розныя кірункі дзейнасці асобы, дакладна і глыбока характарызуюць многія нацыянальныя, сацыяльна-палітычныя і бытавыя паняцці і ўяўленні народа.

Асабовыя жаночыя намінацыі – адна з катэгорый, найбольш адчувальных да зрухаў у грамадска-палітычным і эканамічным жыцці беларускага і рускага народаў. З XIX – пачатку XX ст. у даследуемых мовах стала асабліва прыкметным павелічэнне колькасці фемінінатываў, абумоўленае, як вядома, актывізацыяй удзелу жанчын у культурнай, палітычнай, эканамічнай і іншых сферах дзейнасці [5, т. 1, с. 18].

У цяперашні час слоўнікавы склад гэтай лексіка-семантычнай катэгорыі таксама папаўняецца новай лексікай: *сінхраністка* ‘спартсменка, якая займаецца сінхронным плаваннем’ – *сінхроністка* ‘1. Жэніна-учэный, занімаючаяся ізучэніем саврэменнага састаяніа языка. 2. Пэраводчыца, занімаючаяся сінхронным пэраводам (савпадаючым па врэмені с прайзнэсэніем пэраводімага тэкта). 3. Спартсменка, занімаючаяся сінхронным плаваніем (жэніскім відом спартывнага плаванія с адноврэменнымі двіжэніямі нэсколькіх спартсменок в воде, вклучаючымі

элементы балета и аэробики’, *філафаністка* ‘тая, якая займаецца калекцыяніраваннем гуказапісаў’ – *філофоністка* ‘жэнщина, займаюцца філофоніей (калекцыяніраваннем звукозапісаў на грамплацінках і магнітофонных лентях)’ – *філуменістка* ‘тая, якая займаецца калекцыяніраваннем запалкавых этыкетак’ – *філуменістка* ‘жэнщина, займаюцца філуменіей (калекцыяніраваннем спічечных этыкетак’ і інш.

Асабовыя жаночыя намінацыі намі выбраны з тлумачальных слоўнікаў супастаўляемых моў [2–6]. Гэтыя адзінкі ўтвараюць у кожнай з моў лексіка-семантычную катэгорыю і складаюць яркае і даволі аб’ёмнае (у беларускай мове – 2 620 лексічных адзінак, у рускай – 2 565) семантычнае поле са складанай і мнагамернай структурай: семантычнае поле – лексіка-семантычная група – лексіка-семантычная падгрупа – лексіка-семантычная мікрасфера – лексема.

Найменшай адзінкай семантычных палёў “Асабовыя жаночыя намінацыі” ў абедзвюх мовах з’яўляецца слова, калі яно адназначнае або мае ва ўсіх сваіх значэннях аднародны паняццыйны змест, або лексіка-семантычны варыянт, а таксама аналітычныя (неаднаслоўныя) намінацыі адзінкі, якія выконваюць функцыю фемінінатываў: *аднагодка* – *адногодка*, *знаёмка* (разм.) – *знакомая*, *разлучніца* (разм.) – *разлучніца*, *сунаследніца* – *сонаследніца*, *цяжарная* – *беременная*; *гаспадыня кватэры* – *квартирохазяйка*, *грамадская работніца* – *общественница* і інш.

У сучасных даследуемых мовах, як паказвае фактычны матэрыял, вызначаюцца нематываваныя асабовыя жаночыя намінацыі (63 пары) і матываваныя (2 557/2 502 моўныя адзінкі). Нематываваныя назоўнікі ўзнікаюць не толькі ў выніку страты імі матывацыі (*сястра* ‘1. Кожная з дачок у адносінах да іншых дзяцей гэтых жа бацькоў. 2. Жанчына, аб’яднаная з кім-н. агульнымі інтарэсамі, умовамі і пад. // *перан.* Пра блізкую, духоўна родную жанчыну. 3. Асоба сярэдняга медыцынскага персаналу ў лячэбнай установе. 4. Член жаночага рэлігійнага брацтва; манашка’ – *сестра* ‘1. Каждая из дочерей в отношении к другим детям этих же родителей. 2. Женщина, объединенная с кем-л. общими интересами, положением, условиями // Женщина близкая, любящая, духовно родственная кому-л. 3. То же, что и медицинская сестра. 4. Член женского религиозного братства; монахиня’ і інш.), але і шляхам запазычвання з іншых моў (*балерына* (італ.) ‘артыстка балета; танцоўшчыца’ – *балерина* (італ.) ‘артистка балета; танцовщица’ і інш.).

Матываваныя адзінкі паводле пэўнага словаўтваральнага значэння размяркоўваюцца ў супастаўляемых мовах па шасці словаўтваральных катэгорыях і складаюць у дадзеных мовах словаўтваральную макракатэгорыю фемінінатываў. Кожная словаўтваральная катэгорыя мае свой

дыяпазон граматычнай рэалізацыі і характарызуецца спецыфічнай граматычнай маркіроўкай.

Самай пашыранай у абедзвюх мовах з’яўляецца словаўтваральная катэгорыя жаночасці (*мадыфікацыйна-мутацыйная*). Да яе адносяцца такія асабовыя жаночыя намінацыі, што ўтвараюцца як ад нематываванага асабовых мужчынскіх намінацый, так і ад матываваных (N. адуш. м. → N. адуш. ж. (сімвал N – назоўнік)): *акрабатка – акробатка, кітаянка – кітаянка, саслужывіца – сослуживица, выдумшчыца – выдумщица, паэтэса, паэтка – поэтесса, кума – кума, дзяжурная – дежурная* і інш. З матываванымі асабовымі мужчынскімі намінацыямі фемінінатывы маюць аднолькавае базавае слова – унутраную форму.

Паняцце *ўнутранай формы слова* распрацоўвалася ў класічных працах па мовазнаўстве ў XX ст. рускімі вучонымі А. А. Пацябнёй, А. М. Пяшкоўскім, В. У. Вінаградавым і інш. Гэты тэрмін звычайна ўжываецца ў тым выпадку, калі размова ідзе пра матываванае слова, а кожнае матываванае найменне – з’ява складаная і шматбаковая. “Унутраная форма лексічнай адзінкі – гэта спосаб прадстаўлення ў той ці іншай мове пазамоўнага зместу. Яна з’яўляецца выражэннем нацыянальнай спецыфікі любой мовы, пэўнага ўяўлення пра свет, якое характэрна таму ці іншаму народу” [7, с. 195].

Паняцце *ўнутраная форма слова* ў навуковай літаратуры часта збліжаецца з паняццем *матывацыя*. Так, А. І. Маісееў заўважае, што “ў наяўных ужо ў літаратуры азначэннях і характарыстыках *матывацыя* (*матываванасць, матывіроўка* і інш.) атаясамліваецца або ўраўноўваецца, так або інакш збліжаецца з вытворнасцю, словаўтваральным значэннем, *ўнутранай формай слоў* і іншымі аналагічнымі з’явамі” [8, с. 24].

На сувязь матывацыі і ўнутранай формы не раз звярталі ўвагу многія навукоўцы (В. П. Ермакова, А. А. Земская, А. А. Іваннікава, К. А. Ляўкоўская, Ю. С. Маслаў, Н. І. Мігірына і інш.). А. А. Іваннікава адзначае: “З’ява матываванасці, або ўнутранай формы, мае шмат тэрміналагічных назваў, але сутнасць яе зводзіцца ў асноўным да аднаго разумення: абумоўленасць значэння слова значэннем другога слова, ад якога яно ўтворана” [9, с. 104].

На думку В. П. Ермаковай і А. А. Земскай, “паняцці *ўнутраная форма* і *матываванасць* блізкія, але не супадаючыя” [10, с. 518]. Даследчыкі падкрэсліваюць, што “мадыфікацыйныя словаўтваральныя тыпы... маюць унутраную форму, якая заключаецца ў адсылцы да базавага слова. У мадыфікацыйных вытворных не першай ступені дэрывацыі ўнутраная форма тая ж самая, што ў аднакарэнных слоў першай ступені” [10, с. 519].

Семантычная суадноснасць карэлятыўных назоўнікаў, як лічыць Л. І. Смольская, заключаецца ў тым, што “яны аб’ядноўваюцца агульным значэннем асоб рознага полу... Указанне на пол асобы выконвае ролю

«семантычнай надбаўкі» (тэрмін В. Г. Рэўзінай), але не змяняе зместу асабовага назоўніка» [11, с. 34].

Такім чынам, прааналізаваны фактычны матэрыял дазволіў пераканацца ў тым, што змястоўная прымета, пакладзеная ў аснову матываваных асабовых мужчынскіх намінацый і ўтвораных ад іх жаночых, у даследуемых мовах не змяняецца: бел. *флейт-ыст(ø)* → *флейтыст-к-(а)* – рус. *флейт-ист* → *флейтист-к-(а)*; *даклад/чык-(ø)* → *даклад-чыц-(а)* – *доклад/чик-(ø)*; *гардэроб/шчык(ø)* → *гардэроб-шчыц-(а)* – *гардероб/щик(ø)* → *гардероб-щиц-(а)* і інш. Для такіх фемінінатываў паняцці *ўнутраная форма* і *словаўтваральная матывацыя* з’яўляюцца несупадаючымі. У асабовых жаночых намінацыях прадстаўлена канкрэтнасць семантыкі, у іх выразна відаць словаўтваральная тэндэнцыя захаваць унутраную форму слова.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Паўленка, М. А. Развіццё беларускай сістэмы словаўтварэння: Фемінінатывы. XIV–XX стст. : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.02 / М. А. Паўленка ; БДУ імя У. І. Леніна. – Мінск, 1973. – 38 с.
2. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – 5 т.
3. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 000 слоў / І. М. Бунчук [і інш.] ; Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства ; пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – 2-е выд. – Мінск : БелЭн, 2002. – 784 с.
4. Уласевіч, В. І. Слоўнік новых слоў беларускай мовы / В. І. Уласевіч, Н. М. Даўгулевіч. – Мінск : ТетраСистемс, 2009. – 448 с.
5. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т языкознания ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981–1984. – 4 т.
6. Колесников, М. П. Толковый словарь названий женщин : более 7 000 единиц / М. П. Колесников. – М. : АСТ : Астрель, 2002. – 608 с.
7. Современный русский язык: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис : учеб. пособие для вузов / Л. А. Новиков [и др.] ; под общ. ред. Л. А. Новикова. – 4-е изд., стер. – СПб. : Лань, 2003. – 855 с.
8. Моисеев, А. И. Мотивация. Внутренняя форма. Словообразовательное значение производных слов / А. И. Моисеев // Актуальные проблемы русского словообразования : материалы V Респ. науч. конф. – Ташкент, 1989. – С. 23–28.
9. Иванникова, Е. А. О роли мотивированности значения в синонимических отношениях слов / Е. А. Иванникова // Лексическая синонимия : сб. ст. / АН СССР ; отв. ред. С. Г. Бархударов. – М. : Наука, 1967. – С. 104–120.
10. Ермакова, О. П. Сопоставительное изучение словообразования и внутренней форма слова / О. П. Ермакова, Е. А. Земская // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1985. – Т. 44, № 6. – С. 518–525.
11. Смольская, Л. И. Наименование лиц в русском и белорусском языках: к вопросу о категории рода / Л. И. Смольская // Весн. БДУ. Сер. 4. – 1988. – № 3. – С. 34–40.

**Л. Н. Грицук (г. Брест, Республика Беларусь),
М. Х. Бабаходжаева (г. Ташкент, Узбекистан)**

О ТЕРМИНАХ РОДСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ УЗБЕКСКОГО, АНГЛИЙСКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Национальная специфика терминов родства в узбекском, английском, белорусском языках проявляется в двух основных аспектах: национальные различия в содержании близких концептов у разных народов и наличие несовпадающих (сугубо национальных) концептов в концептосфере народов. «В близких концептах разных культур национальная специфика проявляется в том, что сопоставимые концепты оказываются не полностью совпадающими по своему содержанию, причем именно несовпадения могут быть очень существенны для межкультурной коммуникации» [1, с. 74]. Однако наиболее ярко национальная специфика концептосфер народов проявляется в наличии или отсутствии концептов.

О наличии национально-специфического концепта у того или иного народа, как и об отсутствии концепта в концептосфере определенного народа, можно судить по имеющимся в сравниваемых языках безэквивалентным единицам и лакунам. При отсутствии в каком-либо языке переводного эквивалента тому или иному слову другого языка в первом языке фиксируется лакуна. Лакуны выявляются прежде всего по двуязычным переводным словарям.

Термины родства в любом языке делятся на термины кровного родства и термины некровного родства. Значения терминов кровного родства, в свою очередь, представляют две разновидности: 1) значения вертикальной линии родства (*отец, мать, дед, бабушка, дети, сын, дочь, внук, внучка, правнук, правнучка* и т. д.); 2) значения горизонтальной линии родства (*брат, сестра, дядя, тетя, двоюродный брат, двоюродная сестра*) [2].

Анализ терминов родства в белорусском, узбекском и английском языках позволяет предположить, что в узбекской культуре концепт родства, даже брачных родственных отношений, выражен одним словом и занимает более важное положение в концептуальном пространстве, чем в англоязычной культуре. Например, родители – *ота-онаси*, бабушка – *ота* или *дода*, хотя литературно, более официально – *бува*, бабушка – *эна, оежон* (*ж* произносится в узбекском как аффриката) или *буви*. Используется два названия матери – *ое* и *она*. Отец по-узбекски *ада*, или *дада*. Сын – мальчик – *угил*, дочь – девочка – *киз*, но эти слова употребляются обязательно с притяжательными аффиксами: мой сын – *углим*, моя дочь – *кизим*, твой сын – *углинг*, твоя дочь – *кизинг*, его или ее

сын – *угли*, дочь *кизи*, наш сын – *улимиз*, наша дочь – *кизимиз*, ваш сын – *углингиз*, ваша дочь – *кизингиз*. Во множественном числе существительные осложняются суффиксом *лар*, который добавляется перед маркером притяжательности: их сыновья – *угллари*, их дочери – *кизлари*. Наименования сестры (*опа*, уменьшительно-ласкательная форма *сингил*) также обычно употребляются с аффиксами притяжательности.

Брат – *ака*, братишка – *ука*, внук и внучка – *невара*, правнук – *эвара*. Праправнуки – *чевара*. Кроме того, в узбекской семье не менее важную роль играют братья и сестры родителей. Четко различаются названия брата и сестры отца – *аммаки*, брата и сестры матери – *амма*, дядя – *тога* и сестра – *хола*. Соответственно их дети: *аммакивачча* – двоюродный брат или двоюродная сестра по дяде со стороны отца и *аммавачча* – брат и сестра по сестре отца. Брат и сестра – дети дяди со стороны матери – *тогавачча* и *холавачча*, кстати, в обращении, в звательном падеже также используются *опа* – сестра, *ака* – брат. С дядями и тетями сохраняются очень близкие отношения, и когда умирает отец, то старшего дядю называют отец – *дода*, или *ота*, что накладывает определенные обязанности на него. Сын женится, и его жена, т. е. сноха для его родителей, называется *келин*, и *невара-келин* – для бабушки мужа и дедушки, т. е. жена внука. Обращаются к жене брата его младшие братья и сестры *кеное* – сокращенное от келиное, т. е. ее функция – старшая после мамы. Так же к ней обращаются и соседские дети. Сноха называет родителей мужа мамочка и папочка – *оешон* и *адажон*, где «жон» выражает ласкательное значение. Золовки: старшая – *кайни опа* или *кайнагача*, младшая – *кайнисингил*, девери – *кайнилар*, но в обращении обычно называют *ака* (брат) или *ука* (братишка). Племянники называются *жиян*. Отношения сватов выражаются словом *куда* – сватья и сват, кстати, вся родня сватов тоже называются *куда*. Зять – *куёв* или *куевбола*. Родня невестки или родня со стороны зятьев – *кудалар*. Муж – *эр*, жена – *хотин*, но в разговорной речи обращаются более вежливо – *хужаин* и *аёлим*, дети – *болалар* или *фарзандлар* [3]. В узбекском языке зятя – мужья сестер – обращаются друг к другу *боджа*. Две снохи – жены братьев – называют друг друга *овсин*. Так называют их, но обращаются друг к другу *опа* – сестра. Очень важно отметить, что термины родства функционируют в бытовой речи не только в кругу семьи, но и в обращении незнакомых друг другу людей, например, молодые люди обращаются уважительно к женщине в возрасте их мамы – *хола* (тетушка), но не используют *амма* (тетя по отцу), хотя по отношению к мужчине старшего возраста в транспорте или на улице обращаются *аммаке*, как бы к брату отца, что позволяет создать доверительное общение. Женщины или мужчины называют людей младше себя – *болам* – сынок или дочка.

Школьники и школьницы к старшим хотя бы на полгода обращаются к своим братьям и к неродственнику – *ака* или *она*, т. е. брат или сестра, что, таким образом, заставляет вести себя по отношению к младшим покровительственно, что создает психологический комфорт общения. Мы видим, что функционирование терминов родства в узбекском социуме способствует развитию этикета в общении и вне семьи.

Рассмотрим особенности терминов родства в английском языке. Всего мы можем насчитать 19 наименований близких родственников. В английском языке дедушка называется *grandfather*, бабушка – *grandmother*, соответственно муж – *husband* – *father* и жена – *wife*. Дети: сын – *son*, дочь – *daughter*, брат – *brother*, сестра – *sister*, общее название детей – *children*, внучка – *granddaughter* и внук – *grandson*, сноха – *daughter-in-law*, зять – *son-in-law*, правнук – *greatgrandson* и прапра-внучка – *greatgranddaughter*. Соответственно прабабушка – *greatgranny* и прапрадед – *greatdad*. Отчим – *stepfather*, мачеха – *stepmother*, пасынок – *stepson*, падчерица – *stepdaughter*. Двоюродные брат и сестра – *cousin* по первой линии. Золовка – *sister-in-law (daughter-in-law)*, свояк – *brother-in-law (wife's sister's husband)*, свояченица – *sister-in-law (wife's sister)*. Деверь – *brother-in-law (husband's brother)*, шурин – *brother-in-law (wife's brother)*. Свекровь – *mother-in-law (husband's mother)*, свекор – *father-in-law (husband's father)*. Теща – *mother-in-law (wife's mother)*, тесть – *father-in-law (wife's father)*, невестка – *daughter-in-law (son's or brothers' wife)*, сноха – *daughter-in-law (of husband's father)*. Дядя (независимо с какой стороны – матери или отца) – *uncle*, тетя – *aunt*, старший брат – *elder brother*, младшая сестра – *younger sister* [4].

Термины вертикальной линии родственных отношений в белорусском языке восходят от первой степени семьи – названий супругов. Обратимся к «Тлумачальнаму слоўніку беларускай літаратурнай мовы». Муж – женатый мужчина по отношению к своей жене. Жонка – замужняя женщина по отношению к своему мужу. Дети – сын, дочка. Дети по отношению друг к другу – брат, сясстра. Дзядуля – дедушка, бабуля – бабушка. Их внуки – унук, унучка; праўнук, праўнучка. Дзядзька – брат отца или матери; а также взрослый мужчина вообще, к которому обращаются дети. Цётка – сестра отца или матери, а также взрослая женщина вообще, к которой обращаются дети. Пляменнік – сын дяди или тети в отношении их брата или сестры. Пляменніца – дочь дяди или тети в отношении их брата или сестры. Стрыечны брат, стрыечная сясстра – двоюродный брат, двоюродная сестра (с любой стороны). Свёкар и свякроў – это родственники со стороны мужа, отец мужа и его мать соответственно. Цесцем мы называем отца жены, а цешчай – мать жены. Жену сына мы называем нявесткай, а мужа дочери – зяцем. Сват – тот, кто сватает кого-либо кому-либо; отец мужа по отношению к жене или

отец жены по отношению к мужу родителей. *Свацця* – женщина, которая сватала невесту жениху или жениха невесте; мать мужа по отношению к жене или матери жены в отношении мужа родителей. Со стороны мужа родственниками являются *дзевяр* (брат мужа) и *залоўка* (сестра мужа). *Швагер* (брат жены) и *сваячка* (сестра жены) – это родственники со стороны жены. Хотя это родство довольно далекое, но такие термины все равно существуют и широко применяются, особенно в диалектной речи. В белорусской системе родства, в отличие от узбекской, распространено неразличение свойства по жене или мужу. В обоих случаях употребляют термины *радня*, *радзіна*, *родства*, *свае*, *сваяк*, *сваяўство* [5].

Анализ показывает, что значения терминов родства в трех языках соотносимы и отражают определенный тип семейно-родственных отношений, правила и обязательства членов семьи. Это объясняется подобным семейным строем: «к числу важнейших особенностей рассматриваемой системы родства принадлежат дифференциация терминов родства по старшинству и полу и разграничение в терминологии отцовской и материнской линий родства» [6, с. 204–205]. Но, в отличие от белорусского и английского языков, в узбекском языке система родственных отношений отличается большей детализированностью, так как «в древнетюркском обществе сохранялись черты матриликального брака: в семью могли входить не только потомки главы семьи, имевшей уже патриархальный облик, но и потомки его сестер, что служит свидетельством совместного проживания женатых братьев и замужних сестер, отголоска явления, характерного для более раннего этапа развития семейных отношений» [6, с. 206]. Во всех этих языках характеризуются национально-специфичные особенности народа, его менталитет и самобытность.

Список использованной литературы

1. Попова, З. Д. Язык и национальное сознание [Электронный ресурс] / З. Д. Попова, И. А. Стернин // *Вопр. теории и методологии*. – Воронеж, 2002. – 151 с. – Режим доступа: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Teoreticheskie_prob_lemu_jazykoznanija/Jazyk_i_nacionalnoe_soznanie_2002.pdf. – Дата доступа: 14.11.2019.
2. Агазаде, Н. Г. Сопоставление как основной метод типологического исследования / Н. Г. Агазаде // *Советская тюркология*. – Баку, 1976. – № 1. – С. 3–11.
3. Русско-узбекский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.translatos.com/ru/uz-ru/>. – Дата доступа: 13.11.2019.
4. Macmillan Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.macmillandictionary.com/>. – Дата доступа: 10.11.2019.
5. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 000 слоў / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – 2-е выд. – Мінск : БелЭн, 1999. – 784 с.
6. Абрамзон, С. М. О некоторых терминах родства в тюркских языках [Электронный ресурс] / С. М. Абрамзон // *Туркология. К 70-летию академика А. Н. Кононова*. – Л. : Наука, 2001. – С. 204–207. – Режим доступа: http://www.orientalstudies.ru/rus/images/pdf/journals/turcologica_1976_28_abramzon.pdf. – Дата доступа: 15.11.2019.

И. В. Елынцева (г. Минск, Республика Беларусь)

НЕОДНОСЛОВНЫЕ ЦВЕТОНАИМЕНОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Цвет окружающих человека объектов с древних времен был значим для его практической деятельности, что обусловило появление и развитие колоративных систем в языках мира. Словарь современного языка, в т. ч. русского и белорусского, включает достаточно большое количество наименований цвета.

Колоративы, в силу важности для человека выражаемых ими значений, национально-культурной специфики, являются одной из наиболее изученных групп лексической системы. Как справедливо отмечает Е. В. Рахилина, «в лексической типологии цветообозначения по сей день остаются практически единственным столь подробно исследованным “островом”: никаких столь же фундаментальных и широких по объёму материала работ, описывающих другие семантические поля... нет» [1, с. 29]. Однако надо заметить, что в славянском языкознании сегодня недостаточно изученными являются неоднословные ассоциативные цветоименования (далее – НАЦ), которые представляют собой синтаксические конструкции разных видов. В качестве объекта нашего исследования были выбраны русские и белорусские колоративы, в состав которых, помимо слова *цвет(а) / колер(у)*, входит три и более компонента. Данные языковые единицы не называют цвет прямо, а указывают на него с помощью прототипа – имени предмета, окраска которого является основой для описания соответствующего цвета. Такие колоративы без труда воспринимаются носителем языка, поскольку в их основе лежат достаточно распространенные номинации растений, живых существ, явлений и объектов природы и т. д. Ассоциативные колоративы данного типа в словарях современных русского и белорусского языков не фиксируются, но довольно активно функционируют в речевой практике, что подтверждается широкой их представленностью в «Национальном корпусе русского языка» (далее – НКРЯ) и «Беларускім N-корпусе» (далее – N-K).

Как показал анализ языкового материала, в качестве прототипа НАЦ могут выступать названия самых разных предметов. В связи с этим было выделено несколько групп колоративов, наиболее широко используемых (по данным НКРЯ и N-K) в речевой практике. В каждой группе были также установлены структурные типы цветоименований.

1. НАЦ, в качестве прототипа для которых выступают названия растений (цветов, деревьев и т. д.):

1) **‘цвета (колеру) + прилагательное + существительное в форме Р. п. ед. ч.’**: рус. *цвета болотной ряски, цвета молодой травы, цвета вянущей настурции*; бел. *колеру спелай пшаніцы, колеру майскай травы, колеру падмоклага жыта*;

2) **‘цвета (колеру) + прилагательное + прилагательное + существительное в форме Р. п. мн. ч.’**: рус. *цвета пунцовых кленовых листьев*; бел. *колеру ржавых кляновых лісцяў*;

3) **‘цвета (колеру) + номенклатурное образование’**: рус. *цвета чайной розы, цвета осиновых сережек*; бел. *колеру цыкорнай салаты, колеру чайнай ружы*.

В N-К зафиксированы колоративы *колеру бяжклых пялёсткаў півоні*, имеющий структуру **‘колеру + прилагательное + существительное в форме Р. п. мн. ч. + существительное в форме Р. п. ед. ч.’** и *колеру прывялага лаўровага ліста* со структурой **‘колеру + прилагательное + номенклатурное образование’**.

2. НАЦ, в качестве прототипа для которых выступают названия ягод / плодов деревьев и кустов:

1) **‘цвета (колеру) + прилагательное + существительное в форме Р. п. ед./мн. ч.’**: рус. *цвета испорченного баклажана, цвета рыжего апельсина; цвета спелых мандаринов, цвета каленого ореха, цвета спелых фисташек*; бел. *колеру пераспелай вішні, колеру ачышчанага ківі, колеру спелых алівак, колеру няспелых жалудоў, колеру набітых яблыкаў*;

2) **‘цвета (колеру) + номенклатурное образование’**: рус. *цвета красного апельсина*; бел. *колеру ляснога арэха*.

В НКРЯ отмечен колоратив *цвета недозрелой июльской рябины*, имеющий структуру **‘цвета + прилагательное + прилагательное + существительное в форме Р. п. ед. ч.’**.

3. НАЦ, в качестве прототипа для которых выступают названия явлений или объектов природы:

1) **‘цвета (колеру) + прилагательное + существительное в форме Р. п. ед. ч.’**: рус. *цвета утренней зари, цвета морской волны, цвета русской зимы, цвета безлунной ночи / цвета беззвездной ночи*; бел. *колеру чарнаморскай хвалі / колеру марскай хвалі / колеру азёрнай хвалі, колеру веснавога неба / колеру яснага неба, колеру сонечнай раницы*;

2) **‘цвета (колеру) + прилагательное + прилагательное + существительное в форме Р. п. ед. ч.’**: рус. *цвета пронзительного весеннего неба*; бел. *колеру чыстага летняга неба, колеру маціцовай марскай хвалі*.

В N-К зафиксировано цветоименование *колеру поўні ў хмарах*, имеющее структуру **‘колеру + существительное в форме Р. п. ед. ч. + существительное в форме П. п. мн. ч.’**.

4. НАЦ, в качестве прототипа для которых выступают названия металлов, минералов и драгоценных камней:

1) **‘цвета (колеру) + прилагательное + существительное в форме Р. п. ед. ч.’**: рус. *цвета замшелой бронзы, цвета старого серебра, цвета влажного песка, цвета потускневшего коралла*; бел. *колеру цьмянага волава, колеру цёмнага срэбра, колеру бледнага золата*.

В НКРЯ зафиксированы также колоративы *цвета червонного золота, цвета черного жемчуга*, имеющие структуру **‘цвета + номенклатурное образование’**.

5. НАЦ, в качестве прототипа для которых выступают названия конкретных предметов:

1) **‘цвета (колеру) + прилагательное + существительное в форме Р. п. ед. ч.’**: рус. *цвета промасленной бумаги, цвета дубовой коры, цвета медного таза, цвета яичной скорлупы*; бел. *колеру натуральнай скуры, колеру воўчай поўсці, колеру яечнай шкарлупіны*;

2) **‘цвета (колеру) + прилагательное + прилагательное + существительное в форме Р. п. ед. ч.’**: рус. *цвета свежей сосновой стружки*; бел. *колеру дубленай бычынай шкуры, колеру старога газетнага фотаздымка*;

3) **‘цвета (колеру) + номенклатурное образование’**: рус. *цвета слоновой кости, цвета хозяйственного мыла*; бел. *колеру слановай косці, колеру піянерскага гальштука*.

В N-К зафиксирован ассоциативный колоратив *колеру засланкі, якой мо паўвеку зачынялі печ*, имеющий структуру **‘колеру + существительное в форме Р. п. ед. ч. + придаточное предложение’**.

6. НАЦ, в качестве прототипа для которых выступают названия напитков/жидкостей:

1) **‘цвета (колеру) + прилагательное + существительное в форме Р. п. ед. ч.’**: рус. *цвета топленого молока, цвета молодого вина, цвета ржавой воды, цвета клюквенного киселя, цвета золотистого ликера*; бел. *колеру загусцелай крыві / колеру запечанай крыві, колеру моцнага чаю / колеру густога чаю, колеру моцнай кавы / колеру забеленай кавы, колеру таплёнага малака / колеру паранага малака*;

2) **‘цвета (колеру) + существительное в форме Р. п. ед. ч. + существительное в форме Тв. п. ед. ч.’**: рус. *цвета кофе с молоком*; бел. *колеру кавы з малаком*.

В НКРЯ зафиксированы колоративы *цвета темного бургундского со* структурой **‘цвета + прилагательное + субстантивированное прилагательное’** и *цвета густого черного кофе*, имеющий структуру **‘цвета + прилагательное + прилагательное + существительное в форме Р. п. ед. ч.’**.

7. НАЦ, в качестве прототипа для которых выступают названия живых существ (птиц, зверей, насекомых и т. п.):

1) **‘цвета (колеру) + прилагательное + существительное в форме Р. п. ед. / мн. ч.’**: рус. *цвета вареных раков, цвета свежемороженой наваги*; бел. *колеру замерзлай жабы*;

2) **‘цвета (колеру) + номенклатурное образование’**: рус. *цвета майского жука*; бел. *колеру божай кароўкі*.

8. НАЦ, в качестве прототипа для которых выступают названия веществ: **‘цвета (колеру) + прилагательное + существительное в форме Р. п. ед. ч.’**: рус. *цвета мокрого асфальта, цвета сухой глины, цвета лежалого масла, цвета свежеположенного бетона*; бел. *колеру абпаленай гліны / колеру сухой гліны, колеру астыўшага попелу, колеру мокрага асфальту*.

Таким образом, неоднословные цветонаименования достаточно многочисленны и представляют собой незамкнутую, разнообразную по семантике и структуре лексико-семантическую группу и в русском, и в белорусском языках. Часть колоративов, активно функционируя в речи, приобрела узуальный характер. И в целом неоднословные цветонаименования (типовые и окказиональные), основанные на ассоциативных связях и яркости заложенного образа (прототипа), широко востребованы носителями данных близкородственных языков.

Список использованной литературы

1. Рахилина, Е. В. О семантике прилагательных цвета / Е. В. Рахилина // Наименования цвета в индоевропейских языках: системный и исторический анализ. – М. : КомКнига, 2007. – С. 29–39.

Е. А. Зуева (г. Минск, Республика Беларусь)

ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ УНИВЕРБОВ В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Универбация – процесс, находящийся на периферии словообразования, лексикологии и синтаксиса. Связь универбации с лексикологией подтверждается возможностями универбов образовывать группы слов на основе смысловой общности. Лексико-тематические группы (далее – ЛТГ) и лексико-семантические группы (далее – ЛСГ) универбов в русском и белорусском языках в сопоставительном плане не были предметом специального изучения, что позволяет говорить об актуальности и новизне темы исследования.

Цель данной статьи заключается в выделении тематических и лексико-семантических групп суффиксальных универбов в русском и белорусском языках. **Предметом** исследования стало установление состава выделенных ЛТГ и ЛСГ в двух близкородственных языках, выявление сходств и различий в составе групп в русском и белорусском языках. **Материалом** послужили суффиксальные универбы, отобранные из следующих словарей (см. в списке условных обозначений и сокращений).

Единство элементов ЛТГ определяется прежде всего денотативным фактором, общностью самих явлений [1, с. 71]. ЛСГ объединяют в себе слова одной части речи, в которых помимо общих грамматических сем имеет место как минимум еще одна общая сема – категориально-лексическая (архисема, классема) [1, с. 73]. Опираясь на подходы к классификации, предложенные Е. Калишаном [2], Л. И. Осиповой [3], И. М. Думчаком [4], Н. Дьячок [5], представим классификацию ЛТГ и ЛСГ суффиксальных универбов на материале русского и белорусского языков.

Анализ показал, что суффиксальные универбы в рассматриваемых языках образуют **3 ЛТГ** и **28 ЛСГ**. С учетом родовидовых отношений в ЛТГ выделяется целый ряд ЛСГ разной наполненности и разных моделей соотношения.

ЛТГ I. «Неодушевленные предметы, явления, понятия» включает 18 ЛСГ: **ЛСГ 1. Продукты питания (виды круп, каши, хлеба, выпечки) и напитки:** рус. *березовица* ← *березовый сок* (НСРЯ, т. 1, с. 89) = бел. *бярозавік* ← *бярозавы сок* (ТСБЛМ, с. 128) и др. **ЛСГ 2. Орудия труда и механизмы (пилы, колеса, машины, лампы, компьютерные устройства):** рус. *циркулярка* ← *циркулярная пила* (НБТСРЯ, с. 1465) = бел. *цыркулярка* ← *цыркулярная піла* (ТСБЛМ, с. 911) и др. **ЛСГ 3. Строения различного предназначения (помещения, квартиры, дома, комнаты, печи):** рус. *угловушка* ← *угловая комната* (НСРЯ, с. 834) ≠ бел. *кутні* (*куткавы*) *пакой* (РБС, т. 3, с. 579) и др. **ЛСГ 4. Растения (насаждения, сорта растений, злаковых, грибы):** рус. *слизевик* ← *слизистый гриб* (НСРЯ, т. 2, с. 630) = бел. *слізавік* ← *слізісты грыб* (ТСБМ, т. 5 (1), с. 203) и др. **ЛСГ 5. Транспортные средства (машины, поезда, лодки, сани):** рус. *казанки* ← *казанские сани* (НСРЯ, т. 1, с. 630) ≠ бел. Ø и др. **ЛСГ 6. Одежда, обувь, ткани и аксессуары:** рус. *ватник* ← *ватная куртка* (МАС, т. 1, с. 139) = бел. *ватнік* (ТСБМ, т. 1, с. 470) и *ватоўка* (ТСБМ, т. 1, с. 470) ← *ватовая куртка* и др. **ЛСГ 7. Вещества (масла, кислоты, растворы):** рус. *солярка* ← *соляровое масло* (МАС, т. 4, с. 192) = бел. *саярка* ← *саяравае масла* (ТСБМ, т. 5 (1), с. 31) и др. **ЛСГ 8. Промышленные объекты, учреждения:** рус. *тележечный цех* (МАС, т. 4, с. 347) ≠ бел. *сталемашня* ← *сталемашная майстэрня* (ТСБМ, т. 5 (1), с. 301) и др. **ЛСГ 9. Оружие (винтовки, ружья, снаряды, бомбы,**

ножи): рус. *кремневка* ← *кремневое ружье* (НСРЯ, т. 1, с. 735) = бел. *крамянёўка* ← (~ *крамянёвая стрэльба*) (ТСБМ, т. 2, с. 721) и др. **ЛСГ 10. Печатные издания (книги, газеты)**: рус. *районка* ← *районная газета* (НБТСРЯ, с. 1085) = бел. *раёнка* ← *раённая газета* (ТСБМ, т. 4, с. 562) и др. **ЛСГ 11. Бумаги, документы, карты, письменные сообщения**: рус. *зачетка* ← *зачетная книжка* (НБТСРЯ, с. 357) ≠ бел. *заліковая кніжка* (ТСБМ, т. 2, с. 705) и др. **ЛСГ 12. Виды дорог**: рус. *лежневка* ← *лежневая дорога* (НСРЯ, т. 1, с. 778) = *ляжнёўка* ← (~ *ляжневая дарога*) (ТСБЛМ-2005, с. 325) и др. **ЛСГ 13. Денежные средства**: рус. *наличка* ← *наличные деньги* (НБТСРЯ, с. 587) = бел. *гатоўка* ← (~ *готовыя грошы*) (ТСБМ, т. 2, с. 40) и др. **ЛСГ 14. Изделия для хранения чего-либо**: рус. *берестянка 2* ← (~ *берестяная / берестовая коробка*) (НСРЯ, т. 1, с. 88) = бел. *берасцянка 1.* ← (~ *берасцяная каробка*) (ТСБМ, т. 1, с. 367) и др. **ЛСГ 15. Музыкальные инструменты**: рус. *саратовка* ← (~ *саратовская гармонь*) (НСРЯ, т. 2, с. 549) ≠ бел. Ø и др. **ЛСГ 16. Рыболовные принадлежности**: рус. *донка²* ← (~ *донная удочка*) (НСРЯ, т. 1, с. 410) = бел. *донка* ← *донная вуда* (ТСБМ, т. 2, с. 190) и др. **ЛСГ 17. Шрифты и азбуки**: рус. *латиница* ← *латинский алфавит* (МАС, т. 2, с. 166) = бел. *лацініца* (ТСБМ, т. 3, с. 27) и *лацінка* (ТСБМ, т. 3, с. 27) ← *лацінскі алфавіт* и др. **ЛСГ 18. Анатомические термины**: рус. *щитовидка* ← *щитовидная железа* (НБТСРЯ, с. 1512) = бел. *шчытападобная залоза* (ТСБМ, т. 5 (2), с. 425) и др.

ЛТГ II. Абстрактные понятия. Включает 8 ЛСГ: **ЛСГ 1. Религиозные понятия (посты, службы)**: рус. *Филипповки* ← (~ *Филиппов пост*) (НСРЯ, т. 2, с. 903) = бел. *Піліпаўка* ← (~ *Піліпаў пост*) (ТСБМ, т. 4, с. 255) и др. **ЛСГ 2. Болезни**: рус. *падучка* ← *падучая болезнь* (НСРЯ, т. 2, с. 4) = бел. *падучка* – *падучая хвароба* (ТСБМ, т. 3, с. 573) и др. **ЛСГ 3. Занятия и промыслы**: рус. *рыбалка 1* ← *рыбная ловля* (НБТСРЯ, с. 1136) = бел. *рыбалка* ← *рыбная лоўля* (ТСБМ, т. 4, с. 733) и др. **ЛСГ 4. Области научного знания**: рус. *начерталка* ← *начертательная геометрия* (НБТСРЯ, с. 609) ≠ бел. *начартальная геаметрыя* (ТСБМ, т. 2, с. 43) и др. **ЛСГ 5. Названия ветров**: рус. *степняк* ← *степной ветер* (НБТСРЯ, с. 1267) ≠ бел. Ø и др. **ЛСГ 6. Войны**: рус. Ø ≠ бел. *партызанка 2* ← *партызанская вайна* (ТСБМ, т. 4, с. 59) и др. **ЛСГ 7. Социальные понятия**: рус. *уголовка 2* ← *уголовное преступление / дело* (НБТСРЯ, с. 1371) ≠ бел. Ø и др.

ЛТГ III. Одушевленные понятия (названия животных и птиц). Включает 3 ЛСГ. **ЛСГ 1. Порода**: рус. *меделянка* ← (~ *меделянская собака*) (БРС, т. 2, с. 369) = бел. *медэлянка* ← *медэлянскі сабака* (ТСБМ, т. 5 (2), с. 568) и др. **ЛСГ 2. Мазь**: рус. *сизяк* ← *сизый голубь* (МАС, т. 4, с. 91) = бел. *шызак* ← *шызы голуб* (РБС, т. 3, с. 341) и др. **ЛСГ 3.**

Отличительные признаки: рус. *пантач* ← *пантовый олень* (МАС, т. 3, с. 18) = бел. *пантач* ← (~ *пантавы алень*) (ТСБМ, т. 3, с. 670) и др.

Следует отметить, что предложенная классификация не может считаться единственной и универсальной, так как «универбы способны объединяться в определенные группы в зависимости от тех критериев, которые выдвигает и обосновывает исследователь» (Н. Дьячок) [5, с. 25].

Выполненная классификация ЛТГ и ЛСГ суффиксальных универбов в русском и белорусском языках позволяет сделать следующие выводы: 1) вступая в парадигматические отношения, суффиксальные универбы русского и белорусского языков образуют ЛТГ и ЛСГ; 2) в составе ЛСГ выделяются два типа соотношений универбов: отношения тождества и отношения различия. Отношения тождества подтверждают вывод об общем характере лексического состава близкородственных языков; учет различий при исследовании ЛТГ и ЛСГ универбов в русском и белорусском языках подтверждает наличие специфических черт в каждом из языков; 3) исследование ЛТГ и ЛСГ универбов является перспективным и видится в более детальном анализе парадигматических связей универбов, в рассмотрении зон пересечения лексических единиц разных ЛСГ, в изучении пополнения ЛСГ в русском и белорусском языках новыми универбами.

Список условных обозначений и сокращений

= отношения тождества; ≠ отношения различия, ~ потенциальный универбант; Ø – отсутствие универба;

ЛТГ – лексико-тематическая группа; **ЛСГ** – лексико-семантическая группа; **рус.** – русский, **бел.** – белорусский; **МАС** – Словарь русского языка : в 4 т. / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1985–1988. – 4 т.; **НБТСРЯ** – Новейший большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. ; под ред. С. А. Кузнецова. – М. ; СПб. : Рипол-Норинт, 2008. – 1534 с.; **НСРЯ** – Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : св. 136 000 слов : в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. – 2-е изд., стер. – М. : Рус. яз. 2001. – 2 т.; **ТСБЛМ** – Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 000 слоў / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даследаванняў беларус. культуры, мовы і літаратуры, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа; уклад.: І. Л. Капылоў [і інш.] ; пад рэд. І. Л. Капылова. – Мінск : Беларус. Энцыкл. імя Пятруся Броўкі, 2016. – 967 с.; **ТСБЛМ-2005** – Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 000 слоў / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства ; пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – 4-е выд. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2005. – 783 с.; **ТСБМ** – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т., 6 кн. / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства ; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : БСЭ, 1977–1984. – 5 т., 6 кн. **ТСРЯН XXI в.** – Толковый словарь русского языка начала XXI века: актуальная лексика : ок. 85 000 слов и словосочетаний / С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т филол. исслед. СПбГУ ; под ред. Г. Н. Складневской. – М. : Эксмо, 2008. – 1136 с. **РБС** – Русско-белорусский словарь : в 3 т. : ок. 110 000 слов / НАН Беларусі, Ін-т языкознавання ім. Я. Коласа. – Мінск : БелЭн, 2002. – 3 т.; **БРС** – Беларуска-рускі

слоўнік : у 3 т. : больш за 110 000 слоў / НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск : БелЭн, 2003. – 3 т.

Список использованной литературы

1. Кузнецова, Э. В. Лексикология русского языка / Э. В. Кузнецова. – М. : Высш. шк., 1989. – 216 с.
2. Kaliszan, J. Семантико-конденсационная универбация составных наименований в современном русском языке / J. Kaliszan // Acta Neophilologica. Ser. Filologia Rosyjska / Uniwersytetu im. A. Mickiewicza w Poznaniu. – 1986. – № 23. – 148 s.
3. Осипова, Л. И. Активные процессы в современном русском словообразовании (суффиксальная универбация и усечение) / Л. И. Осипова. – М. : Прометей, 1994. – 115 с.
4. Думчак, І. М. Універбація в українській мові : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 / І. М. Думчак ; Прикарпат. ун-т. ім. В. Стефаника. – Івано-Франківськ, 1998. – 21 с.
5. Дьячок, Н. Особенности номинатива типа «словосполучения + эллиптический универб» в российской мове: лексико-семантические и тематические группы универбов / Н. Дьячок // Наук. зап. : у 5 ч., Сер. Філол. науки (мовознаўства) / редкол.: О. Семенюк [та ін.]. – Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Вінніченка, 2010. – Вип. 89 (4). – С. 21–25.

М. П. Кажарновіч (г. Браціслава, Славацкая Рэспубліка)

СПЕЦЫФІКА КАНАТАТЫЎНАГА ЗНАЧЭННЯ АНТРАПОНІМАЎ У БЕЛАРУСКІМ І СЛАВАЦКІМ МЕДЫЯДЫСКУРСЕ

Сучасны медыядыкурс шырока карыстаецца метафарычным патэнцыялам антрапанімічных адзінак для аксіялагічнага асэнсавання актуальных рэалій грамадска-палітычнага і культурнага жыцця. Антрапанімічная метафара з’яўляецца вынікам рэалізацыі канататыўнага значэння ўласнага імя. У сучасным мовазнаўстве шырока вар’іруецца як змест самога паняцця *канатацыя*, так і месца канатацыі ў семантычнай структуры оніма. Традыцыйна канатацыя разглядаецца як эмацыянальна-ацэначнае сузначэнне [1; 2], экспанент культуры ў моўным знаку [3; 4] або як кампанент плана зместу моўнай адзінкі [5]. Зыходзячы з дэфініцыі В. Н. Тэлія, што канататыўнае значэнне – гэта “здольнасць адзначаць пэўную ўласцівасць рэаліі, адсылаючы да яе, але не ўдзельнічаючы ў яе непасрэдным абазначэнні” [6, с. 226], канататыўнае значэнне ёсць частка лексічнага значэння слова, якая не мае вербальнага выражэння. Такі падыход да разумення канатацыі дазваляе аб’яднаць вышэйзгаданыя тэорыі ў межах паняцця *семантычныя разнавіднасці канататыўнага значэння*. Адпаведна можна вылучыць наступныя тыпы канатацыі: эмацыянальна-ацэначная, стылістычная і культурная. Як адзін з семантычных тыпаў канататыўнага значэн-

ня вылучаецца фонавая канатацыя [7–9], якая ўключае экстралінгвістычную інфармацыю, рэlevantную для разумення значэння слова.

Канатацыя займае адметнае месца ў семантычнай структуры оніма, з’яўляючыся дэскрыптыўным кампанентам лексічнага значэння ўласных імёнаў, якія ўваходзяць у кагнітыўную базу прадстаўнікоў пэўнай лінгвакультурнай супольнасці [10, с. 67]. Рускі даследчык Т. А. Нянашэва размяжоўвае такія паняцці, як “ўвасобленае” і “неўвасобленае імя”. Увасобленае імя – гэта рэфэрэнтна адназначнае імя, якое абазначае канкрэтную асобу ў маўленчым акце; неўвасобленае імя – імя як абстрактная адзінка [9, с. 18]. Мы прытрымліваемся меркавання, што кожнае рэфэрэнтна адназначнае імя валодае канататыўным патэнцыялам, які можа рэалізавацца ў канкрэтнай маўленчай сітуацыі. Здольнасць оніма ўжывацца ў метафарычнай намінацыі абумоўлена яго канататыўным значэннем, г. зн. яго фонавай, аксіялагічнай і культурнай канатацыяй. У межах дадзенага артыкула паспрабуем акрэсліць універсальныя і культурна абумоўленыя аспекты функцыянавання антрапонімаў у метафарычных кантэкстах беларускіх і славацкіх медыятэкстаў. За асноўную крыніцу фактычнага матэрыялу для кампаратыўнага аналізу канататыўнага значэння антрапанімічных адзінак былі абраны тэксты беларускіх (газеты “Літаратура і Мастацтва” (далей – ЛіМ), “Наша Ніва” (далей – НН), “Звязда”) і славацкіх друкаваных і электронных СМІ (“Hospodárske noviny” (далей – HN), “Domino fórum” (далей – DF), “Literárny týždenník” (далей – LT), “Nové slovo” (далей – NS), “Sme”).

У беларускім і славацкім медыядыскурсе сустракаецца цэлы шэраг прэцэдэнтных антрапонімаў, якія ў межах абедзвюх лінгвакультурных прастораў метафарызуюцца на аснове агульных канатацый. Напрыклад, онім *Дантэ* ўжываецца ў другаснай намінацыі з фіксаванай канатацыяй ‘выбітны пісьменнік, заснавальнік нацыянальнай літаратуры’, *Эніштэйн* – ‘выключна таленавітая асоба’, *Робін Гуд* – ‘добры разбойнік, абаронца пакрыўджаных’, *Чэ Гевара* – ‘народны рэвалюцыянер’: *Янка Купала* – беларускі *Дантэ* (ЛіМ); *Marulić – chorvátsky Dante* (LT) – *Маруліч* – харвацкі *Дантэ*; *Побач з намі былі і ёсць нашы Эніштэйны, чый інтэлект, веды, шырыня поглядаў, уменне шукаць і знаходзіць, не саступаюць “зоркам” навукі сусветнага ўзроўню* (Звязда); *Malí Einsteinovia. Ak si myslíte, že je vaše dieťa mimoriadne nadané, tak ho do špeciálnej školy môžete prihlásiť už teraz* (HN) – *Малыя Эніштэйны. Калі вы думаеце, што ваша дзіця выключна адоранае, то можаце ўжо цяпер запісваць яго ў спецыяльную школу і інш.*

Кампаратыўны аналіз метафарычнага значэння прэцэдэнтных антрапонімаў у беларускім і славацкім медыядыскурсе дазваляе выявіць і культурна абумоўленыя аспекты іх канататыўнага значэння.

У гэтай сувязі нельга не згадаць антрапонім *Напалеон*, на аснове якога фарміруецца цэлы шэраг метафарычных кантэкстаў у беларускім і славацкім медыядыскурсе. У беларускай лінгвакультурнай прасторы онім *Напалеон* найчасцей метафарызуецца на аснове негатыўнай канатацыі ‘самаўпэўненая, эгаістычная, жорсткая асоба’: *Кожны Напалеон думае ў першую чаргу пра сябе, яго хвалюе ён, а ўсё астатняе – дробязі. І чалавечае жыццё не выключэнне* (НН); *у кожным працоўным калектыве абавязкова ёсць свой Напалеон, які пераступіць праз кожнага дзеля дасягнення сваёй мэты* (Звязда). У беларускіх медыятэкстах не было выяўлена ніводнага метафарычнага кантэксту, заснаванага на пазітыўнай альбо нейтральнай аксіялагічнай характарыстыцы згаданай асобы. У славацкім медыядыскурсе дадзены антрапонім выкарыстоўваецца ў метафарычных кантэкстах з дзвюма асноўнымі канатацыямі. Першая з іх звязана з уяўленнем пра Напалеона як бязлітаснага дыктатара: *Obete Napoleonov socializmu. Životné peripetie známych ruských spisovateľov a osud ich diela sú svedectvom praktík totalitného režimu* (Sme) – *Ахвяры Напалеонаў сацыялізму. Жыццёвыя перыпетыі вядомых рускіх пісьменнікаў і лёс іх твораў з’яўляюцца сведчаннем дзеянняў таталітарнага рэжыму*. Другая, дастаткова пашыраная канатацыя антрапоніма *Напалеон* – ‘амбіцыёзны, самаўпэўнены лідар’ – актуалізуецца ў станоўчых метафарычных кантэкстах: *John Gabriel Borkman – kapitán bankovníctva a Napoleon obchodu* (Sme) – *Джон Габрыэл Боркман – капітан банкаўскай сістэмы і Напалеон гандлю*.

Шырокае выкарыстанне ў беларускіх і славацкіх медыятэкстах метафарычных магчымасцей антрапоніма *Папялушка* дазваляе казаць пра яго ўзуальнасць у абедзвюх мовах, а адпаведныя антрапанімічныя метафары можна разглядаць як лексікалізаваныя моўныя адзінкі. Аднак кампаратывны аналіз дэманструе культурную абумоўленасць канататыўнага значэння дадзенага ўласнага імя. У беларускіх медыятэкстах большасць метафарычных кантэкстаў са згаданым антрапонімам фарміруецца на аснове асацыяцыі з казачнай зменай у жыцці: *Краіны-папялушкі. Слынным прыкладам раптоўнага ўзбагачэння з’яўляюцца краіны Арабійскага паўвостраву – Саудаўская Арабія, Аб’яднаныя Арабскія Эміраты, Кувэйт* (НН); *Яе жыццё – сапраўдная гісторыя Папялушкі: з’явіўся прынец – і ўсё змянілася* (Звязда). І сустракаюцца толькі адзінкавыя прыклады метафарычнага ўжывання антрапоніма *Папялушка* са значэннем ‘бедная, занябаная’. У славацкіх медыятэкстах згаданая канатацыя антрапоніма *Папялушка* з’яўляецца першаснай і вельмі часта выкарыстоўваецца для асэнсавання неантрапанімічнага рэфэрэнта: *Je mi veľmi ľúto, že dnešné školstvo sa stáva popoluškou a zbytočnou záťažou pre štát* (НН) – *Мне вельмі шкада, што сённяшня адукацыя становіцца папялушкай і збыткоўным цяжарам для дзяржавы*; *Finančná gramotnosť klientov je stále popoluškou* (НН) – *Фінан-*

савая грамамнасць кліентаў усё яшчэ з’яўляецца папялушкай і інш. Кана-тацыя ‘казачная, неверагодная перамена’ ў славацкай лінгвакультурнай прасторы з’яўляецца другаснай: *Z Popolušky na jednu noc princezná. Každá žena občas zatúži premenit’ sa zo sivej myšky na princeznu* (HN) – *На адну ноч з Папялушкі ў прынцэсу. Кожная жанчына часам марыць ператварыцца з серай мышкі ў прынцэсу.*

Кампаратыўны аналіз антрапанімічных адзінак у метафарычнай намінацыі ў беларускім і славацкім медыядыскурсе дэманструе ўніверсальныя і культурна абумоўленыя аспекты іх канататыўнага значэння, адкрываючы магчымасці для выяўлення спецыфікі анамастычнага моўнага вобраза свету. З аднаго боку, экстралінгвістычныя культурна абумоўленыя фактары вызначаюць спецыфіку працэсу фарміравання і функцыянавання антрапанімічнай метафары, з іншага – антрапанімічная метафара фіксуе спецыфіку нацыянальнага светабачання, выходзячы за межы індывідуальнага працэсу пазнання.

Артыкул падрыхтаваны пры падтрымцы гранта VEGA 1/0338/16 “Славацкая мова ў камунікацыйных фармацыях”.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. – М. : Просвещение, 1968. – Т. 3 : Об изменении значения и заменах существительного. – 551 с.
2. Фортунатов, Ф. Ф. Избранные труды / Ф. Ф. Фортунатов. – М. : Гос. учеб.-пед. изд-во, 1956–1957. – 924 с.
3. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
4. Бурукина, О. А. Коннотация как культурная универсалия / О. А. Бурукина // Философия. Язык. Культура. – СПб. : Алетейя, 2011. – № 2. – С. 197–208.
5. Гриценко, Е. С. Коннотация и некоторые другие понятия лингвостилистики / Е. С. Гриценко // Общая стилистика: теоретические и прикладные аспекты. – Калинин : Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1990. – С. 26–71.
6. Телия, В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1981. – 269 с.
7. Муравлева, Н. В. Апеллятивация имен собственных и фоновые коннотации / Н. В. Муравлева // Коннотативные аспекты семантики в немецкой лексике и фразеологии. – Калинин : Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1987. – С. 75–78.
8. Филатова, И. Н. Имена собственные англоязычных политических лидеров как средство оценки / И. Н. Филатова // Вестн. ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультур. коммуникация. – 2010. – № 2. – С. 80–83.
9. Ненашева, Т. А. Коннотативная семантика референтно однозначного имени / Т. А. Ненашева. – Н. Новгород : Нижегород. техн. ун-т, 2012. – 153 с.
10. Ермолович, Д. И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи / Д. И. Ермолович. – М. : Р. Валент, 2005. – 416 с.

А. И. Ковалева (г. Минск, Республика Беларусь)

МЕТАФОРА КАК ЭЛЕМЕНТ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И БЕЛОРУССКИХ ФИТОНИМОВ С РАЗЛИЧНОЙ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМОЙ)

Метафора как универсальный инструмент познания считается важным средством освоения нового содержания в процессе переноса известного на неизвестное [1, с. 43]. Поскольку в ходе создания метафоры происходит выбор и закрепление того или иного признака, который является связующим для реалии, уже имеющей наименование, и вновь именуемой реалии, метафора способна выступать в качестве элемента внутренней формы (далее – ВФ) слова, причем как семантических, так и структурных дериватов.

Семантическая деривация представляет собой использование материальной оболочки уже существующего слова в качестве имени для нового фрагмента действительности на основании некоторой общности сопоставляемых объектов [2, с. 11]. При этом метафора выступает в качестве **механизма** создания новой номинативной единицы, а развертывание метафоры – в роли приема, обнажающего ВФ слова.

Метафора может реализоваться также в **структурных дериватах**. У тех дериватов, которые относятся к сфере метафорической мотивации, мотивирующее слово выступает в своем прямом значении, из которого при образовании мотивированного извлекается только один семантический компонент и кладется в основу новой номинации. Таким образом, в данных случаях метафора также выступает в роли **механизма** создания новой номинации.

У дериватов с переносной мотивированностью метафора является не механизмом создания новой номинации, а **характеристикой ВФ слова**, так как связь между мотивирующим и мотивированным не носит образного характера. Метафора реализуется в том, что мотивированное слово базируется на переносном значении мотивирующего. Выделение метафоры – механизма создания новой номинации и метафоры-характеристики ВФ номинации целесообразно, поскольку, во-первых, позволяет при исследовании метафоры в структуре производных номинаций не ограничиваться только группой семантических дериватов или дериватов с переносной мотивированностью, а проанализировать все случаи присутствия метафоры в структуре производной номинации. Во-вторых, дает возможность увидеть различный характер участия метафоры в структуре производной номинации.

Наименования растений и их частей в национальных языках обладают богатым потенциалом для сопоставления с точки зрения их ВФ: растения характеризуются очень большим количеством элементов и свойств, название любого из которых может стать материальной основой нового наименования. При попытке же создания метафорического наименования круг возможных ВФ расширяется еще больше, поскольку в качестве ВФ такой номинации может выступить наименование любого объекта, который обнаруживает хотя бы некоторое подобие с растением / его частью. Так, белорусское название примулы – *ключыкі* – основано на свойстве растения цвести одним из первых в пору, когда установится относительно теплая погода, поэтому примула, как ключом, «открывает лето».

Предметом данного исследования, которое представляет собой сопоставление семантических коррелятов-фитонимов русского и белорусского языков с различной ВФ слова, выбранных из «Русско-белорусского словаря» и «Белорусско-русского словаря» НАН Беларуси, стала метафора в структуре ВФ слова.

В кругу фитонимов с различной ВФ в русском и белорусском языках метафорические номинации, под которыми в рамках данной работы понимаются все те производные наименования, которые являются либо семантическими дериватами, основанными на метафоре, либо структурными дериватами с метафорической или переносной мотивацией, занимают значительное место. При наименовании одних и тех же денотатов даже при несовпадении ВФ семантических коррелятов белорусский и русский языки демонстрируют близкие количественные показатели присутствия метафоры в структуре фитонимов: метафора наличествует в структуре 52 % русских производных коррелятов-фитонимов и 45 % белорусских.

Среди русских и белорусских семантических коррелятов с различной ВФ слова встречаются как пары, в которых метафорической номинации соответствует неметафорическая (бел. *боцікі* – рус. *борец синий*, рус. *дремлик* – бел. *гайнік*), так и пары, оба элемента которых имеют отношение к метафоре. Здесь возможны шесть типов комбинаций:

- семантический дериват, основанный на метафоре – семантический дериват, основанный на метафоре: бел. *галоўка* – рус. *коробочка* ('сухой плод растения, содержащий семена');
- структурный дериват с метафорической мотивацией – структурный дериват с метафорической мотивацией: бел. *кывасмок* – рус. *кровохлебка* (растение, которое используется для приостановления кровотечений);
- структурный дериват с переносной мотивацией – структурный дериват с переносной мотивацией: рус. *золотарник* – бел. *сумнік* (травянистое растение ярко-желтого цвета, семена которого хорошо спрятаны в «сумки»);

- семантический дериват, основанный на метафоре – структурный дериват с метафорической мотивацией: рус. *гребешок петушиный* – бел. *званец* (растение, конусовидный цветок которого по форме напоминает гребень петуха);
- семантический дериват, основанный на метафоре – структурный дериват с переносной мотивацией: рус. *чашечка* – бел. *падвяночак* ('часть околоцветника, состоящая из отдельных или сросшихся под венчиком чашелистиков, защищающих венчик цветка');
- структурный дериват с метафорической мотивацией – структурный дериват с переносной мотивацией: рус. *белоус* – бел. *сівец* (растение с длинными стеблями, которые, отцветая, теряют цвет).

При наименовании объектов растительного мира были задействованы результаты работы разных анализаторов: зрительного, слухового, обонятельного, вкусового и тактильного, осознаны такие характеристики растений, как время произрастания/цветения, а также действие растений на человека, особенности их жизнедеятельности. Репертуар признаков ВФ слова у русских и белорусских метафорических наименований растений одинаков. При этом наблюдается явная тенденция к доминированию метафор, основанных на сходстве формы растения или его частей с другими объектами действительности: рус. *манжетка* (форма листьев растения напоминает кружевные манжеты), рус. *аистник* (семенная коробочка растения похожа на голову и клюв аиста), бел. *капытнік* (листья растения напоминают след от копыта лошади), бел. *грушанка* (листья растения напоминают листья груши). Наименования, основанные на сходстве по другим признакам, единичны.

Анализ типов метафор фитонимов с различной ВФ в русском и белорусском языках показал, что при наименовании растений в сопоставляемых языках высокой метафорической активностью обладает лексика из разных сфер. Типичными метафорами при наименовании растений и их частей являются антропоморфная, зооморфная, фитоморфная и артефактная. В белорусскоязычном материале наблюдается значительный перевес артефактных метафор: *мучанік* (ягоды растения безвкусные, как мука), *смолка* (у растения много сока, вязкого и липкого, как смола), *вашчанка* (листья растения покрыты налетом). Фитонимы русского языка чаще соответствуют метафорической модели «животное – растение»: *лапчатка* (листья растения отдаленно напоминают лапу гуся), *белокрыльник* (цветок растения обладает единственным изогнутым белым лепестком, сходным по форме с крылом), *кошачья лапка* (растение с пушистыми мягкими соцветиями).

Различие в преобладающей модели метафоризации наименований растений в русском и белорусском языках свидетельствует о разном

восприятию этой сферы носителями сопоставляемых языков. Растения – те объекты действительности, отнесенность которых к миру живого или неживого в обыденной картине мира не является жесткой: с одной стороны, жизненный цикл растения напоминает жизнедеятельность человека и животных, в фольклоре растения часто наделяются антропоморфными чертами. С другой стороны, для растений не свойственны, по крайней мере, в той степени, насколько это характерно для животных, такие базовые для живых существ действия, как самостоятельное движение и активная реакция на раздражители. Преобладающая метафоризация наименований растений и их частей по модели «предмет – растение» и «животное – растение» в белорусском и русском языках свидетельствует о том, что в границах нашего материала в русской языковой картине мира растения воспринимаются скорее как живые объекты действительности, в то время как в белорусской – как неживые.

Метафорические номинации занимают значительное место в корпусе фитонимов с различной ВФ в русском и белорусском языках. Метафора может выступать как в качестве механизма создания новой номинации (семантические дериваты, структурные дериваты с метафорической мотивацией), так и в качестве характеристики ВФ слова (дериваты с переносной мотивацией). Наибольшей метафорической активностью при наименовании растений и их частей в русскоязычном материале является модель «животное – растение», а в белорусскоязычном – «предмет – растение», что может быть связано с восприятием растений как живых и неживых объектов носителями русского и белорусского языков соответственно.

Список использованной литературы

1. Старычонак, В. Д. Мнагазначнасць слоў у беларускай мове : у 3 кн. / В. Д. Старычонак. – Мінск : Колорград, 2017. – Кн. 1 : Асноўныя тыпы полісеміі, кірункі семантычнай дэрывацыі. – 273 с.

2. Москалева, М. В. Семантическая деривация имен существительных в современном русском языке второй половины XX – начала XXI в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. В. Москалева ; МГПУ. – М., 2009. – 28 с.

Т. А. Козлова (г. Минск, Республика Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ОЦЕНОЧНО НЕЙТРАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ, НАЗЫВАЮЩИХ МОРАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА, В СОВРЕМЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Активная жизненная позиция человека предполагает не только фиксацию в языке результатов взаимодействия с окружающей действительностью, но и указание на отношение к ней, то есть фиксацию оценки

в семантике лексических единиц. На основании семантического признака «оценка» В. И. Шаховский предлагает различать нейтральные языковые единицы и собственно оценочные, которые варьируются по типу оценочного знака (+/-). При этом к нейтральным словам ученый относит единицы, которые лежат вне аксиологической области (*tree, pink, go, naturally, he, etc.*), то есть имеют нулевую оценку [1, с. 33]. Соответствующую категорию слов А. А. Ивин относит к «собственно безразличным», выделяя отдельно категорию единиц, которые оценивались, но не были отнесены ни к “+”, ни к “-” – “посредственное”» [2, с. 119]. Лексические единицы последней группы, то есть единицы с невыраженной положительной или отрицательной оценкой, рассматриваются в данной статье как оценочно нейтральные.

Формально оценочно нейтральные единицы определяются на основании словарных дефиниций и включают лексемы, в определениях которых отсутствует прямое указание на отнесение именуемого качества к положительному или отрицательному. При этом наличие потенциальной семы оценки подтверждается возможностью включения в значение как метаязыкового комментария «и это хорошо», так и метаязыкового комментария «и это плохо». На основании данных критериев в толковых словарях белорусского [3], русского [4] и английского [5] языков было выявлено 11, 11 и 10 оценочно нейтральных единиц соответственно. Большинство выявленных лексем является стилистически нейтральными: лишь по 1 лексеме в белорусском и русском языках имеют помету *разг.* (*паслужлінасць; непокорство*), в английском языке 2 лексемы имеют помету *formal* (*pertinaciousness, pertinacity*).

Отсутствие указания на оценку в дефиниции лексемы может компенсироваться ее экспликацией в контексте, что объясняется, с одной стороны, недостаточной семантической определенностью слов [6, с. 11] и, с другой стороны, возможностью актуализации в тексте потенциальных сем [7, с. 11]. Методом сплошной выборки из художественных произведений второй половины XX в., а также на основе данных национальных корпусов белорусского, русского и английского языков было выявлено 71 словоупотребление данных единиц в белорусском языке, 111 – в русском языке и 30 – в английском языке. При этом в белорусском языке 2 лексемы не представлены в текстах (*дагодлінасць, паслужлінасць*), а количество словоупотреблений 6 лексем менее пяти (*услужлінасць, неадступнасць, няўхільнасць, непатрабавальнасць, непераборлінасць, неразборлінасць*). В русском языке 5 лексем имеют менее пяти словоупотреблений (*нетребовательность, разборчивость, непокорность, непокорство, неотступность*), 2 лексемы – менее десяти (*безропотность, неразборчивость*). В английском языке 6 единиц не представлены

в текстах (*categoricalness*, *pliability*, *pliancy*, *pertinaciousness*, *strictness*, *ambitiousness*), 3 лексемы имеют менее пяти словоупотреблений (*submissiveness*, *tractability*, *pertinacity*). Таким образом, количественные данные свидетельствуют о невысокой частоте употребления единиц рассматриваемой группы в сопоставляемых языках.

Универсальность человеческого мышления, общность идеологии и эмоциональных переживаний проявляются не только в совпадении языковых средств наименования моральных качеств, но и в наличии или отсутствии оценочного компонента в их значении. Так, оценочно нейтральными в белорусском, русском и английском языках являются соотносимые лексемы *катэгарычнасць* (17) – *категоричность* (18) – *categoricalness* (0) (здесь и далее в скобках указывается количество словоупотреблений). Очевидна неодинаковая репрезентативность указанных единиц. При этом в русском языке качество, называемое данной лексемой, воспринимается исключительно как отрицательное (*холодная, стальная категоричность; недолюбливал за излишнюю категоричность*). Для белорусского языка в большинстве случаев также характерна актуализация отрицательной оценки (*фамільярная, загадная катэгарычнасць; не любіла за катэгарычнасць*), однако отмечаются единичные примеры, где актуализируется положительная оценка либо оценка остается неэксплицированной (*з усіх толькі Зазыба не ўтойваў сваёй здаволенасці: Парфён гаварыў Раману Сёмачкіну тое, што мог выказаць і ён, Зазыба, але тады б усё выглядала па-іншаму і ўспрымалася б без такой катэгарычнасці. Іван Чыгрынаў. Плач перапёлкі*).

Наиболее многочисленными в белорусском и русском языках являются словоупотребления единиц, обозначающих готовность выполнять волю другого человека: *пакорлівасць* (30), *пакорнасць* (11); *покорность* (27), *безропотность* (6). Общность в семантике данных единиц проявляется в тенденции к негативному восприятию называемых ими качеств. Отрицательная оценка эксплицируется в тексте на основе сочетаемости с единицами, в семантике которых присутствует отрицательная оценка, включения в перечень единиц с отрицательной оценкой, противопоставления. Словоупотребления, актуализирующие положительную оценку, единичны.

В английском языке значение ‘готовность подчиниться воле другого человека’ представлено в семантике 4 единиц, однако они имеют низкую репрезентативность: *submissiveness* (3), *tractability* (1), *pliability* и *pliancy* не встретились. В семантике указанных слов также актуализируется отрицательная оценка.

Несмотря на немногочисленность примеров словоупотребления лексем *услужлівасць, неадступнасць, непатрабавальнасць, непераборлі-*

васць (по 2), *няўхільнасць*, *неразборлівасць* (по 3), можно наблюдать тенденцию к актуализации отрицательной оценки (*з нахабнай услужлівасцю; бязлітасная, суровая няўхільнасць; заўвагі аб фактах непатрабавальнасці і непераборлівасці*). В русском языке такая же тенденция наблюдается в семантике единиц *нетребовательность* (1), *неразборчивость*, *разборчивость*, *непокорность* (по 3), *непокорство* (4), *неотступность* (2): *посмеивался над интеллектуальной нетребовательностью, раздражавшая своей неразборчивостью в людях, очень строгая разборчивость*. Выявлен лишь один случай актуализации положительной оценки в семантике лексемы *непокорность* (*хвалили за непокорность*).

В отличие от белорусского языка для лексемы *услужливость* в русском языке характерна актуализация как положительной, так и отрицательной оценки (*надеясь смирением, услужливостью, безблудьем избыть вину, отмолить прощение; неприятная услужливость*).

Оценочно нейтральная лексема *непосредственность* (29) в русском языке наиболее репрезентативна. Словоупотребления данной единицы свидетельствуют о преимущественно положительном восприятии качества, называемого данной лексемой (*пленяя непосредственностью, обаятельная солдатская непосредственность, ужасно привлекла его народная непосредственность*). При этом качество, называемое указанной лексемой, в наибольшей степени свойственно детям, что подтверждается повторяющимся в произведениях разных авторов словосочетанием *детская непосредственность*. Лишь в отдельных случаях актуализируется отрицательная оценка, сближая по значению данную единицу с лексемой *грубость* (*демонстрируя на всю катушку русскую непосредственность, граничащую с хамством; дурацкая непосредственность*).

В английском языке наиболее частотной среди анализируемых единиц является лексема *insistence* (25). Абсолютное большинство словоупотреблений актуализирует отрицательную оценку в семантике единицы. При этом наиболее частотным способом ее актуализации является указание на отрицательный результат в случае проявления качества, названного данной лексемой (*she was forced, reluctantly, to agree to Myra's insistence; they argued vehemently over Elisabeth's insistence; she had yielded somewhat to the Colonel's insistence*).

Таким образом, универсальность оценочно нейтральных единиц проявляется в их немногочисленности, невысокой частоте употребления, стилистической нейтральности, тенденции к актуализации оценки при функционировании данных единиц в тексте, при этом чаще актуализируется отрицательная оценка. Общими для трех языков являются соотносимые единицы *катэгарычнасць* – *категоричность* – *categoricalness*, однако их частотность различна. Общее количество соотносимых единиц в белорус-

ском и русском языках составляет 6 пар слов. Для белорусского и русского языков наиболее репрезентативными являются единицы, выражающие готовность подчиниться. Такие же единицы являются оценочно нейтральными и в английском языке, однако их функционирование в тексте ограничено. Противоположное качество зафиксировано оценочно нейтральными единицами в русском и английском языках, однако в белорусском языке указанные единицы относятся к оценочно амбивалентным. При совпадении нейтральной оценки в лексикографических источниках лексемы *услужліваць* – *услужливость* актуализируют различную оценочную направленность при функционировании в тексте, в чем и проявляется национальная специфика семантики языковых единиц, называющих моральные качества.

Список использованной литературы

1. Шаховский, В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания / В. И. Шаховский. – Волгоград : ВГПИ, 1983. – 94 с.
2. Ивин, А. А. Основания логики оценок / А. А. Ивин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 232 с.
3. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / рэдкал.: М. Р. Суднік [і інш.]. – Мінск : Беларус. Савец. Энцыкл. імя П. Броўкі, 1977–1984. – 5 т.
4. Большой академический словарь русского языка : в 23 т. / под ред. К. С. Горбачевича. – 3-е изд. – СПб. : Наука, 2004–2014. – 23 т.
5. Oxford dictionary of English / ed.: C. Soanes, A. Stevenson. – 2nd ed. – Oxford ; N. Y. : Oxford Univ. Press, 2005. – 2088 p.
6. Кузнецова, Э. В. Русская лексика как система / Э. В. Кузнецова. – Свердловск : УрГУ, 1980. – 89 с.
7. Арнольд, И. В. Потенциальные и скрытые семы и их актуализация в английском художественном тексте / И. В. Арнольд // Иностран. яз. в шк., 1979. – № 5. – С. 10–14.

Е. Д. Мадей (г. Братислава, Словацкая Республика)

К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Одним из перспективных направлений современного языкознания является изучение языковых контактов, т. е. «соприкосновения языков, возникающего вследствие особых географических, исторических, политических, экономических, религиозных, культурных условий, создающих необходимость общения разноязычных этносов» [1, с. 149]. Большое внимание уделяется языковой интерференции, под которой прежде всего следует понимать негативные последствия взаимовлияния контактирующих языков. Согласно У. Вайнрайху, к явлениям интерференции относятся «те случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи

двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, т. е. вследствие языкового контакта» [2, с. 20]. «Поскольку интерференция снижает качество речи и создает препятствия для эффективной межкультурной коммуникации, проблема предотвращения собственно языковой интерференции, интерференции на уровне невербальных средств общения и стереотипов речевого поведения – один из важных вопросов лингводидактики» [3, с. 88].

К числу традиционных методов борьбы с интерференцией современная лингвометодика относит **контрастивно-сопоставительный анализ и анализ типичных ошибок**. Сопоставительный анализ родного и изучаемого языков позволяет выявить сопутствующие и интерферирующие влияния. Под сопутствующими влияниями следует понимать случаи положительного переноса – «оправданного и неошибочного переноса навыков пользования моделями, структурами родного языка в производстве речи на неродном языке при их совпадении, прямой, полной относительности» [1, с. 102]. К интерферирующим влияниям относятся случаи негативного переноса, или деструктивной языковой интерференции, оказывающей исключительно отрицательное воздействие на усвоение и применение норм иностранного языка.

Сопоставительный анализ является наиболее эффективным методическим приемом на начальном этапе обучения неродному языку. Задача преподавателя состоит в выявлении типичных ошибок, «разработке эффективной методики их предупреждения и устранения, основанной на максимальном исключении из процесса причин, приведших к ошибке» [4, с. 158]. Преподаватель, имеющий представление о специфике и закономерностях систем контактирующих языков, способен не только прогнозировать точки возникновения интерференции, составлять алгоритмы работы с учащимися [4, с. 158], но и систематически обращать внимание учащихся на наиболее тяжело поддающиеся усвоению лексико-грамматические темы. В случае контактирования двух близкородственных языков (как русский и словацкий) немаловажно обращать внимание студентов не только на межъязыковые сходства, но и на различия. По мнению Р. А. Будагова, «внутри, казалось бы, внешне сходного набора грамматических категорий функциональные различия оказываются весьма значительными и вместе с тем очень тонкими» [5, с. 46].

Так, в словацкой грамматической традиции нет понятий *слова категории состояния, вводные слова и конструкции*, отсутствуют формы действительного причастия прошедшего времени и страдательного причастия настоящего времени. Имена прилагательные словацкого языка не имеют кратких форм, за исключением нескольких архаических. Преподаватель, своевременно обнаруживший такого рода расхождения,

уделяет большее внимание такому грамматическому материалу. И наоборот, наличие у преподавателя знаний о многочисленных сходствах двух контактирующих языков дает ему возможность выносить некоторые темы на факультативное или индивидуальное изучение.

С сопоставительным методом предотвращения интерференции неразрывно связан анализ типичных ошибок. Под типичной ошибкой следует понимать «нарушение нормы речи, повторяющееся у значительной части учащихся либо у одного ученика и вызванное недостаточной сформированностью тех или иных речевых механизмов» [6, с. 316], или «часто встречающиеся, относящиеся к наиболее важным и сложным разделам изучаемого языка ошибки» [7, с. 39]. Некоторые типичные ошибки могут быть классифицированы как «внутриструктурные», т. е. такие, возникновение которых спровоцировано самой системой изучаемого языка [8, с. 303]. К таким ошибкам можно отнести практически все исключения из правил грамматики русского языка. Внеструктурными являются те ошибки, возникновение которых обусловлено влиянием родного языка учащихся либо другого контактирующего языка.

Так, к типичным фонетическим ошибкам словацких студентов в русском языке относится неверное произношение большинства мягких согласных по причине отсутствия аналогичных звуков в фонетической системе словацкого языка. Среди типичных грамматических ошибок можно отметить неправильное определение грамматического рода имен существительных (*дядя, папа, мужчина* – ж. р., *пляж, гараж, массаж* – ж. р., *путь, гусь* – ж. р. и др.), неверный выбор падежных окончаний имен существительных (*с мамоу* вместо *с мамой*, *к братови* вместо *к брату* и др.), нарушение глагольного управления (*специализироваться на производство* вместо *специализироваться на производстве* и др.), калькирование синтаксических конструкций (*мы были кататься на лыжах* вместо *мы катались на лыжах* и др.), а также неправильное спряжение глаголов, неверный выбор падежных окончаний имен прилагательных, неправильное образование форм множественного числа, неверный выбор предлога в словосочетании, неверный выбор союза или союзного слова в сложноподчиненном предложении и др.

В последнее время все чаще высказывается диаметрально противоположное двум вышеупомянутым методам мнение о том, что «более эффективной работе по предотвращению интерференции способствует **когнитивный подход к анализу языковых явлений**, учитывающий механизмы языковой репрезентации фрагментов мира и способность языковых единиц фиксировать концептуальные смыслы» [3, с. 89]. Основной целью когнитивного подхода является избежание внутреннего перевода со стороны учащихся и нивелирование в их речи

лексико-семантических интерферирующих явлений. Одним из ярких примеров реализации настоящего подхода является так называемая методика Берлица (Институт имени Гёте): она позволяет студентам избежать наиболее часто встречающейся в речи иностранцев лексико-семантической интерференции, «связанной с семантическими и структурными расхождениями в лексике контактирующих языков, а именно: а) с несовпадением объема значений слов в обоих языках и б) с несовпадением лексической сочетаемости и ассоциативных связей у соотнесенных слов контактирующих языков» [9, с. 13].

В настоящей статье мы представили основные методы предотвращения языковой интерференции, исследуемые и применяемые современными учеными-лингвистами в процессе преподавания русского языка как иностранного. Вопреки растущему в настоящее время числу приверженцев когнитивного подхода, запрещающему всякое сравнение и перевод с одного контактирующего языка на другой, по нашему мнению, применение при обучении иностранным языкам контрастивного метода, порой называемого «устаревшим», все же имеет ряд положительных свойств для обеих сторон учебного процесса. Благодаря сопоставлению грамматического и лексического строя двух языков преподаватель может составить индивидуальный план обучения для студентов – носителей конкретного языка. Учащиеся же чувствуют себя более комфортно, когда преподаватель применяет компаративную и контрастивную методику при изложении нового материала.

Данная статья подготовлена в рамках проекта *KEGA Vysokoškolská učebnica Kultúrne regióny Ruska v cestovnom ruchu* с регистрационным номером 052UK-4/2018.

Список использованной литературы

1. Панькин, В. М. Языковые контакты : крат. слов. / В. М. Панькин, А. В. Филиппов. – М. : Флинта : Наука, 2016. – 160 с.
2. Вайнрайх, У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх. – Киев : Вища шк., 1979. – 262 с.
3. Рахманкулова, С. Е. Языковая интерференция и изучение иностранного языка / С. Е. Рахманкулова. – М. : Русайнс, 2018. – 110 с.
4. Чевела, О. В. К вопросу о преодолении языковой интерференции при обучении русскому языку как иностранному / О. В. Чевела, С. И. Федотова, В. П. Никитюк // Современ. наукоем. технологии. – 2017. – № 1. – С. 154–158.
5. Будагов, Р. А. Сходства и несходства между родственными языками. Романский лингвистический материал / Р. А. Будагов. – М. : Наука, 1985. – 270 с.
6. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М. : ИКАР, 2009. – 448 с.
7. Игнатьева, О. П. Лингводидактическая теория ошибки и пути преодоления ошибок в речи иностранных учащихся : дис. ... канд. пед. наук / О. П. Игнатьева. – М., 2006. – 223 л.

8. Усенко, И. Ю. Грамматические ошибки в устной речи иностранцев: типология, причины возникновения и пути коррекции [Электронный ресурс] / И. Ю. Усенко // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/grammaticheskie-oshibki-v-ustnoy-rechi-inostrantsev-tipologiya-prichiny-vozniknoveniya-i-puti-korreksii>. – Дата доступа: 27.12.2019.

9. Багана, Ж. Лексическая интерференция в условиях языкового контакта (на примере русского и португальского языков) / Ж. Багана, Ю. С. Блажевич // Вестн. ИГЛУ. – 2011. – С. 10–15.

А. А. Посохин (г. Брест, Республика Беларусь)

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА
В БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ ОБОЗНАЧЕНИЙ ЧАСТЕЙ
МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ)**

Задача дифференциации русского языка в социально-профессиональном аспекте приобрела особую значимость во второй половине XX в. 1961 г. – год проведения Всесоюзного совещания по вопросам терминологии и издания книги Д. С. Лотте «Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики» – принято считать годом появления терминоведения как новой отрасли языкознания [1]. К концу XX в. терминоведение превращается «из комплексной науки в комплекс взаимосвязанных научных дисциплин» [2]: общее и частное терминоведение, методологическое и филологическое, типологическое и сопоставительное, семасиологическое и ономасиологическое, историческое, функционально-стилистическое, гносеологическое и др. Появление в конце XX в. когнитивной лингвистики дало новый толчок развитию терминоведения. «Поскольку в процессах познания и мышления наиболее активно используется специальная лексика, когнитивное терминоведение стало одним из ведущих направлений в языкознании» [1].

Специальный язык, обслуживающий научно-производственную сферу человеческих отношений, образуется не только терминами. Номенклатурные обозначения объектов, явлений действительности не имеют устойчивой связи с понятиями, такие наименования не обязательно сопровождаются логическими определениями, их можно охарактеризовать с помощью средств наглядности, например рисунком.

Наряду с номенклатурными наименованиями в «языке для специальных целей» функционируют профессионализмы. Являясь неофициальной профессионально-производственной лексикой, они связаны не только с официальной номенклатурой, но и с терминологическими системами различных производственно-технических отраслей.

Профессиональная лексика образует значительную группировку активно используемых языковых единиц. Наличие таких социально-профессиональных группировок слов является индикатором как системной организации словарного состава языка, так и системного «ее хранения в сознании людей и даже коллективов» [3].

По мнению Е. Н. Сердобинцевой, «профессионализмы как факт языковой реальности должны рассматриваться в трех аспектах: логическом, где выявляются их структурно-семантические отношения; прагматическом, где исследуются функциональные связи изучаемого явления; онтологическом, где рассматриваются его генетические основы» [4]. Такая методологическая концепция дает возможность наиболее объективного исследования профессиональной лексики.

Не менее важным представляется нам сопоставительный анализ систем профессиональных слов в близкородственных языках. Особенный интерес здесь, на наш взгляд, представляет изучение профессиональных языков групп ремесленников, так как профессиональные слова в таких группах обычно передаются от мастера к мастеру. В качестве примера мы решили проанализировать профессиональные слова, используемые мастерами по изготовлению щипковых инструментов. Для сопоставительного анализа были отобраны только устойчиво употребляемые лексические единицы, используемые для названия частей акустической и электрогитары. Профессиональные слова, обозначающие технологические процессы и инструменты, на данном этапе не рассматривались.

Для обозначения 46 частей гитары в русском языке используются 95 слов и словосочетаний, 13 частей имеют от двух до четырех параллельных наименований, например: *нижний порожек, косточка; корпус, кузов, дека* (только у электрогитар); *контробечайка, обручик, сухари*. Для обозначения тех же частей в словацком языке употребляется 50 слов и словосочетаний и только три части имеют от двух до трех обозначений: *jack plech, kryt pre jack; vrch potencimetra, gombik potencimetra; nultý pražec, sedlo, sedlový pražec*.

Среди выделенных единиц в русских названиях установлены 18 заимствований: англ. *бридж, хамбакер, сингл, тремоло, вибрато, джэк, маркер*; нем. *гриф, дека, кант*; франц. *экран*; греч. *механика, электроника*. В словацком языке мы нашли только 10 заимствованных слов: англ. *jack, tremola, potencimeter, single, humbucker*; греч. *electronica, mechanika*, раннее *komora*; венг. *gombik*; франц. *rozeta*. Среди заимствованных слов в русском языке только четыре слова не имеют параллельных исконных соответствий (*хамбакер, сингл, электроника* и *потенциометр*), остальные дублируются, в том числе дериватами от заимствований (*машинка* вместо

вибрато или *тремоло*). В словацком языке заимствованные слова исконными не дублируются.

Отмечаются случаи частичного или полного совпадения названий: *тремоло* – *tremola*; *колковая механика* – *ladiaca mechanika*; *струна* – *struna*; *хамбакер* – *humbucker*; *сингл* – *singel*; *электроника* – *electronika*; *потенциометр* – *potenciometer*.

В ряде случаев для названия одной и той же части используются однокоренные слова разных словообразовательных моделей: *верхний порожек* – *nultý pražec, sedlový pražec*; *головка грифа* – *hlava*; *крышка анкера* – *kryt výstuhu krku*; *колышек* – *kolik struny*. То же может наблюдаться и в названиях разных частей: *колковая механика* – *kolik struny*; *лад, ладовый порожек* – *ladiaca mechanika*. Практически всегда, если русское составное название содержит слово *крышка*, в словацком ему соответствует однокоренное слово *kryt*; мы отметили только два несоответствия: *защитная панель* – *vrchný kryt* и *панель* – *kryt elektroniky*.

В подавляющем большинстве случаев в качестве профессиональных слов, используемых для обозначения частей гитары, употребляются слова, полученные в результате терминологизации общеупотребительных слов, чаще всего на основе метафорического переноса: *головка грифа* – *hlava*; *kolik struny*; *пятка грифа, каблук* – *kopyto*; *гнездо; дно*; *vrchná doska*; *zadne doska*; *корпус, кузов, дека* – *telo*; *kobylka, krk*. Не всегда направление метафоры совпадает, например, название *пуговица* или *пуговица для ремня* в русском языке употребляется для обозначения части, за которую крепится ремень, а словацкое слово *gombík*, которое тоже употребляется в значении «кнопка, пуговица», используется для обозначения *ручки потенциометра* или *насадки для переключателя*, хотя и в одном, и в другом случае употребление строится на основе сходства формы.

Встречаются и метонимические переносы: *косточка, механика, гриф, mechanika, hmatník, тремоло, вибрато* – *tremola*. *Косточка* – перенос с названия материала, из которого изготавливают нижний порожек. *Гриф* от немецкого *griff* (рукоятка), *hmatník* (буквально то, за что хватают) – переносы по пространственной смежности. *Тремоло, вибрато, tremola* – названия приспособления для производства эффекта вибрато/тремоло, перенос по смежности предмета и его функции.

В некоторых случаях во внутренней форме названий наблюдается противоположный взгляд на один и тот же предмет. Например, в русских названиях электромагнитного преобразователя *звукосниматель* и *датчик*. Один и тот же прибор рассматривается как получающий сигнал (*звукосниматель*) и как дающий сигнал (*датчик*). Такой же противоположный взгляд на одну и ту же деталь в названиях *накладка переключателя* – *podložka pod prepínač*: в русском названии реализован

взгляд со стороны корпуса, на который устанавливается накладка, а в словацком языке название опирается не на корпус, а на переключатель, под который устанавливается деталь.

Интересно, что немотивированное для русского языка название *гриф* часто дополняется метафорически мотивированным названием *шейка*, что дает сочетание *шейка грифа*, которое одновременно содержит в себе два образа. Если учесть, что образ рукоятки открывается только при этимологическом анализе, то можно говорить о синхронном совпадении основы переноса в сочетании *шейка грифа* в русском языке и слова *krk* («шея»).

Следует отметить, что в последнее время практически все индивидуальные производители акустических и электрогитар активно используют для изготовления и ремонта инструментов готовые части, которые широко предлагаются различными интернет-магазинами. Поскольку значительная часть подобных магазинов сосредоточена в США, наблюдается значительное давление на соответствующие национальные системы профессиональных слов со стороны английского языка. Даже расположенные не в англоязычных странах интернет-магазины, как правило, располагают англоязычными вариантами своих сайтов. Это обстоятельство резко усиливает количество параллельных исконным названиям англицизмов. Тем не менее системы обозначений частей акустических и электрогитар в русском и словацком языках обладают определенным своеобразием и высокой степенью сходства не только на уровне совпадения исконных лексических единиц, но и на уровне смысловых переходов от одного содержания к другому, что может свидетельствовать о высокой степени подобия ассоциативных связей, лежащих в основе языкового мышления носителей близкородственных языков.

Список использованной литературы

1. Гринев, С. В. Когнитивное терминоведение / С. В. Гринев // Научно-техническая терминология : материалы 10-й междунар. конф. по терминологии. – М. : ВНИИКИ, 2004. – Вып. 1. – С. 11.
2. Гринев, С. В. О современном состоянии терминоведения (от комплексной науки к комплексу научных дисциплин) / С. В. Гринев // Научно-техническая терминология : материалы 10-й междунар. конф. по терминологии. – М. : ВНИИКИ, 2004. – Вып. 1. – С. 23.
3. Банкевич, Л. В. Тестирование лексики иностранного языка / Л. В. Банкевич. – М. : Высш. шк., 1981. – 112 с.
4. Сердобинцева, Е. Н. Профессиональная лексика русского языка: структурно-семантический, функционально-стилистический и когнитивный аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Н. Сердобинцева. – М., 2011. – С. 5.
5. Лотте, Д. С. Основы построения научно-технической терминологии / Д. С. Лотте. – М. : АН СССР, 1961. – 157 с.
6. Суперенская, А. В. Общая терминология: Вопросы теории / А. В. Суперенская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. – М. : Наука, 1989. – 246 с.

Г. Ч. Рыжковіч (г. Гродна, Рэспубліка Беларусь)

**ТЭМПАРАЛЬНЫЯ ПРЫНАЗОЎНІКІ ЯК СРОДАК
ФАРМІРАВАННЯ ТЭРМІНАТЫЎНЫХ СІНТАКСЕМ
У РУСКАЙ І БЕЛАРУСКАЙ МОВАХ**

Тэрмін “сінтаксема” ўвёў у лінгвістычны абарот у 60-я гг. ХХ ст. А. М. Мухін. У сваіх працах ён супастаўляў, з аднаго боку, элементарныя марфалагічныя адзінкі-марфемы, якія выдзяляюцца ў структуры той ці іншай часціны мовы (напрыклад, марфемы часу ў структуры дзеяслова), з другога – элементарныя сінтаксічныя адзінкі-сінтаксемы, якія вылучаюцца ў іх супрацьпастаўленасці адна адной у парадыгматычным плане ў пазіцыі таго ці іншага кампанента сказа [1, с. 53]. На думку А. М. Мухіна, сінтаксема ўяўляе сабой адзінства формы (сінтаксічнай) і зместу, г. зн. яна аб’ядноўвае сінтаксічныя элементы ў якасці яе варыянтаў, якія выконваюць сэнсаадрознівальную функцыю ў мове і характарызуюцца пэўнымі дыстрыбутыўнымі (сінтаксічнымі) прыкметамі [1, с. 55–56]. Сінтаксема з’яўляецца сінтаксічнай адзінкай-інварыянтам, прадстаўленай у мове сістэмай варыянтаў, якія могуць быць выяўленыя як асобнымі лексемамі, так і сінтаксічна непадзельнымі спалучэннямі лексем са службовымі элементамі [2, с. 12–13].

Г. А. Золатава разглядала сінтаксему як “мінімальную, далей непадзельную семантыка-сінтаксічную адзінку мовы, якая выступае адначасова як носьбіт элементарнага сэнсу і як канструктыўны кампанент больш складаных сінтаксічных канструкцый, і характарызуецца, такім чынам, пэўным наборам сінтаксічных функцый” [3, с. 4].

Сінтаксема, у адпаведнасці з канцэпцыяй Г. А. Золатавай, – у параўнанні са словам і словаформай – характарызуецца наступнымі прыкметамі. У адрозненне ад паняцця “слоўная форма”, паняцце сінтаксісу ўключае не толькі марфалагічную форму, але і лексіку, якая яе ўтварае. У адрозненне ад паняцця “словаформа”, паняцце “сінтаксема” можа быць звернута не да пэўнага слова, а да класа слоў. Г. А. Золатава заўважыла, што “аб’ём паняцця і дыферэнцыяльныя прыкметы марфалагічнай і сінтаксічнай формы слова не супадаюць. У межах адной марфалагічнай формы, як правіла, адрозніваецца рад аманімічных і полісемічных сінтаксем” [3, с. 8].

Адметнымі прыкметамі сінтаксемы служаць 1) катэгарыяльна-семантычнае значэнне слова, ад якога яна ўтворана, 2) адпаведная марфалагічная форма і 3) якая вынікае з першых дзвюх прыкмет – здольнасць сінтаксічна рэалізавацца ў пэўных пазіцыях. Такім чынам, сінтаксема валодае трыма асноўнымі прыкметамі: формай, значэннем і функцыяй [3, с. 9].

Г. А. Золатава сярод тэмпаральных іменных сінтаксем вылучае тэмпаратыўныя (*праз некаторы час, у снежні, у канцы 2000-х гг.*); дыменсіўныя (*за 2005 год, за тыдзень, на 1 верасня*), дыстрыбутыўныя (*на тыдню, праз кожныя дзве гадзіны, на пятніцах, з дня ў дзень*); тэрмінатыўныя (*са снежня, з аўторка на пятніцу*).

Як адзначае М. І. Канюшкевіч, сінтаксема ўключае ў свой склад фармант і лексічны кампанент. Фармант сінтаксемы можа быць выражаны прыназоўнікам у спалучэнні з флексіяй (*з розумам*), толькі прыназоўнікам (*на заўтра*) або толькі флексіяй (*розумам*). Прыназоўнік, з'яўляючыся фармантам сінтаксемы, выступае ў ролі маркёра яе сінтаксічнай пазіцыі. Прыназоўнік не проста фарміруе сінтаксему, ён забяспечвае яе значэнне [4, с. 5].

Тэмпаральныя прыназоўнікавыя адзінкі могуць фарміраваць усе чатыры тыпы сінтаксем у рускай і беларускай мовах.

Аб'ектам нашага даследавання з'яўляюцца тэрмінатыўныя сінтаксемы. Тэрмінатыўныя сінтаксемы абазначаюць час, тэрмін заканчэння, завяршэння дзеяння [3], дзеянне працякае на працягу пэўнага часовага адрэзка, пры гэтым заўсёды ўказваюцца пачатковая і канчатковая межы дзеяння.

Рэстр М. І. Канюшкевіч [5] і кантэксты, сабраныя ў Нацыянальным корпусе рускай мовы [6], дазваляюць вылучыць наступныя тыпы тэрмінатыўных сінтаксем:

1) уласна тэрмінатыўныя (рус. *от* якога часу – бел. *ад* чаго / якога часу; рус. *до* якога часу / чаго – бел. *да* якога часу / чаго; рус. *до конца* чаго – бел. *да канца* чаго; рус. *до начала* чаго – бел. *да пачатку* чаго; рус. *за период* чаго – бел. *за перыяд* чаго; рус. *к концу* чаго – бел. *к канцу* чаго; напрыклад, рус. *с утра, со свадьбы, до позднего вечера, до конца 1990 года, за годы войны, к концу работы*; бел. *ад раніцы, ад вяселля, дажыць да світання, працавалі да цямна, да канца 2030 года, за гады акупацыі, к канцу напісання паэмы*);

2) дакладны тэрмінатыў (рус. *точно* к какому часу – бел. *дакладна да* якога часу; рус. *ровно до* якога часу – бел. *роўна да* якога часу; рус. *ровно со времени* чаго – *роўна з часу* чаго; напрыклад, рус. *точно к сентябрю, ровно до апреля, ровно со времени восстания*; бел. *роўна да лістапада, дакладна да серады, роўна з часу паўстання*);

3) прыбліжны тэрмінатыў (рус. *как минимум с* якога часу – бел. *як мінімум з* якога часу; рус. *где-то до* якога часу – бел. *недзе аж да* якога часу; рус. *примерно к* какому часу – бел. *прыкладна к* якому часу; напрыклад, рус. *как минимум с апреля, где-то до вторника, примерно к вечеру*; бел. *як мінімум з кастрычніка, недзе аж да ранку, прыкладна к чэрвеню*);

4) тэрмінатыў-інтэнсіў (рус. *аж до* какого времени – бел. *аж да* якога часу; рус. *аж до* времен кого / чего – бел. *аж да* часоў каго / чаго; напрыклад, рус. *аж до* мая, *аж до* июня-августа; бел. *аж да* часоў Гедыміна, *аж да* часу мангольскага нашэсця, *аж да* лютага 1917 года);

5) тэрмінатыў-экзісцыентыў (рус. *до* выезда из чего – бел. *да* выезду з чаго; рус. *до* выхода из чего – бел. *да* выхаду з чаго; рус. *до* окончания чего – бел. *да* заканчэння чаго; напрыклад, рус. *до* выезда из города, *до* выхода из дома, *до* окончания работы; бел. *да* выезду з Нясвіжа, *да* выхаду з хаты, *да* заканчэння дзейнасці);

б) таксісны тэрмінатыў (рус. *не* позже чем за сколько единиц ... после чего – бел. *не* пазней чым за колькі адзінак часу ... *пасля* чаго; рус. *не* позже чем сколько единиц времени ... *со* дня чего – бел. *не* пазней чым колькі адзінак часу ... *з* дня чаго; напрыклад, рус. *не* позже чем за неделю до путешествия; бел. *не* пазней чым за 5 дзён *пасля* заканчэння імі вучобы, *не* пазней чым тры месяцы *з* дня звальнення);

7) кропка адліку (рус. *от* дня чего – бел. *ад* дня чаго, рус. *от* конца чего – бел. *ад* канца чаго, рус. *от* момента чего – бел. *ад* моманту чаго, рус. *от* поры чего – бел. *ад* пары чаго, рус. *от* начала чего – бел. *ад* пачатку чаго, рус. *со* дня чего – бел. *з* дня чаго, напрыклад: рус. *от* дня получения диплома, *от* конца XX века, *от* момента удара, *от* поры прощания, *со* дня приезда; бел. *ад* дня рэгістрацыі, *ад* моманту бліскавіцы, *ад* пары вяселля, *ад* пачатку ўрачыстасці, *з* дня нараджэння, *з* дня няволі);

8) канчатковая кропка (рус. *до* конца чего – бел. *да* канца чаго, рус. *до* порога чего – бел. *да* парога чаго, рус. *по* конец чего – бел. *па* канец чаго; напрыклад, рус. *до* конца X века, *до* порога нового столетия; бел. *да* канца месяца, *да* парога новага тысячагоддзя);

9) пачатковая і канчатковая кропкі часовага адрэзка (рус. *до* конца чего / какого времени ... *с* момента чего – бел. *да* канца чаго / якога часу ... *з* моманту чаго / якога часу, рус. *с* какого времени ... *и* по какое время – бел. *з* якога часу... *і* *па* які час, рус. *с* какого времени – *по* конец чего / какого времени, напрыклад: рус. *до* конца года *с* момента приезда; бел. *да* канца месяца *з* моманту паражэння, *з* тых часоў *і* *па* сёння, *з* XI *па* канец XVII стагоддзя).

Такім чынам, прыназоўнік уяўляе сабой морфасінтаксічную адзінку, паколькі ён, выступаючы ў ролі фарманта сінтаксемы, уводзіць яе ў выказванне і забяспечвае яе значэнне. Тэмпаральныя прыназоўнікавыя адзінкі ў рускай і беларускай мовах могуць фарміраваць 9 тыпаў тэрмінатыўных сінтаксем.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Мухин, А. М. Синтаксема как функциональная синтаксическая единица / А. М. Мухин // Филос. науки. – 1961. – № 3. – С. 53–65.
2. Мухин, А. М. Функциональный синтаксис / А. М. Мухин. – СПб. : Наука, 1999. – 184 с.
3. Золотова, Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1988. – 386 с.
4. Конюшкевич, М. И. Синтаксемообразующая функция предлога и механизмы предложивания знаменательной лексики / М. И. Конюшкевич // Вопросы функциональной грамматики : сб. науч. тр. / под ред. М. И. Конюшкевич. – Гродно, 2005. – Вып. 5. – С. 3–19.
5. Канюшкевіч, М. І. Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання : матэрыялы да слоўніка : у 3 ч. / М. І. Канюшкевіч. – Гродна : ГрДУ, 2008–2011. – 3 ч.
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 15.11.2011.

Т. Н. Савчук (г. Минск, Республика Беларусь)

**ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ОМОНИМИЯ АРГУМЕНТАТИВНЫХ
ВЕРБАЛИЗАТОРОВ В РУССКО- И БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНОЙ
НАУЧНО-ГУМАНИТАРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Вербальный характер аргументации в научно-гуманитарной коммуникативной практике предполагает использование аргументативных вербализаторов – языковых средств различной лексико-грамматической природы, регулярно употребляемых для объективации структурных элементов обоснования, обладающих структурно-семантической и функциональной устойчивостью [1, с. 68].

Одним из проявлений многофункциональности аргументативных вербализаторов является **прагматическая омонимия** [1, с. 139]. Этим термином мы обозначаем употребление вербальных единиц как в собственно аргументативном значении, так и в квазиаргументативном: в составе аргументативного ресурса (комментирующие, уточняющие, поясняющие рассуждения, не образующие аргументативную конструкцию, но лишь способствующие поддержке обоснования [2, с. 30]) и парааргументации (составляющие дискурса, которые выполняют «квазиаргументационные функции» [2, с. 36]: позволяют реализовать убеждающую цель аргументации за счет актуализации ее эмоционально-психологического, ценностного, эстетического потенциала).

Явление прагматической омонимии демонстрируют различные категории аргументативных вербализаторов, в частности маркеры схем, стратегий и тактик обоснования. В данной статье покажем, как проявляется

омонимичность языковых средств, объективирующих конститuentы аргументации – тезис и доводы.

1. Омонимичность вербализаторов тезиса.

1.1. Для прямого выражения тезиса в аргументирующих рассуждениях прогрессивной структуры (точка зрения следует за аргументами) употребляются речевые формулы с иллокуцией обобщения: рус. *Резюмируя, можно отметить, что...; Факты подводят нас к такой интерпретации...; На основании полученных результатов можно сделать следующий вывод...;* бел. *Зыходзячы з гэтага, можна сказаць, што...; Такім чынам, мы прыйшлі да высновы, што...; Прыведзены матэрыял дае падставы меркаваць, што... и др.:* (1) **Таким образом, анализ состояния основных дисциплинообразующих компонентов применительно к медиалингвистике позволяет констатировать, что имеются все основания для того, чтобы рассматривать данное гуманитарное направление в качестве самостоятельной научной дисциплины** [3, с. 16–17].

Такого рода аргументативные клише могут использоваться и в составе ресурса аргументации: (2) *...кола пастаянных глядачоў у тэатры складае не больш за 5–15 % насельніцтва тых ці іншых краін... з гэтага можна зрабіць адну дастаткова абгрунтаваную выснову аб тым, што тэатральнае мастацтва было і застаецца элітарным* [4, с. 64]. Правомерность такой квалификации подтверждается привлечением приемов констатирующего анализа, а также учетом дополнительных средств: в (2) выделенная фраза употребляется в середине текста и маркирует промежуточное мнение в составе авторского комментария.

1.2. В роли индикаторов пропонируемой точки зрения в научно-гуманитарном дискурсе выступают формулы, выражающие когнитивное состояние аргументатора – многообразные личные и безличные конструкции, обозначающие ментальные и речевые действия: рус. *(Я) считаю/думаю/полагаю, что...; По моему/по нашему мнению...; с нашей точки зрения...; (Нам) представляется, что...;* бел. *(Мы) лічым/мяркуем, што...; На нашу/на маю думку...; На маё меркаванне...; Уяўляецца верагодным, што...; Верыцца/Думаецца, што...; Як (мне) падаецца... и под.* Эти вербализаторы индифферентны к структуре аргументации. Они могут употребляться для выражения тезиса регрессивного типа обоснования в начале текста: (3) **На наш взгляд, именно эта разновидность коррупции (взяточничество – Т. С.) представляет наибольшую опасность для общественного организма** [5, с. 138]. Подобные формулы, используемые в конце сообщения, маркируют точку зрения в составе прогрессивной аргументации: (4) **Мы мяркуем, што задача і значэнне сучаснай літаратурнай крытыкі заключаюцца менавіта ў выпрацоўцы адзін-**

ства ва ўяўленнях аб інтэрпрэтацыі твора для розных гуманітарных дысцыплін... [6, с. 106].

На правомерность идентификации тезиса как основного в (3) и (4) указывает расположение отмеченных эпистемическими формулами высказываний в сильной позиции начала и конца сообщения (первый абзац в (3), последний абзац в (4)), а также их связь с абсолютно сильной позицией заголовка, проявляющаяся в конкретизации тем: «Коррупция как социальная болезнь» в (3) и «Літаратурная крытыка ва ўмовах трансфармацыі метадалагічнай парадыгмы» в (4).

Рассматриваемые конструкции, используясь в комментирующих рассуждениях, могут быть показателями авторской интерпретации фактов, реализуя, таким образом, омонимичную функцию: (5) **Мы думаем, что сами эти слова «мода», «модус», «модель», «модификация» и «модерн» в их «современных» коннотациях были сопряжены именно в Новое время...** [7, с. 8]; (6) **На паўднёвым усходзе Мінічыны пашырана лексема «шчокі». На наш погляд, гэта перанос назвы часткі твару на бакавыя часткі ў ткацкім станку** [8, с. 17].

1.3. При выражении и распознавании аргументируемой точки зрения учитывается степень интенсивности вербализаторов. Если автор научного текста стремится к максимально интенсивной репрезентации тезиса, это облегчает его реконструкцию: (7) **На наш взгляд, мы имеем все основания считать Всемирную паутину самостоятельным видом бизнеса... В настоящий момент мы можем с уверенностью сказать, что PR-бизнес всерьез и надолго обосновался в сфере Интернета** [9, с. 62].

Однако не всегда языковые показатели иллокутивной силы высказывания коррелируют с его прагматическим значением: (8) **Я стаяў і застаюся стаяць на глыбокім перакананні, што тэатр – гэта... феноменальная з’ява, выкліканая да жыцця самой прыродай чалавека** [4, с. 66]. В (8) иллокуция убежденности, с максимальной силой эксплицируемая аргументатором, не является достаточным основанием для квалификации выражаемой им точки зрения как тезиса аргументации. Речевая конструкция, маркирующая точку зрения, может рассматриваться в данном случае как показатель мнения в составе ресурса аргументации.

2. Омонимичность вербализаторов аргументов.

2.1. Зафиксировано употребление в квазиаргументативном значении клишированных фраз с лексическими маркерами посылок аргументации. Ср.: (9) **Даже общий анализ ситуации в этом вопросе свидетельствует о том, что существующая в нашей стране практика явно устарела... Попробуем обосновать эту точку зрения на конкретных примерах...** [10, с. 21]; (10) **Стымулюючая работа можа ажыццяўляцца ў групавой форме, што абгрунтавана эфектыўнасцю групавой дыскусіі...** [11, с. 45] –

выделенная конструкция в (9) используется в качестве вербализатора аргумента; аналогичная лексема с аргументативной семантикой в (10) актуализирует омонимичное значение объяснения.

2.2. Прагматическая омонимия свойственна и языковым репрезентантам сложных структур обоснования: *во-первых, кроме того, более того, прежде всего / на-першае, акрамя гэтага, перш за ўсё* и др. Ср.: (11) *...можно сказать, что медиариторика – это **прежде всего** конгломерат различных типов речевых культур... Итак, активное использование рекламных, пиаровских и иных коммуникативных практик – вторая характерная черта медиариторики. Третьей ее чертой является...* [12, с. 54–57] – выделенное выражение маркирует посылку в составе множественной аргументативной структуры; (12) *з пэўнымі стылістычнымі задачамі ў творах Янкі Сіпакова можа ўжывацца і паўтор падпарадкавальных злучнікаў і злучальных слоў. Такі паўтор **перш за ўсё** засяроджвае ўвагу чытача на змесце кожнай з аднародных частак, паказваючы іх аднолькавую значнасць...* [13, с. 49] – такая же речевая единица реализует омонимичное значение: является частью интерпретирующего рассуждения.

2.3. Отдельную группу составляют языковые средства, репрезентирующие иерархию аргументов внутри сложных структур, типа *более того; сверх того; а самое главное; еще более очевидно это в*; бел. *звыш таго; а (самае) галоўнае; яшчэ больш відавочна* и др. Подобные выражения указывают на логическую и/или эмоциональную градацию доводов. Их использование позволяет реализовать риторический принцип усиления и, таким образом, интенсифицировать передаваемую интенцию.

Регулярно сочетаясь в аргументативных контекстах, вербализаторы градационных значений образуют устойчивые комплексы: рус. *как... так и... а также; не только не... но; не просто... а почти*; бел. *як... так і... а таксама; не толькі... але і; не проста... а зусім* и др. Такие языковые модели активно применяются в научных статьях. Константные вербальные комплексы могут демонстрировать одноуровневые связи в рамках уточняющих ресурсных конструкций. Их прагматическая конкретизация происходит в контексте: (13) *Імпліцытныя семы разгледжанага канцэпту размяшчаюцца **не толькі** лінейна, характарызуючы сінтакматыку тэксту, **але і** вертыкальна, выяўляючы парадыгматыку, **а таксама** ствараючы семантычную кагезію рознамясцовых макраструктур* [14, с. 38].

Рассмотренные факты демонстрируют функциональное своеобразие аргументативных вербализаторов. Прагматическая омонимия существенно затрудняет анализ и оценку аргументации в дискурсе гуманитарных

наук. Для адекватного понимания и толкования аргументативных языковых структур важно учитывать не только лексико-грамматические показатели логических связей, но также констатирующие параметры коммуникации, что обеспечивается совместным применением методов лингвопрагматического, дискурсного и когнитивного (логического) анализа.

Список использованной литературы

1. Савчук, Т. Н. Аргументация в русско- и белорусскоязычном научно-гуманитарном дискурсе / Т. Н. Савчук. – Минск : БГУ, 2018. – 279 с.
2. Алексеев, А. П. Философский текст: идеи, аргументация, образы / А. П. Алексеев. – М. : Прогресс-Традиция, 2006. – 328 с.
3. Добросклонская, Т. Г. Что такое медиалингвистика? / Т. Г. Добросклонская // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19, Лингвистика и межкультур. коммуникация. – 2004. – № 2. – С. 9–17.
4. Смольскі, Р. Мастацкі лідэр – не пасада, а місія / Р. Смольскі // Беларус. думка. – 2008. – № 3. – С. 62–67.
5. Бубнов, Ю. М. Коррупция как социальная болезнь / Ю. М. Бубнов // Социол. альм. – 2011. – Вып. 2. – С. 138–149.
6. Кавалеўскі, А. М. Літаратурная крытыка ва ўмовах трансфармацыі метадалагічнай парадэгмы / А. М. Кавалеўскі // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2012. – № 1. – С. 103–107.
7. Белоненко, Е. О. Капитализация времени в цивилизации модерна / Е. О. Белоненко, В. П. Римский // Наука. Искусство. Культура. – 2015. – Вып 5. – С. 5–24.
8. Трухан, Т. М. Станіны ў кроснах: лінгвагеаграфія дыялектных намінацый / Т. М. Трухан // Беларус. лінгвістыка. – 2001. – Вып. 50. – С. 15–18.
9. Гринберг, Т. Э. Интернет: средство коммуникации публик рилейшнз или новая профессиональная технология? / Т. Э. Гринберг, С. А. Лучкина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. – 2001. – № 6. – С. 56–62.
10. Федотова, В. Г. Коммуникация и диалог в науке и за ее пределами / В. Г. Федотова // Социол. альм. – 2011. – Вып. 2. – С. 33–40.
11. Шлыкава, Т. Ю. Стымуляванне ўсведамлення падлеткамі прычын поспехаў і няўдач / Т. Ю. Шлыкава // Весн. Беларус. дзярж. пед. ун-та. Сер. 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2005. – № 1 (43). – С. 45–47.
12. Шомова, С. А. Медиариторика как метод политической PR-коммуникации / С. А. Шомова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. – 2003. – № 4. – С. 49–60.
13. Русак, В. У. Экспрэсіўнае функцыянаванне складаных сказаў у прозе Янкі Сіпакова / В. У. Русак // Беларус. лінгвістыка. – 2010. – Вып. 65. – С. 45–53.
14. Жаўняровіч, П. Канцэпт публіцыстычнага тэксту / П. Жаўняровіч // Род. слова. – 2010. – № 4. – С. 35–38.

Л. М. Садко (г. Брест, Республика Беларусь)

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
МАЛЫХ И МИНИМАЛЬНЫХ ФОРМ
В ТВОРЧЕСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОЭТОВ:
ФОНЕТИЧЕСКИЙ И ЛЕКСИЧЕСКИЙ ПОВТОР**

Один из доминантных признаков функционирования современной поэзии – повсеместное использование так называемых «минус-приемов» (Ю. Лотман), рассчитанных на активизацию рефлексии рецепиента. Подобные приемы возможны во многом благодаря асимметричному дуализму языкового знака, несоответствию плана содержания и плана выражения, которые зачастую проявляют себя через невыраженность, непредставленность некоторых единиц на различных уровнях высказывания (лексическом, грамматическом, синтаксическом и т. д.). В современной постмодернистской и постпостмодернистской ситуации потребители художественного продукта по преимуществу являются носителями развитого эстетического сознания, когда минус-приемы при всей полифункциональности плана выражения легко прочитываются подготовленным рецепиентом, поскольку обладают омонимией плана содержания. Наличие скрытой информации в художественном тексте («смысла»/«подтекста»/«затекста») наиболее ярко проявляет себя именно в малых и минимальных лирических формах. Особенности функционирования минимализированных поэтических текстов с имплицитным содержанием проявляют себя и на уровне фонетики, эвфонии, лексики, синтаксиса, и на уровне паралингвистики.

Так, на фонетическом и лексическом повторе основано значительное количество малых и минимальных лирических форм современных авторов. Вопрос наличия самостоятельных значений у звуков стихотворного языка, которые в определенном художественном контексте обладают эмоциональным, ассоциативным, психологическим подтекстом и обостряют особое, чувственное восприятие, сочетая его со сложным комплексом ментально-психологических реакций, достаточно актуален для современной науки. Л. П. Якубинский отмечает: «Явление обнажения фонетической стороны слова также очень часто сопровождается эмоциональным переживанием звуков, на которых сосредоточено внимание» [1, с. 142]. Так, к примеру, в стихотворении современного австрийского поэта-конкретиста Э. Яндля подобного типа многократным умножением звуко/буквы «а» предпринимается попытка на эмоциональном, чувственном уровне передать читателю/слушателю импли-

цитную информацию о грандиозности Ниагарского водопада, мощи чувств, которые он вызывает:

<i>niagaaaaaaaaaaaaaaaaa</i>	<i>ниагаaaaaaaaaaaaaaaaa</i>
<i>ra felle</i>	<i>ры потоки</i>
<i>niagaaaaaaaaaaaaaaaaa</i>	<i>ниагаaaaaaaaaaaaaaaaa</i>
<i>ra felle</i>	<i>ры потоки</i>

В качестве примера последовательного использования лексического повтора необходимо отметить и стихотворение Э. Яндля «1944 1945»:

<i>krieg</i>	<i>krieg</i>	<i>война</i>	<i>война</i>
<i>krieg</i>	<i>krieg</i>	<i>война</i>	<i>война</i>
<i>krieg</i>	<i>krieg</i>	<i>война</i>	<i>война</i>
<i>krieg</i>	<i>krieg</i>	<i>война</i>	<i>война</i>
<i>krieg</i>	<i>mai</i>	<i>война</i>	<i>май</i>
<i>krieg</i>		<i>война</i>	
<i>krieg</i>		<i>война</i>	
<i>krieg</i>		<i>война</i>	
<i>krieg</i>		<i>война</i>	
<i>krieg</i>		<i>война</i>	
<i>krieg</i>		<i>война</i>	
<i>(markierung einer wende)</i>		<i>(конец одного периода)</i>	

Первая часть текста состоит из двенадцати раз (по числу месяцев в году) повторенной лексемы *krieg* (война), что передает атмосферу напряжения, бесконечности и неотвратимости войны, длящейся месяц за месяцем, год за годом. Вторая часть лишь четыре раза воспроизводит ту же лексему и единожды прерывается ликующим словом *mai* (май), который, как известно, является пятым месяцем в году. Очевидно, что *май* тут равен и победе, и прекращению войны, и появлению жизненного пространства для чего-либо помимо *войны*. Данное стихотворение использует возможности и визуального текста, и речевого произведения, вступая в коммуникацию с читателем на различных уровнях сенсорного воздействия.

При внешнем минимализме средств организации, основываясь лишь на лексико-фонетическом повторе слова *nur* ('только, лишь, всего'), следующее стихотворение Э. Яндля становится текстом-формулой, тяготеет к универсальности:

nur nur
nur nur
nur nur
nur nur
nur nur

Подобный текст, в оригинале занимающий всю печатную страницу, напоминает соразмерностью и однообразием построения длинную ленту, но обладает достаточно многозначной семантикой, тяготеет к аллегоризму притчи. Сам поэт в «Автобиографических заметках» отмечает: «Das Leben kann sehr kahl sein, sagt der lange Streifen, der nur aus “nur nur” besteht» («Жизнь может быть очень голой, похожей на длинную полосу, состоящую всего лишь из “только только”») [2, с. 89]. Притча о будничном существовании, человеческой жизни, основанной на многократном повторении раз и на всегда установленных действий, состоящей из неисполненных желаний, нереализованных идей, нашла отражение в данном минималистичном произведении, где ведущим приемом организации является повтор.

Повтор стал одним из ведущих приемов письма и в творчестве русского поэта-лианозовца Вс. Некрасова. К примеру, ставший хрестоматийным текст Вс. Некрасова «свобода есть», основан на минимализации речи, метафора создается за счет необычного функционального присоединения к привычной и многократно повторенной фразе «свобода есть» ритмически и семантически неожиданной единицы:

*свобода есть
свобода есть
свобода есть
свобода есть
свобода есть
свобода есть
свобода есть свобода*

Внезапное появление «лишнего» компонента, слова «свобода», разрушает интонационную нейтральность, придает произведению динамику и выразительность, делает доступным для восприятия читателя сложное содержательное целое. Тавтологическая рифма, использованная в стихе, дает читателю время и возможность «увидеть», почувствовать весомость фразы «свобода есть», благодаря редупликации она приобретает большое количество интонационных вариантов от утверждения до едкого сарказма и нигилизма.

В сборнике современного белорусского поэта А. Глобуса «Скрыжаванне» именно фигурное стихотворение «Жах» помещено первым, заявляя тенденцию к содержательному и стилистическому эксперименту и поддерживая на уровне знака-икон семантику названия книги.

В следующем стихотворении также оригинально использованы возможности повтора как средства поэтической выразительности.

жах
жах
жах
увесь свет у крыжах, увесь свет
жах
жах
увесь свет у крыжах, увесь свет
жах
жах
жах
жах

Эксперименты с возможностями редупликации встречаются и в творчестве белорусского автора С. Минкевича в виде стихов-циклофонов, в которых при многократном повторении слоформы переходят друг в друга, как в стихотворении «Ваколіцы Браслава». Текст рассчитан именно на вокоральное функционирование, при котором и обнаруживают себя компоненты произведения, происходит трансляция его семантики:

*БАРЫбарыбарыбарыБЯРЫбарыбаРЫБАрыбары-
барыБЯ РЫбарыбарыБАРЫ...*

Рассказ о Браславском крае, известном обилием озер и лесных угодий, поэт основывает на приеме повтора для обозначения множественности, большого количества чего-либо. За формальным экспериментом циклофона легко угадывается рассказ о богатстве родного края: большом количестве «бароў», «рыбы», «рыбароў» и щедрости природы, переданной глаголом «бярэ».

Изучение особенностей функционирования малых и минимальных поэтических форм, обладающих большим имплицитным семантическим зарядом и высоким смыслопорождающим потенциалом, в творчестве современных поэтов (Э. Яндля, Вс. Некрасова, А. Глобуса, С. Минкевича) позволяет сделать вывод, что одним из наиболее востребованных приемов создания подобных текстов является реализация «минус-приема» через возможности лексико-фонетического повтора.

Список использованной литературы

1. Якубинский, Л. П. О звуках стихотворного языка / Л. П. Якубинский // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста / под общ. ред. В. П. Нерознака. – М. : Наука, 1997. – 192 с.
2. Jandl, E. Autobiographische Ansätze // E. Jandl : Sprechblasen. – Stuttgart : Reclam, 2000. – S. 89–94.

Л. В. Скибицкая (г. Брест, Республика Беларусь)

**ЖАНРОВАЯ ПАРАДИГМА
МАЛОЙ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ ПРОЗЫ
В БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XIX – XXI В.**

Создание малых и минимальных форм писателями конца XX – XXI в. является во многом следствием интенсивно развивающегося процесса минимализации, свойственного современной словесности в целом.

Минимализация представляет собой комплекс тенденций, которые могут быть осмыслены в нескольких ракурсах. Во-первых, это следствие стремления того или иного автора к предельной концентрации письма, как правило, обусловленное новеллистическим типом «жанрового мышления» (А. Н. Андреев [1]). Во-вторых, это ответ на запрос времени, которое взывает минимальных форм, отражающих мозаику бытия. В-третьих, существенным фактором минимализации выступают эволюционные процессы в самой природе словесного искусства, в котором происходит смена поэтики. Кроме того, на функционирование малых и минимальных форм в значительной степени влияет экспансия СМИ, ориентированных на массового читателя, потребляющего короткие тексты, а также распространение чтения в Интернете («экранный режим», диктующий определенный (минимальный) объем текста).

Жанровыми «матрицами» малой повествовательной прозы выступают формы рассказа и новеллы, причем данные формы строго не разграничиваются ни авторами, ни литературоведами, что актуализирует данную проблему в теоретико-методологическом плане. Для малой прозы при всем многообразии ее форм продолжает оставаться существенным конструктивным принципом и, соответственно, критерием объем текста. В данной статье мы используем понятие «малая проза» как условное название для прозаических произведений малых и минимальных форм.

Малые и минимальные прозаические формы в жанровой системе того или иного автора появляются вследствие разных причин, одна из важнейших – новеллистическое «жанровое мышление» писателя.

К примеру, исследование эволюции творческого метода Янки Брыля и В. Астафьева, в наследии которых есть эпические жанры разного объема, позволило сделать вывод о доминировании не «романного», а «новеллистического» типа «жанрового мышления» этих авторов. Янка Брыль, хотя и стремился преодолеть тенденцию к «малоформатности» (Янка Брыль) в своем творчестве (написал роман «Птушкі і гнёзды», ряд повестей), в зрелом возрасте сосредоточился на создании минимальной прозы (написал более 10 книг). Сходным образом реализовался талант В. П. Астафьева, начавшего с рассказов, создавшего несколько романов («Тають

снега», «Печальный детектив», «Прокляты и убиты»), придумавшего авторское определение для своих творений «повествование в рассказах», а к концу жизни вернувшегося к малым и минимальным формам (цикл «Затеси»). Частотность появления малых и минимальных форм в творчестве указанных писателей можно осмыслить как результат эволюции «жанрового мышления» писателя-новеллиста.

Малые и минимальные прозаические формы – часть творчества многих поэтов конца XX – XXI в. Так, Л. Голубович «авансировал» в 2010 г. «завершение» поэтического этапа творчества (сборник «Апошнія вершы Леаніда Галубовіча»). Его книга «Зацемкі з левай кішэні» – это проза минимальных форм (мини-эссе, по определению В. Окудовича). Автор короткой прозы М. Стрельцов после написания «эпитафии» рассказу («Смаленне вепрука») начал писать стихи. Об органичности подобной тенденции в литературном процессе XX в. свидетельствует опыт И. А. Бунина, который, как известно, настаивал на том, что между поэзией и прозой нет строгого разделения. По этой причине его минимальные формы, как правило, создавались в поле «пересечения» прозы и поэзии, отсюда определенная ритмизация (иногда даже метризация прозаического ритма) текстов. Выразительно демонстрирует эту тенденцию творчество Я. Сипакова, в малых прозаических произведениях которого явлен синтез прозы и поэзии.

К созданию малых и минимальных форм тяготеют писатели, имеющие журналистское образование или работавшие в сфере журналистики. Синтез приемов журналистики, публицистики и художественной прозы демонстрирует уже творчество А. П. Чехова, создавшего канон малой прозаической формы. В современном литературном пространстве эту традицию репрезентируют Владимир Степан, Борис Петрович, М. Веллер, М. Вишневецкая и др.

Еще один вектор функционирования малой прозы связан с сокращением текста, обусловленным концентрацией (за счет уплотнения, символизации содержательного пространства) художественного повествования. Например, российский писатель М. Веллер создает «Короткие рассказы», меньшие по объему обычных его рассказов, тяготеющие к предельной лаконизации смысла и формы.

Ответвлением и одновременно следствием концентрации художественного письма является циклизация (внутренняя и внешняя). При этом циклизация в отношении малой прозы чаще всего выступает как маркер минимализации. Малые и минимальные формы органично поддаются циклизации в силу небольшого объема, принципиальной «незавершенности» изображаемого фрагмента жизни. В свою очередь, авторы малых форм, стремясь преодолеть «малоформатный» стиль письма, фрагменти-

руют среднюю и большую формы («повествование в рассказах» у В. Астафьева, «роман в новеллах» Б. Саченко).

В конце XX в. в литературе актуализуется процесс создания мини-прозы, которая объединяет писателей разных стилей и направлений, новеллистического и романного типов «жанрового мышления».

В жанровой парадигме малой и минимальной повествовательной прозы конца XX – XXI в. выявлены следующие составляющие:

– развитие традиционных малых форм – рассказа и новеллы (Янка Брыль, Борис Саченко, Янка Сипаков, Михась Стрельцов и др.). Разграничение этих форм чаще всего производится следующим образом: новелла как своеобразная разновидность рассказа (В. Рагойша [2], Н. Д. Тамарченко [5] и др.), при этом подчеркивается, что новелла – явление западной литературной и литературоведческой традиций. В славянских литературах, и белорусской в том числе, термин «новелла» чаще всего указывает на краткую повествовательную форму с острофабульным построением и неожиданной концовкой. Н. Д. Тамарченко [4] предпринял конструктивную попытку разграничения рассказа и новеллы по критериям «минимума событий», специфики сюжетостроения (концентрический / кумулятивный типы), финала;

– эссеизация малой повествовательной формы, которая усложняет природу рассказа, переводит его структуру в регистр публицистичности (Владимир Степан, Я. Сипаков, Борис Петрович, Янка Брыль, М. Стрельцов, Г. Марчук и др.). Свободная композиция эссе раздвигает сюжетно-композиционные рамки, художественное время-пространство рассказа, моделирует образ мира через субъективизацию «точки зрения» повествователя. Жанровая модель новеллы «сопротивляется» эссеизации, поскольку она ведет к размыванию природы жанра;

– притчевость (Я. Сипаков, Б. Саченко, Борис Петрович и др.): аллегоричность, характерная для притчи, органично свойственная и малой прозе, поскольку позволяет в малом объеме передать большой содержательный диапазон. В то же время в модели рассказа высвобождается нарочитый элемент поучительности, свойственный жанру притчи;

– авторские жанровые формы («зацемкі» Л. Голубовича, «піліпікі», «фрески» Б. Петровича, «абразкі» Ф. Янковского, «каноны» Г. Марчука, «сюжеты» О. Ждана и др.), появление которых демонстрирует, с одной стороны, векторы авторской индивидуальности, с другой – указывает на отсутствие четких критериев, по которым могла быть дифференцирована мини-проза;

– миниатюра в многообразии жанровых моделей, среди которых доминирует лирическая (Янка Брыль, Я. Сипаков, Б. Саченко и др.). Указанные жанровые направления в целом коррелируют с векторами развития жанров мини-прозы в русской литературе конца XX – XXI в.,

о чем свидетельствует продолжающийся интернет-проект Д. Кузьмина «Современная малая проза» [3].

Таким образом, создание малых и минимальных форм в творчестве современных прозаиков обусловлено рядом факторов: спецификой «жанрового мышления» автора, изменением историко-культурного контекста, взаимодействием «стиха и прозы», ресурсов журналистики и литературы, эволюционными процессами в природе словесного искусства.

Жанровая парадигма малой и минимальной повествовательной прозы конца XX – первой трети XXI в. характеризуется многообразием видов и форм и продолжает активно пополняться новыми жанровыми образованиями, синтезирующими ресурсы словесного и невербального образов.

Список использованной литературы

1. Андреев, А. Н. Теория литературы: личность, произведение, художественное творчество : учеб. пособие : в 2 ч. / А. Н. Андреев. – Ч. 1 : Теория литературно-художественного произведения. – Минск : БГУ, 2004. – 187 с.
2. Рагойша, В. П. Тэорыя літаратуры ў тэрмінах : дапам. для студэнтаў філал. спецыяльнасцей ВНУ / В. П. Рагойша. – Мінск : Беларус. энцыкл., 2001. – 384 с.
3. Современная малая проза: интернет-проект Дмитрия Кузьмина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vavilon.ru/shortprose/>. – Дата доступа: 03.02.2020.
4. Теоретическая поэтика: понятия и определения : хрестоматия / под ред. Н. Д. Тамарченко. – М. : РГГУ, 2001. – 467 с.
5. Теория литературы : учеб. пособие для студентов филол. фак. высш. учеб. заведений : в 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко. – Т. 1: Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – М. : Академия, 2004. – 512 с.

Л. Ю. Филимонова (г. Ташкент, Узбекистан)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОМОНИМИИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В настоящее время проблеме омонимии уделяется большое внимание. Круг вопросов, связанных с омонимией, очень широк: способы разграничения и выделения омонимов, реакция языка на омонимию, утрата слов в силу омонимии, устранение омонимии путем лексических заимствований, нерегулярные, обусловленные омонимией изменения звуковой формы слов, преобразования морфологического состава слов для избежания омонимии, новообразования в приемах сочетания морфем и слов, порожденные «борьбой» омонимов, задерживающее действие фразеологических выражений при отмирании омонимов, степень «терпимости» разных языков к омонимии, явления аттракции или контаминации при омонимии, дифференциация значений у омонимов и омонимических

форм, структурные различия между омонимией и полисемией, пределы и возможности омонимии в системе знаков и др.

Омонимы появляются в языке не только в результате деления многозначности, в английском языке они также могут быть сформированы путем конверсии (англ. глагол *to water* – от существительного *water*). Омонимы могут также появиться в языке случайно, когда два слова становятся похожи в процессе своего развития: англ. *bear*¹ ‘родить’ от *beran* ‘носить’ и *bear*² ‘медведь’ от *bera* ‘животное’. Слово на родном языке может совпадать с заимствованным словом: англ. *fair*¹ из латинского *feria* и *fair*² из *fager* ‘белокурый’.

Существует омонимия нескольких типов:

1) лексическая омонимия: звуковое совпадение языковых единиц разных значений, принадлежащих к одной и той же части речи (например, англ. *to force* ‘заставить что-то сделать’ и ‘заблокировать, закрыть что-то’; *light* ‘свет’ и *light* ‘легкий’);

2) грамматическая омонимия: звуковое совпадение в отдельных грамматических формах различных языковых единиц (например, русское существительное *печь* и глагол *печь*);

3) словообразовательная омонимия: звуковое совпадение морфем, различающихся по словообразующему значению; англ. *reader* (a man) – *reader* (a book);

4) синтаксическая омонимия: звуковое совпадение различных синтаксических конструкций (например, *чтение Маяковского* – это родительный субъекта или объекта);

5) фонетическая омонимия: звуковое совпадение разных языковых единиц с разным написанием (например, англ. *I scream* ‘я кричу’ и *ice-cream* ‘мороженое’; рус. *луг* и *лук* в произношении совпадают из-за оглушения звонких согласных в конце слова);

6) графическая омонимия: графическое совпадение языковых единиц, имеющих различное произношение (например, *мука́* и *му́ка*). В современном русском языке существует более тысячи пар омографов.

Строгое разграничение языковых явлений требует отграничения лексических омонимов от омоформ, омофонов и омографов [1, с. 29].

По структуре омонимы можно разделить на корневые и производные. Первые имеют непроизводную основу (рус. *мир*¹ ‘отсутствие войны, согласие’ и *мир*² ‘вселенная’); вторые возникли в результате словообразования, поэтому имеют производную основу.

Омонимы иногда называют «больными» словами, потому что омонимия уменьшает информативную функцию слова: разные значения приобретают одинаковую форму выражения. В поддержку негативной оценки феномена омонимии высказывается мысль о том, что само развитие

языка часто приводит к их устранению. Например, в начале XIX в. в лингвистике использовался термин *диалектический*, означающий ‘связанный с диалектом’, но с распространением понятия *диалектический материализм* слово *диалектика* все чаще стало использоваться в другом значении – ‘относящийся к диалектике, т. е. развитию’. И лингвистический термин вышел из употребления, уступив место другому – *диалектический*. Можно привести и другие примеры противостояния языка явлению омонимии: прилагательное *винный* (от *вина*) исчезло из словаря, вытесненное словом *виновный*.

Однако этот процесс далеко не активен в современных русском и английском языках. Наряду с фактами устранения омонимии наблюдается появление новых омонимов, омофонов и омографов, которые все же не могут рассматриваться как негативное явление. Прежде всего, контекст всегда проясняет семантическую структуру таких слов, исключая неуместную интерпретацию. Кроме того, омонимы, относящиеся к разным сферам использования и различающиеся функциональной значимостью, как правило, не сталкиваются в речи. Например, трудно представить контекст, в котором можно было бы перепутать омонимы *бар*¹ ‘вид ресторана’ и *бар*² ‘единица атмосферного давления’.

В то же время преднамеренное столкновение омонимов всегда было незаменимым средством остроумных каламбуров, в том числе в народных шутках: *Я в лесу, а он залез, я за вяз, и он застрял* (Даль); *Не под дождем – подожди и подожди* [2, с. 112].

Подводя итог, можно сказать, что необходимо все же быть осторожным в использовании омонимов. В некоторых случаях омонимия и сходные с ней явления могут привести к искажению смысла высказывания, превратить его в неуместное или комическое. Например, в комментарии футбольного матча: *Сегодня игроки покинули поле без голов* [1, с. 35].

Список использованной литературы

1. Розенталь, Д. Е. Современный русский язык / Д. Е. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – М. : Айрис Пресс, 2010. – 488 с.
2. Назарова, Т. Б. Филология и семиотика / Т. Б. Назарова. – М. : Высш. шк., 2003. – 191 с.

И. Шифрон-Борейко (г. Минск, Республика Беларусь)

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНФОРМАТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ ФОРМУЛ БЕЛОРУССКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Изучение языковых клише в рамках лингвопрагматических исследований как нельзя лучше вписывается в современную общенаучную

антропоцентрическую парадигму. Воспроизводимые фраземы являются «сгустками смыслов», поэтому широко используются носителями языка. Особое место, на наш взгляд, следует отвести фраземам коммуникативным – воспроизводимым высказываниям со структурой предложения (редко – словосочетания), получившим в современной российской лингвистике после работ А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского название «речевые формулы» (далее – РФ).

Прагматическим компонентом РФ, которая рассматривается как речевой акт (далее – РА), является иллокуция или коммуникативное намерение. Типология РА с момента ее создания Дж. Остином в рамках философии лингвистического анализа неоднократно пересматривалась (уточнялась, расширялась, детализировалась). Те или иные классификации РА были положены с основу многочисленных дискурсивных исследований.

Анализ семантико-грамматической структуры РФ в рамках исследования корпуса фразем с высокочастотными существительными, прилагательными и глаголами (на лексикографическом материале трех языков, в том числе белорусского и русского) представлен в диссертации Е. Г. Панфиловой. Существующие исследования исключительно воспроизводимых высказываний посвящены либо этикетным клише в целом (Н. Д. Формановская), либо формулам, выражающим их отдельные виды (например, формулам пожелания, извинения). Отдельным явлением в современной лингвопрагматике можно назвать также исследование В. Ю. Меликяном нечленимых воспроизводимых высказываний-«коммуникем». Последние, однако, являются лишь частью того языкового материала, который объединен понятием РФ; кроме того, автору интересен, прежде всего, экспрессивно окрашенный сегмент.

Объектом данного исследования стали принадлежащие языковому уровню белорусские и русские РФ. Отбор производился из нормативных толковых словарей: ТСБМ (под ред. К. Крапивы) и БТСРЯ (под ред. С. А. Кузнецова), которые приводят 463 и 492 РФ соответственно.

Прагматический анализ показал, что самым многочисленным иллокутивным классом РФ являются высказывания-информативы, которые в классификации РА Дж. Серля, ставшей классической и общепринятой, называются репрезентативами/ассертивами [1]. Доля информативов от общего числа отобранных РФ составляет около 38 % для белорусского подкорпуса и 40 % для русского. Считаем, что данный материал заслуживает, несмотря на «тривиальность» иллокуции, детального рассмотрения, поскольку именно референтивная функция (по Р. Якобсону) является центральной функцией языка [2, с. 197].

Информативные высказывания отличает прежде всего отсутствие ограничений пропозиционального содержания. В терминах теории речевых актов репрезентатив имеет направленность от действительности

к высказыванию, т. е. передает информацию о некоем положении дел, не изменяя его.

Речевая формула-информатив, как и большинство РФ в целом, чаще всего является ответной репликой в диалоге. Вместе с тем возможно такое высказывание и как начинающее диалог, и как обращенное к самому себе, когда его произнесение вынуждено происходящими событиями.

Абсолютное большинство РФ, имеющих иллокуцию сообщения, являются повествовательными предложениями. Тем не менее информативами могут быть и восклицательные предложения, например, бел. *Толькі трымайся!* ‘вokлiч, які ўказвае на вялікую ступень чаго-небудзь непрыемнага, небяспечнага’ [3, т. 5, кн. 1, с. 533]; рус. *Нашел (нашла, нашли) дурака!* ‘о том, кто не настолько глуп, чтобы дать перехитрить себя’ [4, с. 288]. Кроме того, к информативам следует отнести и некоторые вопросительные высказывания, а именно – риторические вопросы. Такие формулы не требуют ответа, а наоборот, сами используются в качестве ответной ассерторической реплики. Например: рус. *Что я (ты, он и т. п.) там (или тут и т. п.) забыл?* ‘Нечего мне там (или тут и т. п.) делать’ [4, с. 312]. В белорусском подкорпусе риторические вопросы не встречаются.

Воспроизводимые высказывания-информативы, как правило, содержат выражение мнения говорящего относительно передаваемой информации. В классификации РФ А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского формулы-комментарии выделены в отдельный подкласс: «Общая часть значения этих единиц включает указание на нетривиальные аспекты актуальной ситуации. Их основная функция и заключается в комментировании нетривиальности, что иногда переводит общение на метаязыковой уровень – с уровня информирования на уровень субъективной оценки» [5, с. 81–82].

Изучение семантико-прагматических особенностей воспроизводимых высказываний-информативов интересно, на наш взгляд, именно тем, что такие РФ отражают определенный круг характерных для социума коммуникативных ситуаций, требующих донесения информации о них до собеседника в особой языковой форме. Задаваясь вопросом о том, для передачи «плохой» или «хорошей» информации используются РФ, мы подразделили отражаемые ситуации на воспринятые говорящим положительно, нейтрально и отрицательно. Примеры РФ, отражающих положительно оцениваемую говорящим ситуацию: бел. *з плеч далоў* ‘пра завяршэнне якой-небудзь справы, вызваленне ад непрыемных абавязкаў’ [3, т. 2, с. 127]; рус. *Все в ажуре* ‘так, как следует; хорошо, благополучно’ [4, с. 30]; нейтрально – бел. *Не без таго* ‘Бывае і так ‘ [3, т. 1, с. 358]; рус. *(И) смех и горе* ‘Одновременно и смешно, и грустно, весело и печально; трагикомично’ [4, с. 219]; отрицательно – бел. *Не было клопату*

(*бяды*) ‘пра нечаканую і непрыемную справу, вестку і пад.’ [3, т. 1, с. 432]; рус. *Дальше (ехать) некуда* ‘Хуже того, что есть, больше быть не может’ [4, с. 239]. При этом высказывания, имеющие двойное толкование (рус. *Еще бы* ‘1. Конечно, да, само собой разумеется. 2. Было бы нехорошо, неверно, непонятно, если бы’ [4, с. 298]) либо восприятие которых зависит от контекста (бел. *Было ды сплыло* ‘пра тое, што было ды не вернецца’ [3, т. 1, с. 432]), были учтены как нейтральные. Результаты подсчетов показаны в таблице.

Таблица – Удельный вес РФ-информативов, репрезентирующих «положительные»/«нейтральные»/«отрицательные» ситуации, %

Языковой подкорпус	Репрезентируемые ситуации		
	«положительные»	«нейтральные»	«отрицательные»
Белорусский	19	35	46
Русский	9	36	55

Семантико-прагматический анализ позволил выделить следующие основные смысловые группы РФ-информативов:

– констатация: бел. *За каўнер не капае* ‘Няма падстаў спяшацца; паспеецца’ [3, т. 2, с. 628]; рус. *Дело не станет за кем/чем* ‘Задержки не будет из-за кого-, чего-л.’ [4, с. 248];

– выражение неодобрения либо пренебрежения: бел. *І не лыс (лысы)* ‘Хоць бы што, нішто не дзейнічае на каго-н.’ [3, т. 3, с. 65]; рус. *Не велик барин; не велика барыня* пренебр. ‘Можно вести себя кому-л. попроще, поступиться некоторыми своими привычками’ [4, с. 116];

– выражение отказа/несогласия: бел. *І бачыць не бачыў* ‘поўнае адмаўленне ад чаго-небудзь’ [3, т. 1, с. 353]; рус. *Тамбовский волк тебе товарищ* погов. ‘о человеке, недостойном кого-л., кому он набивается в товарищи’ [4, с. 146];

– жалоба: бел. *На свет глядзець не хочацца* ‘пра дрэнны настрой, цяжкае прадчуванне’ [3, т. 2, с. 61]; рус. *Хоть в гроб ложись* ‘об очень тяжелом, безвыходном положении’ [4, с. 229];

– отрицательная оценка возможностей (умений, качеств) человека/предмета или рациональности каких-либо действий: бел. *Няма роду без выроду* ‘Нічога не бывае без непрыемнага выключэння’ [3, т. 3, с. 432]; рус. *Дураку (дуракам) закон не писан* ‘Бесполезно требовать от глупого человека разумных поступков. О том, кто действует, ведет себя как ему заблагорассудится’ [4, с. 288, 327];

– согласие, подтверждение: бел. *Ясная справа* ‘Вядома, безумоўна’ [3, т. 5, кн. 1, с. 272]; рус. *Было дело* разг. ‘употр. в ответной реплике, для подтверждения упомянутого, названного события, факта’ [4, с. 248];

– выражение безразличия: бел. *Не кіем дык палкай; ці кіем ці палкай* ‘Усё роўна, тое самае’ [3, т. 2, с. 683]; рус. *Была бы честь предложена* ‘выражение безразличия к чьему-либо отказу’ [4, с. 1477].

В докладе на пленарном заседании КЛиЛ (Минск, БГУ, 2019 г.) Н. Б. Мечковская говорила о возможности понять «иллокутивный узус социума» через анализ преобладающих иллокуций дискурса. В рамках исследуемой информативной иллокуции, являющейся самой распространенной в белорусском и русском лексикографическом материале РФ, выявлено, что доля «нейтральных» (и «условно нейтральных») ситуаций, репрезентируемых в РФ, в белорусском и русском подкорпусах практически одинакова (35 % и 36 %). Соотношение между однозначно «хорошими» и «плохими» ситуациями в обоих подкорпусах резко смещено в сторону «плохих»: 19 % / 46 % в белорусском и 9 % / 55 % в русском. Хотя вывод об исторически сложившемся для носителей данных славянских языков преобладании негативных ситуаций над позитивными нельзя считать новым, считаем показанное подтверждение тому в языке интересным и заслуживающим внимания. Кроме того, сопоставительный анализ подкорпусов РФ дает возможность осознать тот факт, что белорусский разговорный узус гораздо «оптимистичнее» русского (в русской разговорной речи РФ с иллокуцией информатива в два раза реже – лишь в 9 % случаев – используются для фиксации положительно воспринимаемого положения дел, чем в белорусской, где их доля составляет 19 %).

Список использованной литературы

1. Серль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17 : Теория речевых актов. – С. 170–194.
2. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против»: сб. ст. / под ред. Е. Я. Басина, М. Я. Полякова. – М. : Прогресс, 1975. – С. 193–230.
3. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т., 6 кн. / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства ; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : Беларус. Савец. Энцыкл., 1977–1984. – 5 т., 6 кн.
4. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. и сост. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
5. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский – М. : Знак, 2008. – 656 с.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ЯЗЫКА И ДИАЛЕКТОЛОГИИ

О. А. Бойчик (г. Брест, Республика Беларусь)

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПОДКОДА «ГАДЫ» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Проблема взаимосвязи языка и культуры активно исследуется и обсуждается в гуманитарных науках со времен В. фон Гумбольдта. Она стала одной из центральных для такого интенсивно развивающегося направления современной науки о языке, как лингвокультурология. Связь двух семиотических систем подчеркивает и набирающий все большую популярность синкретичный термин «лингвокультура». Последняя есть воплощенная и закрепленная в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых/речевых процессах культура, явленная нам в языке и через язык [1, с. 134].

Среди разных способов описания языка, лингвокультуры востребованным становится обращение к культурным кодам. В. В. Красных видит культурный код как «некую невидимую «сетку», которую «культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [2, с. 5]. Культурный код используется как ключ к пониманию культурной картины мира, он (код) определяет набор образов, стереотипов в сознании человека.

Культурные коды образуют иерархическую систему, в ней базовыми и наиболее «культуроносными» выступают соматический, пространственный, временной, предметный, духовный, антропоморфный, биоморфный и др. На последнем коде и остановимся более подробно.

Биоморфный код в свою очередь представляет комплекс культурных кодов (фитоморфного, связанного с растительным миром, и зооморфного) и подкодов. Зооморфный код – неотъемлемое звено в человеческом бытии, он интересен тем, что «активизирует в сознании образы животных, птиц, насекомых, которые в составе языковых единиц репрезентируют, в первую очередь, качества и черты характера самого человека» [3, с. 94].

Среди зоономинаций заметную, обширную группу формируют репрезентанты подкода «гады», которые выступают объектом нашего исследования. Это более 280 языковых единиц, извлеченных из наиболее авторитетных словарей русского языка: толковых (В. И. Даля, Т. Ф. Ефремовой, С. А. Кузнецова, С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова), словообразовательных (Н. А. Артемьева, А. Н. Тихонова), фразеологических (В. Н. Телия, А. И. Молоткова, А. И. Фёдорова, Р. И. Яранцева).

Этнолингвист А. В. Гура в работе «Символика животных в славянской народной традиции и культуре» относит к «гадам» в основном пресмыкающихся и земноводных (*лягушка, черепаха* и др.), а также насекомых и некоторых других животных, в т. ч. мышей и змееподобных рыб (*вьюн, угорь*), червей и гусениц [4, с. 273].

Анализируемый подкод в русском языке представлен многочисленными **разноуровневыми языковыми единицами** в прямых и переносных значениях. Последние представляют лингвокультурологическую ценность, поскольку несут важную информацию об этнокультурной специфике номинаций гадов в русской языковой картине мира.

В нашей картотеке объективации подкода «гады» распадаются на четыре группы языковых единиц:

– **первичные, немотивированные зоолексемы** (их более 70): *аспид, блоха, муравей, муха, мыш, овод, паук, пиявка, рептилия, стрекоза* и др.;

– отзоонимные **словообразовательные дериваты** (более 70). В качестве мотивирующих баз для них выступают лексемы из группы 1: *жук, еж, жаба, ящер, змея, червь, мыш* и др. Они формируют 14 сильноразвернутых словообразовательных гнезд. К примеру, словообразовательное гнездо с вершиной *мыш* включает 16 номинаций: *мышка* ‘уменьш.-ласк. к сущ. *мыш*’, *мышковать* ‘ловить мышей’, *мышкование* ‘процесс действия по глаг. *мышковать*’, *мышонок* ‘детеныш мыши’, *мышатник* ‘птица семейства соколиных’, *мыший* (разг.-сниж.) ‘прил., соотносительное с сущ. *мыш*; связанный с ним’, *мышиный* ‘прил., соотносительное с сущ. *мыш*; связанный с ним’, *по-мышиному* (нар.) ‘так, как характерно для мышей’, *мышачий* (разг.-сниж.) ‘имеющий цвет шерсти мыши’, *мышастый* ‘имеющий цвет шерсти мыши’, *мышевидный* ‘видом напоминающий мышь’, *мышелов* ‘тот, кто ловит мышей’, *мышеловка* ‘западня для ловли мышей’, *мышеловный* ‘прил. от сущ. *мышелов*; связанный с ним’, *мышеобразный* ‘видом напоминающий мышь’, *мышехвостник* ‘низкое однолетнее растение семейства лютиковых’;

– **семантические дериваты** (24), восходящие к лексемам из групп 1 и 2. Так, зооним *гад* стал мотивирующим для 6 метафорических единиц: *гад* (перен.) ‘мелкое животное или насекомое, вызывающее неприятное чувство’; *гаденек, гаденыш* (перен.) ‘молодой человек, подросток, ребенок, совершивший что-л. отвратительное, мерзкое’; *гадина* (перен.) ‘тот, кто совершает отвратительные поступки’; *гадюка* (перен.) ‘подлый и злой человек’; *гадючка* (перен., разг.-сниж.) ‘подлый и злой человек’;

– компоненты разнотипных **фразеологических единиц** (89): *держаться в ежовых рукавицах* ‘строго, сурово обращаться с кем-л.’; *извиваться змеей/ужом* ‘угодничать, заискивать, льстить’ либо ‘хитрить, изворачиваться, пытаться оправдать себя’; *идти черепашиным шагом*

(иноск.) ‘медленно’; *спокоен как удав* ‘о равнодушном или уравновешенном человеке’; *змеиная векша* ‘о непоседливом ребенке’; *мышинная возня* ‘мелкие интриги, недостойные дела’ и др. Особую группу формируют устойчивые единицы (более 27), основанные на приметах: *Лягушки держатся на поверхности воды, квакают, выставляют морду – к непогоде; торчат – на дождь, молчат – на холод, с вечера квакали, а потом замолкли – к холоду; Змеи появились слишком рано – лето будет дождливым; Доедать то, что мышь грызть начала – зубы окрепнут* и др.

Как отмечалось, с лингвокультурной точки зрения наибольший интерес представляют образно-переносные значения слова. Анализ переносной вербализации подкода «гады» позволяет выделить **пять групп образных значений**: «человек», «животное», «место», «действие», «погода».

1. Группа образных значений **«человек»** многофункциональна, поэтому включает в себя несколько подгрупп лексем и фразеологических единиц (все они имеют преимущественно отрицательную коннотацию): а) «внешность»: языковой портрет человека, созданный на базе названий гадов, запечатлевает такие детали, как прическа (*ежом* ‘торчком (о волосах, шерсти и т. п.)’); *волосатик* (разг.) ‘человек, обросший волосами’; *крысиный хвост/хвостик* ‘об очень тонкой косичке, жидком пучке волос’) и черты, выражение лица, фигура (*жаба* ‘о неряшливой, толстой, некрасивой женщине’; *головастик* ‘тот, у кого большая голова (обычно с оттенком шутливости)’); *змеиться* (перен.) ‘скользить, то появляясь, то исчезая (обычно в улыбке)’; *крокодил* (разг.) ‘об очень некрасивом человеке’); б) «особенности характера»: *змеев брат* ‘о хитром, изворотливом человеке’; *ехидна* (перен.) ‘злой, язвительный, коварный человек’; *крыса* (разг.-сниж.) ‘человек, вызывающий неприязнь’; *беспозвоночный* (перен.) ‘не имеющий твердого нравственного стержня’ и др.; в) «моральное/физическое состояние»: *змея лютая* (народно-поэт.) ‘о том, что постоянно досаждают, тяготит’; *жаба душист* ‘о чувстве жадности и зависти’; *быть под мухой* (разг.-сниж.) ‘в нетрезвом состоянии’ и др.; г) «гендер», т. е. принадлежность к полу мужскому (*змееныш* ‘молодой человек, подросток, ребенок, совершивший что-л. отвратительное, мерзкое’; *крысеныш* (перен., бран.) ‘мелкий пакостник, дрянной, вороватый мальчишка’) или женскому (*змеюка* ‘о злой, коварной женщине’; *кобра* (разг.) ‘о злобной женщине’; *стрекоза* ‘о живом, подвижном ребенке (обычно о девочке)’; *ночная бабочка* ‘о девушке легкого поведения’) и др.

2. В группе образно-переносных значений **«животное»** отмечены только фразеологические единицы с отрицательной коннотацией: *змея глухая* ‘о домашнем животном, доставляющем какие-л. неприятности хозяину’; *мрут/дохнут как мухи* ‘умирают в большом количестве’; *змей сипатый* ‘о непослушном животном’.

3. В группу «место» входит название места обитания гадов, в образном значении также являющееся локативом: *лягушатник* (перен.) ‘нечто упрощенное, предназначенное для первоначального освоения, тренировки’.

4. Группа «действие» включает языковые единицы, метафорически характеризующие действие, точнее – способ его совершения: *перевдвигаться змеей* в значении ‘образуя извивы, кольца, зигзаги’; *витья вьюном* ‘находиться в непрерывном движении’.

5. В пятую группу «погодные условия» включаются приметы, связанные с состоянием атмосферы: *Крот нагребает высокие кучи – надо ждать плохой погоды*; *Мыши по снегу бегают, означает скорую оттепель*; *Если часто видеть летом змей в сухих местах, осень будет сухой, а во влажных – дождливой*.

В целом переносные значения зоонимов и мотивированных ими языковых единиц образно интерпретируют действительность, несут важную информацию о специфике функционирования подкода «гады» в русской лингвокультуре. Анализируемые образные значения отличаются преимущественно негативной коннотацией, что, видимо, обусловлено отношением к гадам как к существам не очень приятным. Примерами языковых единиц с положительной коннотацией выступают лишь фразеологические единицы – приметы (*Вход в кротовую нору расположен на север – зима будет теплой, к югу – холодной, к востоку – сухой, к западу – сырой* и др.) и спорадические языковые единицы других типов (*мухи не обидит* ‘о кротком, безобидном человеке’, *жена да муж – змея да уж* ‘одна порода, заодно’).

Описание образных значений выявило их выход за пределы подкода «гады». Например, в группах «человек», «животное» присутствует характеристика поведения, состояния и т. д., поэтому можно утверждать, что зоокод накладывается на эмоционально-характерологический и поведенческий культурные коды. Группа «действие» переплетается с акциональным культурным кодом, а группа «погода» – с субстантивным культурным кодом. Таким образом, вербализация подкода «гады» еще раз подтверждает: система культурных кодов (подкодов) являет собой ряды перекрывающихся друг друга знаковых систем традиционной культуры.

Список использованной литературы

1. Красных, В. В. Грамматика лингвокультуры, или что держит языковую картину мира? [Электронный ресурс] / В. В. Красных. – Режим доступа: <http://docplayer.ru/44602581-V-v-krasnyh-grammar-of-linguo-culture-or-what-is-the-basis-of-language-picture-of-world-v-v-krasnykh.html>. – Дата доступа: 17.10.2019.

2. Красных, В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) [Электронный ресурс] / В. В. Красных. – Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_19_01krasnych.pdf. – Дата доступа: 30.09.2019.

3. Бойко, Л. Г. Зооморфный код культуры в семантике устойчивых сравнений [Электронный ресурс] / Л. Г. Бойко. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zoomorfnyu-kod-kultury-v-semantike>. – Дата доступа: 07.10.2019.

4. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – М. : Индрик, 1997. – 912 с.

М. Р. Гарбачык (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)

ФОРМАЗМЯНЕННЕ ПРЫМЕТНІКА Ў БРЭСЦКА-ПІНСКІХ ГАВОРКАХ (НА МАТЭРЫЯЛЕ ТАРАКАНСКІХ ГАВОРАК)

Прыметнік у тараканскіх гаворках вызначаецца шэрагам марфалагічных асаблівасцей, што абумоўлена як лінгвістычнымі, так і экстралінгвістычнымі фактарамі. У артыкуле даследуецца формазмяненне прыметнікаў жаночага роду ў адзіночным ліку.

Скланавыя канчаткі прыметнікаў жаночага роду адзіночнага ліку адрозніваюцца для поўнай і сцягнутага форм. У назоўным склоне адпаведна адзначаюцца формы *нов-а і нов-ая, добр-а і добр-ая, мал-а і мал-ая, блэжн-я і блэжн-яя*), а ў вінавальным – *нов-у і нов-ую, добр-у і добр-ую, нахальн-у і нахальн-ую, хвайн-у і хвайн-ую, жовт-у і жовт-ую, мал-у і мал-ую, блэжн-ю і блэжн-юю, госанн-ю і госанн-юю, вчорашн-ю і вчорашн-юю, вархн-ю і вархн-юю*. Формы назоўнага склону *довга, выліка, хвайна, вышнёва, вылізна, молада, сэна, мала, блэжня, вархня, госыння, літашня* і пад. атрымаліся ў выніку сцяжэння галосных у канчатку: *-аја → -аа → а*; а формы вінавальнага склону *малу, блэжню, жовту, хвайну, вчорашню* і інш. – у выніку сцяжэння *-ују → -уу → у*.

Як відаць, адметнай марфалагічнай рысай для тараканскіх гаворак у назоўным і вінавальным склонах выступае наяўнасць поўнай формы і сцягнутага, знешне падобнай да кароткай. У беларускай літаратурнай мове адзначаецца толькі поўная форма (*жоўтая, жоўтую, сіняя, сінюю*), ва ўкраінскай мове ўжываецца толькі сцягнутая (*нова, нову, рання, ранню*).

Скланенне прыметнікаў жаночага роду характарызуецца таксама наяўнасцю варыянтных канчаткаў *-ый/-ій* у родным, давальным і месным склонах: *нов-ыі і нов-ый, добр-ыі і добр-ый, хвайн-ыі і хвайн-ый, жовт-ыі і жовт-ый, нахальн-ыі і нахальн-ый* – для асноў на цвёрды зычны; для асноў на мяккі зычны – *блэжн-іі і блэжн-ій, вархн-іі і вархн-ій, госанн-іі і госанн-ій, вчорашн-іі і вчорашн-ій*. Гэта фанетычныя варыянты, і варыянт на *-ый/-ій* узнік у выніку рэдукцыі галосных пасля націску.

Па той жа прычыне ў тараканскіх гаворках з'явіліся варыянтныя флексіі і ў творным склоне. Для цвёрдых асноў гэта канчаткі *-ыю/-ый*: *нов-ыю і нов-ый, добр-ыю і добр-ый, хвайн-ыю і хвайн-ый, жовт-ыю і жовт-ый, нахальн-ыю і нахальн-ый*; для мяккіх – *-ію/-ій*: *блэжн-ію*

і *блэжн-ій*, *вархн-ію* і *вархн-ій*, *госанн-ію* і *госанн-ій*, *вчораин-ію* і *вчораин-ій*.

Асобнага разгляду вартыя склонавыя канчаткі прыметнікаў жаночага роду з націскнымі канчаткамі. Згодна з адметным вымаўленнем галосных пад націскам у родным, давальным і месным склонах выяўляюцца варыянтныя флексіі *-ai/-эй*: *мал-ai* і *мал-эй*, *чуж-ai* і *чуж-эй*, *морск-ai* і *морск-эй*, *гытьк-ai* і *гытьк-эй*. У творным склоне таксама выступаюць фанетычна абумоўленыя варыянтныя канчаткі: *мал-аю* і *мал-ой*, *чуж-аю* і *чуж-ой*, *морск-аю* і *морск-ой*, *гытьк-аю* і *гытьк-ой*.

Такім чынам, скланенне прыметнікаў жаночага роду адзіночнага ліку ў тараканскіх гаворках вызначаецца: 1) захаваннем сцягнутаі і поўнай формы ад'ектываў (пры найбольш ужывальнай сцягнутаі форме); 2) значнай фанетычнай варыянтнасцю склонавых канчаткаў. Варыянтнасць канчаткаў залежыць ад тыпу асновы (цвёрдая ці мяккая), а таксама ад месца націску – на аснове (большасць прыметнікаў) ці на канчатку. Гэтыя адметныя рысы скланення прыметнікаў у разглядаемай гаворцы адлюстроўваюць розныя этапы эвалюцыі поўных прыметнікаў у гісторыі ўсходнеславянскіх моў.

Н. В. Громова, Н. А. Пилипенко-Фріцак (м. Суми, Украіна)

ІМЕННИКИ СПІЛЬНОГО РОДУ В ДЕРИВАЦІЙНОМУ АСПЕКЦІ

Словниковы склад украінскай мовы збагачуецца ў асноўным за рахунок утварэння новых слоў на базі таго мовнага матэрыялу, якім паслугуецца мова. Переважна большасць іменніків спільнага роду явяляюць сабою похідні слова, лішэ незначна частіна ё запозічэннямі з іншых мов: *колега* (з лат.), *соннамбула* (від лат. *somnus* 'сон' та *ambulare* 'ходіці'), *тамада* (від груз. *tamadoba* 'головавання під час піру').

Нове слово внікае на базі вже існуючогэ в мові й спрымаецца як похідне, або хронологічне вторінне, щодо того, від якогэ утворене. Напрыклад, слова *агакало*, *гуляка*, *випивака* спрымаюцца як вторінні щодо слоў *агакати*, *гуляти*, *випивати*. Ознакамі іх похідності ё передусім мотівованість іх значень словамі, від якіх вони походять, а також складніша морфемна будова.

Дослідженню словотворення іменніків спільнагэ роду та розробці класіфікації способів словотворення в украінській мові присвячені работи відомих лінгвістів, зокрема: Г. Л. Аркушін, І. Р. Вихованець, К. Г. Горденська, В. О. Горпинич, Л. Л. Гумецька, Н. Ф. Клименко, І. І. Ковалик, М. В. Леонова, І. Ф. Молдаван, Л. М. Третьевич та ін. Системі іменніків

спільного роду притаманні різні способи творення. Кількість іменників з недиференційованою родовою ознакою в українській та інших східнослов'янських мовах остаточно не підрахована. Лексикографічні джерела фіксують далеко не всі іменники спільного роду, оскільки їхня експресивність, притаманні багатьом словам конотативні відтінки часто не відповідають критеріям відбору слів до нормативного словника. Нами було проаналізовано понад 400 словникових статей академічних словників української мови [1–3]. Розглянемо найбільш поширені способи деривації.

Суфіксальний спосіб є провідним в індоєвропейських мовах та застосовується при утворенні всіх повнозначних частин мови, крім займенників. Суфіксація є провідною і при творенні іменників спільного роду. У дериватах, утворених від дієслівних основ, продуктивними є суфікси:

– *-(а)л(о), -(и)л(о)*: *агакало, базікало, страшило, патякало, дрімайло, брехло, гарикало, дурило, зубрило, міняйло, підлипайло, підмивайло, позивайло, потакайло, торохкало, тріпло, швендяло, шкандибайло*. Слова цього типу дуже експресивні і називають особу за її постійною діяльністю або ознакою, а суфікс має значення осуду та іронічно-фамільярної прихильності;

– *-(а)к(а), -(я)к(а), -(ю)к(а)*: *валяка, випивака, вихваляка, гуляка, заводіяка, задавака, задирака, запіяка, зівака, канюка, кривляка, ломака, невмивака, писака, пияка, позивака, пропіяка, роззявляка, співака, читака*. Слова цього типу мають яскраве забарвлення фамільярної іронії або зневаги. Вони характеризують особу за дією й утворюються від дієслівних основ з конкретно-побутовим значенням: *вихвалити* → *вихваляка*; *задаватися* → *задавака*; *канючити* → *канюка*. Суфікс *-к(а)*, поєднуючись із дієслівними основами, надає дериватам переважно «несхвального», «зневажливо-збільшувального, презирливого» відтінку.

Менш продуктивними у віддієслівних похідних є суфікси: *-к(о)* (*глушко, забудько, крутько, ласько, незнайко, непосидько, чванько*); *-яг(а), -як(а)* (*блудяга, відчаяка, трудяга, трудяка*), *-уг(а)/-юг(а), -юх(а), -юр(а)* (*хапуга, волоцюга, відчаюга, крадюга, сплюха, танцюра*).

Суфікси *-яг(а), уг(а)/-юг(а)* активно використовуються і при творенні похідних іменників спільного роду від іменних основ. Твірним словом може виступати іменник або прикметник: *бідний* → *бідняга*; *жадібний* → *жаднюга*; *ледар* → *ледарюга*; *ледаций* → *ледацюга*; *скупий* → *скуп'яга*, *хитрий* → *хитрюга*; *зłodий* → *зłodіюга*; *крадій* → *крадюга*. Ці суфікси, сполучаючись із дієслівними або іменними основами, надають дериватам значення іронічності у поєднанні з відчуттями прихильності, співчуття, наприклад: *бродяга, трудяга*; *бідняга, добряга, молодчага, роботяга, симпатяга* та ін., або зневажливості з відтінком фамільярно-осудливим, згрубіло-збільшеним, презирливим (*плутяга, хамлюга, хитрюга*).

Зменшувально-пестливого значення надають іменникам спільного роду суфікси *-к(а)*, *-ечк(а)*, *-оньк(а)*, *-еньк(а)*, *-ечк(а)*, *-иськ(о)*, *-ул(я)*, що поєднуються з іменними основами: *сирітка*, *сиротинка*, *сирітонька*, *сиріточка*, *рибалонька*, *бідачисько*, *бідолашечка*, *капризуля*.

Іменник *сирота* має спільнослов'янське походження. Він є суфіксальним утворенням від прикметника *сирь* зі значенням 'безридний', 'самотній'. Суфікс *-от(а)* тільки в цьому іменнику має агентивне значення. Інші зафіксовані в українській мові іменники з цим суфіксом мають словотвірне значення абстрактної ознаки або збірності, пор.: *доброта*, *гомота*, *спільнота*.

Іменники жіночого та середнього роду з суфіксом *-иц(е)* мають яскраве забарвлення згрубілості, зневажливості. Творються вони від іменникових основ: *бабище*, *гадючище*, *свекрушище*, *сутяжище*, *сучище*.

Непродуктивним є тип слів із суфіксом *-иц(я)*, які називають осіб за якоюсь дією (при дієслівній основі, пор.: *убивця*, *п'яниця*) або за якоюсь ознакою, схильністю до чогось (при прикметниковій основі, пор.: *недбайлиця*, *тупиця*). В. В. Виноградов припускає, що суфікс *-иц(я)*, спершу не забарвлений емоційно, набуває при перенесенні на осіб чоловічої статі (а потім і взагалі слів спільного роду) яскравого експресивного колориту частково під впливом значення основи, частково під дією загальної емоційної атмосфери, що охоплює категорію спільного роду. На його думку, в групі слів із суфіксом *-иц(я)* поєднуються церковно-книжні віддієслівні утворення (*убивця*, *братовбивця*, *синовбивця*, *людиновбивця*) з розмовними словами, утвореними від основ прикметників (*тупиця*) [4, с. 73].

Одним із найпродуктивніших способів творення іменників спільного роду є нульсуфіксальний (безафіксний) спосіб. Нульсуфіксальні іменники спільного роду творяться від основ дієслів, прикметників та ад'єктивованих дієприкметників. Серед нульсуфіксальних іменників спільного роду в українській мові найбільш представлені девербативи. Наприклад: *базіка* (той, хто любить *базікати*), *байда* (від *байдикувати*), *верховода* (від *верховодити*), *зблуда* (людина, що збилася зі шляху, *зблудила*), *збрьоха* (людина, що *збрюхалася*), *зброда* (від *збродити*), а також *завида*, *заволока*, *загреба*, *заїка*, *кайда*, *мимря*, *ненажера*, *непосида*, *нюня*, *підлиза*, *причепя*, *приблуда*, *рева*, *роззява*, *швендя*, *шкода* тощо. В діалектах української мови функціонують утворені нульсуфіксальним способом деривати *принда*, *варава*, *зздра*, *заріка*, *каприза*, *ляпа*, *мимля*, *набрида*, *надоїда*, *недомова*, *пестя*, *похвала*, *розжєня*, *транжира*, *чвара*, *шрьоба*, *ялоза* та ін.

Значна кількість згаданих девербативів на сучасному етапі розвитку мови сприймається як застаріла, причому частина таких іменників, що були зареєстровані словниками XIX – початку XX ст., не фіксується

«Словником української мови» в 11 томах, наприклад: *бреха, гарука, забіга, заговора, задріпа, затьопа, звада, кива, лега, обмана, прилиза, чмиха* тощо [2, т. 7, с. 153].

Відприкметникових нульсуфіксальних іменників спільного роду значно менше (до них зараховуємо й деривати, утворені від основ ад'єктивованих дієприкметників), наприклад *бездара* 'людина, яка не має таланту взагалі або в якійсь певній галузі; нездара' (від *бездарний*), *вайло* (від *вайлуватий*), *зажера* (від *зажерливий*), *настира* (від *настирний*), *нахаба* (від *нахабний*), *неотеса* (від *неотесаний*), *непосида* (від *непосидливий*). До цієї ж групи нами віднесені деривати *безрода, схида, зануда, зачуха, нечеса, незграба, нечепура, нечупара, недолуга, невковира, плакса, понура, рівня, юрода*.

Префіксальний спосіб словотворення не є продуктивним у творенні іменників *genus commune*. Можемо навести лише поодинокі приклади такого творення: *недбаха* ← *дбаха*, *нерівня* ← *рівня*, *незнайко* ← *знайко*.

Велику групу іменників спільного роду становлять такі, що утворені складанням, а саме: *багатознайка, білоручка, братовбивця, гріховода, дармоїдисько, дітовбивця, дурносміх, книгоноша, кривоніжка, кривошия, кровопивця, лампоноша, лежебока, листоноша, людиновбивця, міхонноша, одноручка, просторіка, пустомеля, самовбивця, самоучка, синовбивця, снохода, сновида, тріліток* тощо.

Частина складних дериватів утворені в результаті злиття дієслівної основи у формі наказового способу з іменниковою основою: *варивода, закрутиголова, зайдиголова, зірвиголова, крутиголова, паливода, пробийголова, урвиголова, шибайголова*. Як бачимо, дієслівні основи широко варіюються, а іменникові представлені тільки компонентами *вода* або *голова*.

Мовна практика свідчить, що в сучасній українській мові поступово формується ще один структурно-граматичний тип слів спільного роду, до якого належать деякі запозичені іменники з нульовою морфологічною парадигмою (*бєбі, візаві, ємо, зомбі, конференсьє, протєже, профі, хіні*).

Аналіз динаміки іменників спільного роду в українській мові свідчить, що більшість з них належать до непродуктивних словотвірних типів і практично не поповнюються новотворами. Лінгвісти пов'язують це як з «укомплектованістю» даної групи, так і з новими тенденціями у розвитку мов, зокрема активізацією процесу запозичень.

Дослідження походження іменників спільного роду дозволило зробити висновок, що переважна більшість їх є питомими похідними словами, утвореними на базі дієслівних та іменних твірних основ. Переважають суфіксальні та нульсуфіксальні деривати. Досить помітну групу іменників спільного роду становлять такі, що утворені основоскладанням та злиттям дієслівної основи у формі наказового способу з іменниковою основою.

Список використаної літератури

1. Великий тлумачний словник сучасної української мови / керівн. проекту: П. М. Мовчан, В. В. Німчук, В. Й. Клічак ; Ін-т укр. мови НАН України, Ін-т мовознавства НАН України, Всеукр. т-во «Просвіта» ім. Т. Шевченка. – Київ : Дніпро, 2009. – 1332 с.
2. Етимологічний словник української мови : в 7 т. / гол. ред. О. С. Мельничук. – Київ : Наук. думка, 1982–2006. – 7 т.
3. Словник української мови : в 11 т. / АН УРСР, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні / гол. ред. І. К. Білодід. – Київ : Наук. думка, 1970–1980. – 11 т.
4. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М. : Рус. яз., 1986. – 639 с.

Т. А. Кісель (г. Брест, Рэспубліка Беларусь)

**ЛЕКСЕМА *КАЛІНА* Ў КАНТЭКСЦЕ ПАЭЗІІ Я. ЯНІШЧЫЦ:
УЗАЕМАДЗЕЯННЕ МОВЫ І КУЛЬТУРЫ**

Сувязь традыцый і сучаснай паэтычнай культуры, народна-песенная аснова – гэта тое, што найперш характарызуе лірыку берасцейскай паэтэсы Яўгеніі Янішчыц. Яна “з’яўляецца яркай і таленавітай прадаўжальніцай традыцый нацыянальнай паэзіі – найперш традыцый духоўнасці і лірызму, якія звязаны з выяўленнем любові да роднага краю, філасофіі народнага побыту, еднасці чалавека і прыроды” [1, с. 272] – адзначае А. І. Бельскі. Паэтка “прызнавалася, што сама прырода падказвала ёй вобразы і вершаванья радкі” [1, с. 273]: *Калінавым і жытнім спелым ильхам / Самой прыродай слаліся радкі* (Як прыходзяць радкі [2, с. 174]). Таму вельмі арганічна ў яе атрымлівалася ўключаць у кантэкст сваіх паэтычных твораў традыцыйныя фальклорныя вобразы расліннага свету (шыпшыны, рабіны, бярозы, палыну і інш.), што дапамагала дакладна і глыбока перадаваць унутраны свет лірычнай гераіні, яе пачуцці і перажыванні. Да такіх яркіх паэтычных вобразаў, скарыстаных Яўгеніяй Янішчыц, можна аднесці і вобраз каліны.

Чырвоная каліна ў народных паданнях – гэта жанчына, яе лёс, яе доля. Расцвітае яна пяшчотным белым колерам і зіхаціць, як маладая дзяўчына, чысцінёй і цнатлівасцю. А ягады каліны – гэта водар любові і горыч расстання. У славянскай традыцыі каліна – расліна, якая надзялялася “сімволікай цнатлівасці; з-за ярка-чырвоных ягад асацыіруецца з крывёю; у некаторых традыцыях лічыцца нешчаслівым дрэвам, у іншых, наадварот, адносіцца да святых” [3, с. 446]. Як адзначае І. А. Швед, у беларускім фальклоры каліна выступае сімвалам “нешчаслівай жанчыны ці яе горкай долі”, што звязваецца з горыччу калінавых ягад, а таксама каліне ўласціва значэнне “надмагільнага дрэва, дрэва смерці” [4, с. 214–215].

У паэзіі Я. Янішчыц вобраз каліны таксама кантрасны. Найперш гэтая расліна асацыіруецца з душой паэтки, поўнай горычы і болю: *Ты ідзі*

стараною, старонкай, / Мой, да кропелькі мой, і – чужы! / Белым кветам, калінаю горкай, / Агнявою агромленай гронкай / Паўстаю на ўспамінак душы (Гэта, мілы мой, лёсу насмешка... [5, с. 81]).

Каліна – гэта сама паэтка, якая “гарыць” ад выпрабаванняў, што пасылае ёй лёс: *Шукаю песню, як іголку ў стозе. / Шукаю кроплю праўды ў мане. / Калінаю гарушчай пры дарозе / Я многім абавязана і – не!..* (Мне б запыніцца на юрлівай косцы... [5, с. 277]); ад балючага няшчаснага каханья: *Калі святло ад недаверу згіне, / Няспешна прывітай яе спярша: / Я так цябе чакала, што ў каліне / Адбілася уся мая душа!* (Нясуджаны, я так скажу аднойчы... [5, с. 278]); жыццё “заламвае рукі” паэтцы, як вецер голле на каліне: *Развіталіся. Досыць журыцца. / Развіталіся. І назаўжды. / Мне калянай каліне маліцца / І – уцэла! – праз снег малады. / Будзе доўжыцца вольнае поле, / Покуль знікне за гушчай бароў. / Рукі вецер заломіць, як голле / На каліне, дзе ласка і кроў* (Развіталіся. Досыць журыцца... [6, с. 240]); жыццё гераіні ламаецца ад нягод, як ламаюцца кволья галінкі каліны. Для паэткі каліна – гэта сімвал яе няшчаснага каханья, яе гаротнай долі: *Снягі зляталі пухам тапаліным. / Разрыў-трава расла на кургане. / Мядовай зёлкай, горкаю калінай / Прыснілася каханне для мяне* (Парыў [6, с. 227]).

Найчасцей з вобразам каліны спалучаны элегічныя настроі і сумныя матывы, успаміны пра мінулае, што набліжае паэтычныя радкі Я. Янішчыц да традыцыйнай вуснай народнай паэзіі: *Яшчэ не збыты успамін / На вуснах смагай згоркай. / Маўчу цябе святлом калін, / Каменнямі узгоркаў* (Яшчэ не збыты успамін [5, с. 291]).

Аднак каліна – гэта і сяброўка, якая дае надзею на жыццё, дапамагае жыць: *Полымем зыркім душу апаліла. / Полымем белым ўзняло з небыцця. / ...Ой жа зімой закінае каліна, / Гронка яе – як надзея жыцця... Выберу сённяя якую вандроўку, / Каб неўталоннай душы дагадзіць? / Светла аклікну каліну-сяброўку – / Сумам маім на мяне паглядзіць* (Каліна зімы [5, с. 256]); *Ўсё раўніны ды нізіны, / Мацярдуюшка, стаўбунок... / Можна ў краснае каліны / Папрасіць румян для шчок* (Еду ў госці да бабулі [5, с. 165]).

Кантраснасць у выкарыстанні вобраза каліны Я. Янішчыц часта дапамагае ствараць непаўторныя горка-аптымістычныя і сумна-радасныя інтанацыі: *з жаўталістым ветрам заручоная, / Цеплячы гаючы ўспамін, / Да-га-рай, мая зара вячорная, – / Хай пасвеціць полымя калін!* (Менее святла на схіле восені... [6, с. 230]); *Смяемся часта дарэмна. / Марудзім на пошласць і зло. / Мы будзем з табою ўзаемна – Каліна, / Слязіна, / Святло* (Вось так узгараецца слова... [5, с. 325]).

Заўсёды з замілаваннем апісвае Я. Янішчыц свой край, сваю родную вёску, яе жыхароў, родных і блізкіх, і асабліва маці. Вельмі арганічна

ў гэтыя апісанні паэтка ўключае і вобраз каліны як дрэва, што яркімі плямамі чырваніць на яе радзіме: *Ой, пры каліне чырванашкокай / Ды пры даліне зялёнай – сяло. / Знаю, ні ў якой старонцы далёкай: / Тут мне якраз нарадзіцца было!* (Ой, пры каліне чырванашкокай... [5, с. 218]); *Кашульку адбяліла, / І ягады зырчаць / Чырвонае каліны... / І маме трыццаць пяць* (Кашульку адбяліла... [6, с. 172]); менавіта “калінавым і шыпшынным” яна называе свой край: *Калінавы, шыпшынны / Мой край ад зор азяблы...* (Слова [5, с. 33]).

Народныя традыцыі ў перадачы вобраза каліны як “надмагільнага дрэва, дрэва смерці” праявіліся ў наступных радках: *Маіх гадкоў пылок і малацьба! / Але адчую, запынiўшы крылле, / Чаму ля хаты журыцца вярба, / Адкуль гарыць каліна на магiле* (у цішыні зажураных алей... [5, с. 124]). Гэты матыў хуткага расстання з жыццём, смерці гучыць і ў вершы “Маладосць”: *Маладосць, давай жа развітаемся / у пару аснежаных калiн... / Толькі так жыву і так трымаюся, / Каб мяне шчаслівай помніў сын* (Маладосць [2, с. 171]).

Такім чынам, яркая вобразнасць і адначасова кантраснасць, здольнасць перадаваць разнастайныя пачуцці, ствараць шматгранныя вобразы, арыентуючыся на народныя традыцыі, – адметная рыса паэтычнага слова Я. Янішчыц.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Бельскі, А. І. Яўгенія Янішчыц А. І. Бельскі // Класікі і сучаснікі ў школе : дапам. для настаўнікаў / А. І. Бельскі. – Мінск : Аверсэв, 2005. – 350 с.
2. Янішчыц, Я. Каліна зімы : кн. лірыкі / Я. Янішчыц. – Мінск : Маст. літ., 1987. – 206 с.
3. Усачёва, В. В. Калина / В. В. Усачёва // Славянские древности : этнолингв. словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М., 1999. – Т. 2 : Д – К (Крошки). – С. 446–448.
4. Беларуская міфалогія : энцыкл. слоўн. / С. Санько [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 2004. – 592 с.
5. Янішчыц, Я. Выбранае / Я. Янішчыц ; уклад. А. Канапелькі і В. Коўтун ; прадм. Д. Бугаёва. – Мінск : Маст. літ., 2000. – 351 с.
6. Янішчыц, Я. Пачынаецца ўсё з любові... : вершы, паэмы / Я. Янішчыц. – Мінск : Маст. літ., 2008. – 339 с.

С. А. Королевич (г. Брест, Республика Беларусь)

ПАРЕМИКОН ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: КОГНИТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

В центре внимания современной науки о языке находится его функционирование, а следовательно – человек говорящий, языковая личность. В связи с этим появилось новое самостоятельное направление языкозна-

ния – лингвоперсонология, предметом изучения которой выступает субъект и его языковые проявления. Теоретические основы лингвоперсонологии начали закладываться только в последние десятилетия [1], но осознание того, что проявление личности неотделимо от ее языка, уже в 80-е гг. XX в. привело к созданию учения о языковой личности. Согласно ему, человек говорящий – это языковая личность с многоуровневой структурой, в которой соединяются собственно языковые данные (вербально-семантический уровень языковой личности); знания о мире (когнитивный уровень); цели, мотивы, намерения личности (прагматический уровень).

На рубеже тысячелетий активно изучались элитарные языковые личности – писатели и поэты, так как созданные ими тексты в наибольшей мере способствовали получению «выводных знаний» о выдающихся мастерах слова. Однако характеризоваться как языковая личность может каждый носитель языка. В лингвоперсонологии третьего тысячелетия заметным стал интерес к диалектной языковой личности. В процессе изучения такой личности возможна реконструкция модели мира, свойственной жителям данной местности, могут быть описаны региональные варианты материальной и духовной культуры, созданы словари диалектной языковой личности, речевые портреты информантов, рассмотрены особенности использования языковых единиц разных уровней и т. п.

Несомненно внимания, на наш взгляд, заслуживает изучение паремикона диалектной языковой личности, информативное для характеристики ее когнитивного и мотивационного уровней. Паремиями обычно называют «афоризмы народного происхождения, характеризующиеся лаконичностью формы, воспроизводимостью значения и имеющие, как правило, назидательный смысл» [2, с. 242], однако к ним относят и другие устойчивые речевые формы: загадки, пожелания, формулы проклятий и т. п. Хотя паремические тексты анонимны, для характеристики отдельной диалектной языковой личности показателен их состав и использование.

Рассмотрим индивидуальный паремический запас информанта Л. Н. – жительницы д. Вулька Лавская Пинского района Брестской области. Портрет конкретной диалектной языковой личности предполагает учет определяющих ее речевую деятельность экстралингвистических характеристик – гендерных, возрастных, психологических, профессиональных. Л. Н. родилась в 1929 г. и до 1957 г. жила на хуторе Малевицкий, расположенном в 5 км от Вульки Лавской. Становление языковой личности информанта происходило сначала под влиянием родителей, уроженцев деревень Месятичи и Шоломичи Пинского района, где локализованы

юго-восточные говоры западнополесской группы; затем – в окружении жителей окрестных хуторов, где сосуществовали западнополесские говоры и диалекты польского языка. На протяжении последующих 62 лет Л. Н. жила среди носителей традиционного говора д. Вулька Лавская, сложного в генетическом плане и в структурном отношении. «Субстрат» говора образовывал один из польских диалектов, позже осложнившийся говором переселенцев из окрестных деревень, относящимся к северно-логишинским [3, с. 11]. Местный говор именовался воленским, от польск. *wolenie*, называющего жителей деревни и образованного от ее названия – *Wólka*.

Л. Н. работала в колхозе, затем в лесхозе, в юности специально училась шить у мастерицы из соседнего села и позже стала деревенской портнихой. Имела независимый характер, была даже несколько высокомерной, поскольку принадлежала к семье потомственного дворянина; ее старший брат и младшие сестры работали учителями. Вместе с мужем Л. Н. воспитала четверых детей, занявших достойное место в жизни, гордилась этим, пользовалась уважением односельчан и любила поучать окружающих. Естественно, что в ее речи широко использовались поговорки разного вида.

Включенное наблюдение за Л. Н. как языковой личностью проводилось на протяжении двух последних десятилетий. Однако ее паремикон складывался на протяжении всей жизни (Л. Н. скончалась на 91-м году) и содержал в себе единицы разного времени из разных языков. Как и все полешуки, Л. Н. относилась к стойким традиционалистам и пользовалась в повседневном общении говором, усвоенным в родительском доме. Война помешала Л. Н. получить законченное образование, но несколько лет она училась в хуторской школе на дому, где преподавали приходящие учителя, а с третьего по шестой класс включительно посещала Логишинскую школу, где была среди лучших. Обладая гибким умом и хорошей памятью, Л. Н. легко впитывала информацию, в зависимости от речевой ситуации могла перестроиться с местного говора на почти правильный русский язык, свободно читала на русском, польском и церковнославянском языках. В результате этого, а также из-за смешения в воленском диалекте разных говоров ее паремикон был необычайно пестрым в этимологическом плане. Он включал местные, полесские поговорки, известные белорусскому языку (*Шчо з воза ўпало, тое пропало*; *Шчо ўбиў, то ўйи́хаў*; *Гультай за ди́ло – мазоль за ти́ло*; *Шчо дорого, то милэ, шчо дёшэво, то гнилэ*); часто польские (*Бяло не бяло, абы воду видзяло* – о небрежной стирке; *Цо задужо, то не здорова* – о необходимости соблюдать меру; *Боли глуўка – паньска вымуўка* – о том, что ссылаться на головную боль свойственно господам; *На козаку нема знаку* – о том, почему внебрачная связь для мужчин не является позором; *Пшышла коза до воза*; *Вымениў бы́ка на*

инды́ка; Обещанки – цацанки, а дурнэму радосць и др.); реже русские (На ўкус и на цвет товарышча нет; Дуракам закон не писан; На чужсы роток не накинеш платок; Баш на баш).

Главной функцией паремий в говоре деревни была оценочная, потому что важнейшим мерилom нравственных норм здесь считалась формула «Шчо люди скажуть». Л. Н., как и многие другие воленцы, прожила свою немалую жизнь именно с этим нравственным ориентиром. Это объясняет и активное использование паремий в ее речи, и их содержание.

В разных видах паремий, известных Л. Н., получали лаконичное, но емкое выражение знания о материальных предметах, социальных отношениях и духовных ценностях, актуальные для сельских жителей прошлого века. Для крестьянина основой его существования была работа на земле, поэтому память информанта сохранила старинные присловья, связанные с погодой и сельскохозяйственными работами: *Як на Громницы нап'ецца пивень водицы, то на Миколу найисца ву^ол травицы; у дурня – си^ена до Юр'я (6 мая), а у розумного – до Миколы (22 мая), то не бедуе николи*. Но в центре картины мира деревенского жителя всегда находился человек, и в паремиконе Л. Н. были закреплены выработанные в данной местности алгоритмы социального и межличностного взаимодействия, соответствующие местным традициям социально-поведенческие нормы.

В отношении к государству и к его представителям особого доверия у Л. Н., как и остальных колхозников, не было: *Закон як дышло: куды повернеш – туды и вышло; Не подмажэш – не пойидеш*. Бесправные сельчане осторожничали, предпочитая не иметь дела с вышестоящими лицами (*Не буди лихо, покуль онэ тихо; Моя хата с краю – ничего не знаю; Не руш чужого и не бу^ойса никого*); не доверяли окружающим, опасались доноительства (*Не тыч носа ў чужэе просо; Йиж тиру^ог з грыбами, держы язык за зубами*) и презирали доносчиков (*Докашчыку – г...но ўйшчыку*). Примечательны глагольные формы в императиве (*не тыч, не руш, не бу^ойса, держы язык за зубами*), придающие пословицам характер общественного запрета или предписания. Такое отношение к властям было небезосновательным: только война в 1941 г. помешала высылке семьи трудолюбивых родителей Л. Н. в Сибирь; во время оккупации хуторян грабили не только немцы, но и местные мародеры под видом партизан; в 50-е годы государство оплачивало тяжкий труд колхозников только «палочками»-трудоднями; хорошо в деревне жили только те, кто был близок к власти: бригадир, звеньевая, «учетчик», полевой сторож и т. п. В адрес власть имущих сельчане с давних пор высказывались с определенной долей ехидства, хотя тихо им завидовали. Такие высказывания Л. Н. тоже припоминала: *Богатому чорт и ў кашу валить, а би^едному – и ў полиўку лье; Богатому заўшэ свято*. Колхозники же

полагались лишь на свой труд и старались работать не только на государство, но и на себя. Поэтому в речи Л. Н. позитивно оценивается трудолюбие, предприимчивость: *Хто рано ўстае, тому Бу^ог дае; Хто дбае, той и мае*; лень и беззаботность клеймились позором: *Бали да гули ў лапці обулі; Под лежачы камень вода не течэ*; люди без выраженной цели квалифицируются пренебрежительно: *Ни соби ни людям; Ани Богу, ани людям; Ни шлык ни коўпак*; презрительно обозначены быстрое охлаждение к работе (*Одпáли кульбаки од с...ки*); нерадивость хозяйки (*Ну й госпадыня: тры городы, одна дыня*); неумелость портнихи (*Наша Сёра/Сора то шые, то порэ* и др.).

С помощью паремий Л. Н. оценивала житейские проблемы односельчан (*Не мяла баба клопоту, то купила порося*); семейные коллизии (*Бачыли очы, шчо куплялі, а тепэр плачце, хоч павылазьце* – о несчастливом супружестве); поступки соседей (*Шчось у лі^еси^е здохло* – о неожиданном поступке); ситуации (*з великой хмары малы дошч* – о несоответствии результата ожиданиям; *Була ў пона собака* – о повторении ситуации; *Як не понос, то золотуха* – о непрекращающихся проблемах); характер человека (*Тыха вода грэблю рвэ*); внешность (*Баба як жаба; Хлопец як лялька*), состояние (*П'яны як бэля*); родственные связи (*Ни сват ни брат; трэйти ру^од / помыйный ру^од*) и др. С помощью паремий, как правило, выражалось отношение к явлениям и ситуациям, значимым для каждого человека: к Богу (*Без Бога ни до порога*); к старости (*Старосьць не радосьць, а горб не корысьць; На покляклэ дерэво и козы скачуть*); к смерти (*Шчоб людзі не ўмералі, то б небо падпералі*) и др.

Таким образом, паремикон диалектной языковой личности не только характеризует информанта как носителя особого регионального говора, но и воплощает определенные знания личности о мире, приоритетные темы и прагматические установки. Если вести речь о когнитивных характеристиках паремикона языковой личности Л. Н., то он служит отражению концепта «Человек» в воленском говоре и характеризует отношения человека и государства, человека и его места в социуме, человека и его окружения.

Список использованной литературы

1. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение / под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. – Барнаул ; Кемерово : БГПУ, 2006. – 435 с.
2. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и паремиология : учеб. пособие для бакалавр. уровня филол. образования / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семенов. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 344 с.
3. Клімчук, Ф. Д. Гаворкі Заходняга Палесся: Фанетычны нарыс / Ф. Д. Клімчук : АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – 128 с.

Л. В. Леванцэвіч (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)

ДЫЯЛЕКТНАЕ СЛОВА Ё МАСТАЦКІМ КАНТЭКСЦЕ: СТРУКТУРНА-СЕМАНТЫЧНЫ АСПЕКТ

Дыялектнае слова мае дачыненне да чысціні літаратурнай мовы і маўлення, да мовы мастацкай літаратуры і мастацкага ідыялекту. Функцыя дыялектнага слова і ступень патрэбы ўжывання ў кожнай з названых сфер розная і па-рознаму ацэньваюцца даследчыкамі слова.

Сучасная беларуская літаратурная мова пачала фарміравацца ў пачатку XIX ст. на аснове жывых народных гаворак. І ў наш час дыялектная мова з'яўляецца крыніцай узбагачэння лексікі і фразеалогіі беларускай мовы.

Пры ўжыванні дыялектнага слова ў мастацкім кантэксце варта адрозніваць “цытаванне”, прысутнасць дыялектызмаў у кантэксце як іншастылёвага элемента, і выкарыстанне дыялектызмаў нароўні з лексікай літаратурнай мовы. Захапленне дыялектызмамі пры ўжыванні дыялектнага слова разам з літаратурным прыводзіць да засмечвання мовы твора.

У мастацкім ідыялекце моўная спецыфіка аўтара прадугледжвае выкарыстанне дыялектызмаў як кампанента аўтарскай моўнай сістэмы. Можна вызначыць дзве асноўныя функцыі дыялектнага слова ў мастацкім кантэксце:

а) для рэалістычнага паказу жыцця вёскі і стварэння мясцовага каларыту;

б) для моўнай характарыстыкі герояў літаратурных твораў і індывідуалізацыі маўлення.

Што да чысціні маўлення, то нельга адназначна вызначыць у ім ролю і месца дыялектнага слова, бо чыстым мы назавём такое маўленне, у якім няма беспадстаўна ўжытых слоў і няма элементаў мовы, якія адваргаюцца нормамі маралі. Чысціня маўлення дасягаецца адзінствам формы і зместу, правільным падборам і арганізацыяй моўных сродкаў у строгай адпаведнасці са *стылем* і задачамі выказвання, з дакладнасцю перадачы адпаведнай інфармацыі і яе эмацыянальным ці рацыянальным уздзеяннем.

Да дыялектных кампанентаў аўтарскай моўнай сістэмы, што вызначаюць індывідуальныя мадэлі і спецыфіку выкарыстання агульнанародных сродкаў, выяўляюць іх ролю ў аўтарскай рэпрэзентацыі і паказваюць нацыянальна-культурную спецыфіку мовы, мы адносім усе тыпы дыялектызмаў (словаўтваральныя, граматычныя, фанетычныя, семантычныя, лексічныя), устойлівыя выразы, моўнаэтыкетныя формулы, словы з суфіксамі суб'ектыўнай ацэкі, часціцы, гукаперайманні, звароты, саветызмы, устарэлыя словы, онімы (мянушкі, мікратапонімы, неафіцыйныя імёны, заонімы), метафары.

У нашым артыкуле прааналізуем асаблівасці ўжывання дыялектнага слова ў мастацкім кантэксце пісьменнікаў Брэстчыны (Г. Марчук, У. Гніламёдаў).

Так як мастацкі твор усебакова паказвае героя, яго сацыяльную сутнасць, індывідуальныя асаблівасці, то пісьменнік, апавядаючы пра жыццё вёскі, не можа не выкарыстаць асаблівасці мясцовай гаворкі. Адметнасці маўлення герояў твора перадаюцца праз выкарыстанне фанетычных, граматычных і словаўтваральных дыялектызмаў: – *А чому дахаты ідзеш, Карнейко? – пытае Каницуб* [1, с. 298]; – *Шчо праўда, то праўда. У горадзе ўсё купляюць. А скажы, Карнейко, шчо па тым цялявізары кажуюць, будзе вайна ці не?* [1, с. 298]; – *Хадземо, мамо. Бяры касу, – казалла дачка* [1, с. 301]; – *Тама. Ну, заспяваймо, Аленачка, Верка* [1, с. 302]; – *А то едзьмо з намі, яй-бо* [1, с. 361]; – *Бывай здароў, Грыцю* [1, с. 389]. Кожны з аўтараў выкарыстоўвае асаблівасці сваёй гаворкі, што ўваходзяць у склад заходнепалескіх. Так, У. Гніламёдаў (нарадзіўся на Камянеччыне) выкарыстоўвае адметныя асаблівасці загародскіх гаворак: ужыванне клічнага склону назоўнікаў у функцыі зваротка, канчатка **-ове** ў назоўным склоне множнага ліку адушаўлёных назоўнікаў, галоснага [і] на месцы ранейшага *ѣ. Г. Марчук (родам са Століншчыны) перадае асаблівасці паўночназагародскіх гаворак: оканне, канчатак **-мо** дзеясловаў абвеснага і загаднага ладу першай асобы множнага ліку, ужыванне інфінітыва з суфіксам **-ці**. Названыя гаворкі з'яўляюцца разнавіднасцю заходнепалескіх гаворак.

Разнастайныя жыццёвыя заканамернасці, правілы, парады на розныя жыццёвыя выпадкі, перасцярогі ў момант небяспекі, правераныя не адным стагоддзем, захаваліся ва ўстойлівых выразах, якія выкарыстоўваюць Г. Марчук і У. Гніламёдаў пры апісанні паўсядзённага жыцця сваіх герояў: – *Паганая работа, Карней, усе ядуць, п'юць, а ты лыпай вачыма. Давай за кумпанію...* [1, с. 357]; – *Гэта ж чаму? Што я – воспай мечаны. У нас па канстытуцыі кожны мае права на вучобу* [1, с. 366]; *Толькі люд пайшоў не той, – гляне ды смяецца, небарака, кажса. Яго абышлі на пава-роце, а ён яшчэ казыраецца, у святыя лезе* [1, с. 367]; *Ты кажаш, народу лягчэй будзе? Павялічыцца план... Ды элементарна нашы землі не вытрымаюць, калі нават людзі будуць гаравець утры пагібелі* [1, с. 372]; – *Смерці не падперці, – адгукнуўся нехта на ўздыханні Калоды, і на гэтым усё скончылася* [2, с. 267]; *Прагнаму два разы баліць жывот: спачатку ад голаду, потым ад абжорства* [2, с. 303]; *У Павалу шмат дабраты і зычлівасці. Пра такіх кажуюць: “У кулаку з яйка кураня выведзе”* [2, с. 117].

Філасофія жыцця палешукоў, адносіны да жыцця і смерці выказаны ў выразах: – *Дзіцятка, – супакойвае яе нянечка, – гасподзь даў, гасподзь і ўзяў* [1, с. 365]; *Жыццё наперадзе, дай бог сэрцу радасць вытрымаць* [1, с. 385]; *Нішто, павер, табе не дасць такой незалежнасці і волі, шчасця і душэўнай раўнавагі, як вера ў праведнасць свайго самамысля* [1, с. 396].

Нязначную колькасць у творах пісьменнікаў Брэстчыны складаюць лексічныя (этнаграфічныя) і семантычныя дыялектызмы. У структуры ідыялекту пісьменнікаў вылучаюцца найперш дыялектызмы-назоўнікі, якія абазначаюць назвы бытавых прадметаў, абутку, астранамічных рэалій, падзей (*Працадзіўшы малако, наліў у пяцілітровы слоік, вынес да варот і паставіў на шулу* [1, с. 282]; *Дзядуля казаў: “Ветах ваду з зямлі выцягвае, хутка дождж мае быць”*. – *“Як гэта месяц можа ваду з зямлі выцягваць? – не разумеў малы Лявонка* [2, с. 64]; *Заадно трэба было і Фёкле новыя чосанкі заказаць* [2, с. 62]; – *У іх, пэўна, сваёй машынэрыі хапае, – адказаў айчым, уладкоўваючыся на возе, у які паклаў, каб зручней сядзець, кельню* [2, с. 62]; *У Давыд-Гарадку звычайна ў апошні тыдзень лютага, а бывае, і ў пачатку сакавіка традыцыйна праводзяцца так званыя куставыя кірмашы. Павялося такое свята гандлю здалёк, самыя старыя людзі не памятаюць, адкуль пайшло* [1, с. 358]) і дыялектызмы-дзеясловы, якія звычайна маюць дадатковае эмацыянальна-ацэначнае значэнне: *Дзяўчаты цюбалі ў бок Еву, паказвалі на “Жыгулі”, усміхаліся* [2, с. 375]; – *З бацькам лён сеялі. Я дапамагала, загоны лешыла* [2, с. 233].

Пры “цытатным” увядзенні дыялектных слоў У. Гніламедаў і Г. Марчук звычайна будуць кантэкст так, каб слова было зразумелае чытачу. Большасць ужытых дыялектызмаў не патрабуюць дадатковых тлумачэнняў, бо зразумелыя з кантэксту.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Марчук, Г. Паляшук / Г. Марчук // Кветкі правінцыі : раман, аповесць. – Мінск : Маст. літ., 1988. – С. 275–411.
2. Гніламедаў, У. В. Вайна : раман / У. В. Гніламедаў. – Мінск : Беларус. навука, 2014. – 628 с.

Н. Н. Приступа (г. Минск, Республика Беларусь)

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Наиболее известным и распространенным обозначением языка для специальных целей в современной лингвистике выступает слово *терминология*. Согласно лексикографическим данным, оно обозначает «совокупность терминов, употребляемых в какой-либо области науки, техники, искусства и т. п.» [1, с. 357]. Необходимо уяснить, в какой степени правомерно использование слов *термин* и *терминология* в диахроническом исследовании специальной лексики определенной сферы деятельности.

При изучении начальной истории формирования языков для специальных целей (далее – ЯСЦ) следует принять за основу мысль о том, что *термином* можно называть общеупотребительное слово (или его лексико-семантический вариант), функционирующее в определенной сфере деятельности как название специального понятия, а *терминологией* – совокупность таких слов или лексико-семантических вариантов полисеманта, обслуживающих определенную понятийную сферу. О существовании устойчивой традиции «называть древнейшие специальные наименования, касающиеся трудовой и производственной деятельности, терминами и говорить о соответствующей терминологии» пишет, например, С. Д. Шелов [2, с. 79].

Вследствие того что «начальный этап становления терминологии отличается именно недостаточной терминологичностью» [3, с. 201], современные терминоведы предлагают использовать при изучении процессов становления ЯСЦ определенную типологию специальных лексем. В обобщенном виде она представлена в работе С. В. Гринева-Гриневича «Терминоведение» и включает *прототермины, предтермины, терминоиды, квазитермины, профессионализмы и профессиональные жаргонизмы* [4, с. 43].

Прототерминами именуется специальные лексемы, появившиеся и применявшиеся в донаучный период развития специальных знаний для обозначения объектов специальной области деятельности [4, с. 44] или специальных представлений, которыми предположительно оперировал человек в протонаучный период. В современной терминологии они могут сохраняться [5, с. 240], во-первых, как лексические единицы предметных областей, в которых отсутствуют научно-теоретические основы; во-вторых, как так называемые «народные термины», используемые параллельно с научными терминами, но без связи с понятийной системой [4, с. 44]. Однако они также могут исчезнуть вместе с устаревшими понятиями. Название *терминоидов* получают лексемы, еще только развивающие специальное значение, или имеющие нечеткий статус [6, с. 260], или не удовлетворяющие требованиям, предъявляемым к терминам, или не имеющие четкой связи с понятиями, или связанные с нечеткими понятиями [7, с. 30]. Они не имеют таких терминологических свойств, как точность значения, независимость от контекста и устойчивый характер.

Дефиниции специальных лексем в работе С. В. Гринева-Гриневича не всегда имеют однозначный характер, сравним: «специальные лексемы, используемые в качестве терминов для называния новых сформировавшихся понятий, но не отвечающие основным требованиям, предъявляемым к терминам» [4, с. 44], представляют собой *предтермины*. Для них характерны временный характер, неустойчивость формы, несоответствие требованиям краткости, общепринятости, нейтральности. В. М. Лейчик считает предтермином определение, перечисление признаков понятия [8, с. 35]. Таким обра-

зом, использовать обозначение *предтермин* можно по отношению к словам с колебаниями значения и формы или описательным оборотам. Устойчивые предтермины, закрепившиеся в ЯСЦ, именуется *кваситерминами*.

Дискуссионным остается и вопрос о статусе *профессионализмов*. С. Д. Шелов, указывая на существование в современном терминоведении нескольких точек зрения на соотношение понятий «профессиональная лексика – терминология», отмечает: «Первая из них отождествляет эти два понятия. Вторая – разделяет профессиональную лексику и терминологию некоторой историко-тематической чертой. Третья точка зрения, констатируя наличие значительной общей части этих лексических пластов, может объяснить и существование несовпадающих частей» [2, с. 86]. Автор присоединяется к последней из них. Однако в диахроническом исследовании ЯСЦ определенной сферы деятельности профессионализмы крайне сложно отграничить от специальной лексики. Кроме того, объективные критерии выделения профессионализмов (ненормированность употребления, функционально-стилевая ограниченность, образность) в начальной истории формирования языков для специальных целей тоже отсутствовали.

В силу неотчетливости и противоречивости дефиниций названных и других типов специальных единиц в диахроническом исследовании целесообразно ограничиться только обозначением *прототермины*, под которыми понимаются лексемы, стоящие на пути к терминологизации, но объективно не соответствующие нормативным требованиям, предъявляемым к форме, значению и функциональным характеристикам термина. Такое название может использоваться как при обозначении древнейших, исконных номинаций специальных представлений из кредитной сферы, так и для более поздних, еще не специализированных обозначений, функционирующих в названной сфере с присущей им многозначностью и синонимическими связями [3, с. 201]. На нецелесообразность введения остальных дифференцирующих терминов в понятийный аппарат исследования из-за недостаточной разработанности критериев разграничения указывают и другие исследователи.

Однако обозначения *прототермины* могут использоваться лишь условно, ибо, как отмечает Н. Б. Мечковская, «при диахроническом изучении терминологии обнаруживаются явления, противоречащие обычным теоретическим характеристикам термина» [3, с. 201]. В современном терминоведении обосновано положение о том, что номинация обретает статус термина в строгом смысле слова только при соответствии определенным требованиям в аспекте содержания, формы и функционирования. Поэтому проблема обозначения единиц специальной лексики в диахронической перспективе и их организации по-прежнему остается объектом исследовательского внимания современных терминоведов.

Список использованной литературы

1. Словарь русского языка : в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: А. П. Евгеньева (гл. ред.) [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – Т. 4. – М. : Рус. яз., 1999. – 800 с.
2. Шелов, С. Д. Терминология, профессиональная лексика и профессионализмы (к проблеме классификации специальной лексики) / С. Д. Шелов // Вопр. языкознания. – № 5. – 1984. – С. 76–87.
3. Общее языкознание: структура языка. Типология языков и лингвистика универсалий : учеб. пособие / Н. Б. Мечковская [и др.] ; под общ. ред. А. Е. Супруна. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Высш. шк., 1995. – 336 с.
4. Гринев-Гриневиц, С. В. Терминоведение : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / С. В. Гринев-Гриневиц. – М. : Академия, 2008. – 304 с.
5. Федорченко, Е. А. Становление и развитие терминологической лексики таможенного дела в русском языке : монография / Е. А. Федорченко. – М. : МГОУ, 2004. – 248 с.
6. Татаринов, В. А. Теория терминоведения : в 3 т. Т. 1 : Теория термина: история и современное состояние / В. А. Татаринов. – М. : Моск. лицей, 1996. – 311 с.
7. Хаютин, А. Д. Термин, терминология, номенклатура : учеб. пособие / А. Д. Хаютин. – Самарканд : СГУ, 1972. – 130 с.
8. Лейчик, В. М. О процессе формирования термина: Особенности периода первоначального наименования специального понятия / В. М. Лейчик // Функционирование терминов в современном русском языке : межвуз. сб. / Горьк. гос. ун-т ; редкол.: В. Н. Немченко (отв. ред.) [и др.]. – Горький, 1986. – С. 33–39.

Л. В. Рычкова (г. Гродно, Республика Беларусь)

МИГРАЦИЯ VS ИММИГРАЦИЯ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Известно, что «язык не существует вне культуры, т. е. вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [1, с. 20], соответственно, язык может рассматриваться как «совокупность значений (не языковых), составляющих ориентировочную основу деятельности (не только речевой, но и другой, например, познавательной)» [1, с. 12]. В таком значении язык соотносится с понятием лингвокультуры: «Лингвокультура есть воплощенная и закрепленная в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых/речевых процессах культура, явленная нам в языке и через язык» [2, с. 134]. Поскольку культура неразрывно связана с аксиологией, то лингвокультура находит выражение в концептуализации ценностей с их отражением в языке. Причем культуuroобразующие ценности находят закрепление в вербализованных константах культуры и в отражении в языке прецедентных для определенной культуры феноменов [3, с. 83]. Рекуррентность концептов напрямую связана с их номинативной плотностью, поскольку «высокая номинативная плотность концепта» свидетельствует «об актуальности осмысления той или иной сферы действительности для конкретного сооб-

щества», «о ценностной значимости» соответствующего концепта и об его «коммуникативной релевантности» [4, с. 147].

Дискурс считается «одним из самых эффективных инструментов в сфере социальных практик» [5, с. 89]. Так, представители научного направления, получившего название «критический дискурс-анализ» (далее – КДА), исходят из того, что для эффективного воздействия на общество нужно не столько принуждение, сколько убеждение, поэтому использование потенциала «убедительности» дискурса позволяет достигнуть социального консенсуса и соучастия [6].

В целях КДА в Европе широко используются возможности таких репрезентативных языковых ресурсов, как лингвистические корпуса [7]. К сожалению, использование корпусных технологий в этих целях в русскоязычном научном пространстве все еще не заняло должного места. Для целей нашей работы, посвященной отражению в русской лингвокультуре миграции и иммиграции, были использованы возможности Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [8].

В последнее время внимание исследователей все чаще привлекает проблема миграции [9; 10]. Прежде всего, «в фокусе внимания исследователей КДА находится анализ проявления этнического неравенства, национализма, ксенофобии» [10, с. 104]. Анализ контента британских газет показал, что по отношению к людям, приехавшим на жительство в Великобританию, употребляются номинации *иммигрант*, *мигрант* и *эмигрант*, различающиеся «степенью интенсивности негативной оценки номинируемого фрагмента действительности» [10, с. 107]. Так, «в политическом дискурсе Великобритании слово “иммигрант” является ключевым словом, причем имеет отрицательную коннотацию и обычно используется в негативных дискурсивных топиках, таких как “иммигранты и преступность”, “иммигранты и нелегалы”, “иммигранты как/и проблемы”, “им-мигранты и бремя для общества” и т. п.» [10, с. 107], в то время как «“эмигрант/эмиграция” используется в таких дискурсивных топиках, где человек не воспринимается и не расценивается негативно» [10, с. 110], наконец, «термин “мигрант” занимает промежуточную позицию между “иммигрантом” и “эмигрантом”, и его использование варьируется в разных контекстах», тем не менее он «функционирует в качестве замены лексемы “иммигрант” чаще, чем лексемы “эмигрант”» [10, с. 111].

В нашем исследовании были проанализированы все контексты, включающие словоформы, начинающиеся на *мигра** / *мигри**, *иммигр**, *эмигр** / *эммигр** (такое написание в русскоязычном дискурсе появилось под влиянием английского языка). Из корпуса объемом 119 203 документа, 28 727 494 слова, на запрос по маске *эмигр** было получено 3 358 документов, 12 751 вхождение, а по запросу *эммигр** – всего 4 документа,

4 вхождения: *Вторая стадия эмиграции...* [коллективный. Форум: Мацав (2010)]; *Вы что... хоспис для анлегал эмигрантов?* [Т. Соломатина. Акушер-ХА! Байки (2009)]; *Знаете, жизнь эмигранта не так уж и легка* [Женщина + мужчина: Брак (форум) (2004)]; *...Она часто переводчицей работает... в Эмиграционно-Натурализационном офисе...* [Н. Медведева. Любовь с алкоголем (1988–1993)].

Анализ полученных данных показывает, что концепт ‘эмиграция’ нашел отражение практически во всех возможных леммах: *эмигрант, эмиграция, эмигрантский, эмиграционный, эмигрировать*, а также *эмигрант-анархист* и др. Наиболее частотными сочетаниями являются *эмигрантская жизнь/литература/газета; вторая волна эмиграции, третья эмиграция, послевоенная/религиозная эмиграция*. Таким образом, эмиграция осмысляется исключительно как факт истории, но никак не феномен современной российской действительности. Пик внимания к феномену эмиграции наблюдается во второй половине 30-х гг. прошлого столетия. Среди сфер употребления превалирует публицистика – 71,9 %, на втором месте – художественная литература (19,16 %).

Результатом запроса по маске *мигра** стал результат 1 001 документ, 3 702 вхождения. Представлены леммы *мигрант, миграция, миграционный, дворники-мигранты*. Наиболее частотные сочетания: *легальные/трудовые/экологические мигранты; миграционная активность/подвижность/политика, миграционные потоки; внутренняя/международная/незаконная/нелегальная миграция*. Встретилось также новое понятие *коммерческая миграция – переход в средний класс*. Запрос по маске *мигри** дал 194 документа, 251 вхождение глагола *мигрировать*. Отметим, что повсеместно наблюдаются случаи употребления этого глагола в переносном значении, например: *Хозяин новые «мигрирующие стулья» прикупил: легкие, пластмассовые, разных цветов* [В. Тарасова. «Яблоня – рябина нас в гости звала...» // «Вечерняя Москва», 2002.07.18]. Формы глагола имеют пик употребления в 2009 г., а затем наблюдается плавное снижение, в то время как имена показывают устойчивый рост употребления с 2000 г. Основными сферами употребления имен/глаголов являются публицистика (54,2 % / 45,8 %) и учебно-научная литература (38 % / 39,4 %).

Таким образом, превалирует нейтральный фон употребления лексем, отражающих концепт миграции, и возрастание его актуальности в последнее время.

Наконец, запрос по маске *иммигр** дал 449 документов, 1 061 вхождение. Отметим, что всего 23 документа содержат 38 вхождений глагола *иммигрировать*. Таким образом, преимущественно представлены имена: *иммигрант, иммиграция, иммигрантский, иммиграционный, программист-иммигрант*. Пик употребления приходится на 2005 г. В отличие от двух

рассмотренных выше концептов, для лемм на *иммигр-* не наблюдается типичной сочетаемости, стоит отметить лишь новый, но актуальный для России феномен, вербализованный как *инвестиционная иммиграция*: *Известно, что в настоящее время многие страны мира предлагают свое резидентство или гражданство за внесение существенного вклада в экономику государства. Такое явление и называют «инвестиционной иммиграцией»* [Повестка дня // «Эксперт», 2015].

По отношению к внутренней ситуации России наблюдается дополнительная дистрибуция номинаций *мигрант* и *иммигрант*. Первая используется исключительно в случае внутренней миграции, а вторая – по отношению к мигрантам из других стран. В то же время, когда речь идет об иных странах, наблюдается свободное варьирование обеих номинаций. Фон по отношению к концепту *иммиграция* можно считать нейтральным. Осознается важность учета иммиграции при разработке «выверенной» национальной политики: *Для такого многонационального и многоконфессионального государства, как Россия, особенно важна выверенная национальная политика. Ее значение возрастает также в связи с иммиграцией – временной и постоянной – в нашу страну миллионов жителей других бывших республик Советского Союза* [Е. М. Примаков. Мир без России? к чему ведет политическая близорукость (2009)].

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что феномены эмиграции, миграции и иммиграции актуальны для русской лингвокультуры и находят стабильное отражение в языковом материале, прежде всего в публицистике. Феномен эмиграции интересен также авторам художественных произведений, а проблемам миграции и иммиграции уделяется внимание и в учебно-научной литературе. Наибольшую актуальность представляет сегодня феномен миграции, поскольку рекуррентность именно этого концепта показывает устойчивый рост с начала XXI ст. В отличие от Великобритании, слово *иммигрант* не является ключевым для российской действительности, и нельзя утверждать, что образ иммигранта представлен как угроза и опасность для общества.

Список использованной литературы

1. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.
2. Красных, В. В. Грамматика лингвокультуры, или Что держит языковую картину мира? / В. В. Красных // Экология языка и коммуникативная практика. – 2013. – № 1. – С. 133–141.
3. Федоров, М. А. Термин «лингвокультура» в аспекте теории культуры / М. А. Федоров // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2014. – № 6 (2). – С. 83–86.
4. Тверских, М. В. Дискурс социальных ценностей: структура и базовые дискурсивные практики / М. В. Тверских // Полит. лингвистика. – 2015. – № 4 (54). – С. 144–149.

5. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 314 с.
6. Екшембеева, Л. В. Дискурс как инструмент социальных практик / Л. В. Екшембеева, Ж. А. Нуршаихова, Г. А. Мусаева // Вопр. когнитив. лингвистики. – 2015. – № 1. – С. 89–96.
7. Wodak, R. Critical Discourse Analysis: History, Agenda, Theory and Methodology / R. Wodak, M. Meyer // Methods of Critical Discourse Analysis. – London : Sage, 2009. – P. 1–33.
8. O'Halloran, K. Overinterpretation and Underinterpretation: Help from Corpora in Critical Linguistics / K. O'Halloran, C. Coffin // Applying English Grammar. Functional and Corpus Approaches. – London : Arnold, 2004. – P. 275–297.
9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ruscorpora.ru. – Дата доступа: 15.11.2019.
10. Hart, C. Critical Discourse Analysis and Cognitive Science: New Perspectives on Immigration Discourse / C. Hart. – Basingstoke : Palgrave, 2010. – 191 p.
11. Матыцина, М. С. Иммигрант vs эмигрант – обзор британских газет с позиций критического дискурс-анализа / М. С. Матыцина // Яз. и культура. – 2018. – № 42. – С. 100–117.

Я. Р. Самуйлік, А. А. Дацкевіч (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)

ДА ФАНЕТЫЧНЫХ АСАБЛІВАСЦЕЙ ГАВОРКІ ВЁСКИ ЧЭРСК БРЭСЦКАГА РАЁНА

Вёска Чэрск размешчана ў межах Дамачаўскага сельсавета на рацэ Капаёўка, за 56 км на поўдзень ад раённага цэнтра горада Брэста. Паводле пісьмовых крыніц, паселішча ўпершыню згадваецца ў 1527 г. пад назвай Чэрнск. Гэта шляхецкая ўласнасць у складзе аднайменнага маёнтка Берасцейскага павета ВКЛ. На 14 лістапада 2019 г. у Чэрску налічвалася 111 жыхароў і 68 гаспадарак (апошнія статыстычныя даныя па гэтай вёсцы атрыманы ад супрацоўніка Дамачаўскага сельсавета Людмілы Міхайлаўны Жывановіч) [1, с. 95–99, 143, 242; 2, с. 18–19, 561; 3, с. 145].

Дыялектны матэрыял у вёсцы Чэрск (мясц. назва: *Черс'к*; жыхары: *чырн'ёны*, *чырн'укы^е*; *чырн'ук*; *чырн'учка*, *чэрс'ка баба*, *чырн'ёнка*) быў запісаны аспірантам Інстытута гісторыі НАН Беларусі А. А. Дацкевічам у розныя перыяды ад мясцовых жыхароў: Ганны Іванаўны Асяюк (1927 г. нар.) у снежні 2018 г., лютым і верасні 2019 г.; Паліны Георгіеўны Цярэшка (1940 г. нар.) у снежні 2018 г., верасні 2019 г.; Мікалая Іванавіча Блыскаша (1933 г. нар.) у сакавіку і верасні 2019 г.; Лідзіі Іванаўны Качалоўскай (1937 г. нар.), Марыі Пракопаўны Навумік (1942 г. нар.) у лістападзе 2019 г.; Ганны Іванаўны Герасімчук (1933 г. нар.), Марыі Нікафараўны Максімук (1937 г. нар.) у студзені 2020 г. Часткі вёскі, пашыраючыся з поўначы на поўдзень, маюць наступныя назвы: *Кунч'ёны*; *Сыел'ёны* (*Сыело*); *Булун'скы*, *Булун'ске*; *Навмыкы^е*; *Рудныц'ке*; *Кучуты^е*.

Для запісу дыялектнага матэрыялу экспаратарам былі выкарыстаны праграма “Атласа гаворак Выганаўскага Палесся. Фанетыка. Марфалогія. Лексіка” (дапрацаваны варыянт) [4, с. 32–35], “Программа полеского этнолингвистического атласа” [5, с. 21–36], інтэрв’ю (аўдыёзапісы).

Разгледзім асноўныя фанетычныя асаблівасці гаворкі вёскі Чэрск Брэсцкага раёна.

Для даследаванай гаворкі характэрны шасціфанемны склад галосных гукаў [i], [ы], [e], [a], [o], [y]. У першую чаргу адзначым такую спецыфічную рысу гаворкі, як рэалізацыя галоснага [y] на месцы гістарычнага *o ў ненаціскных складах пасля цвёрдых зычных, г. зн. уканне: *вуда́, хура́, дуро́на, куро́ва, хулу́ва, мулуко́, тулука́* ‘талака (калектыўная дапамога, сумесная праца)’, *холус, холут* ‘голад’, *горут* ‘горад’ і інш. Аднак у канцавых адкрытых складах этымалагічны *o захоўваецца: *с’іно, л’іто, жы́то, було́то, высо́ко* і інш.

Адной з найбольш яркіх і паказальных фанетычных адметнасцей гаворкі з’яўляецца вымаўленне галоснага [e] на месцы гістарычных *e, *ѣ, *a ў складах пад націскам пасля мяккіх зычных: *пур’эдок* ‘парадак’, *пом’е́w* ‘памяў’, *м’э́со* ‘мяса’, *м’э́та* ‘мята’, *хл’э́нула* ‘глянула’, *т’э́шко* ‘цяжка’, *пр’э́лы* ‘пралі’, *уз’е́w* ‘узяў’, *з’ет* ‘зяць’, *п’ет* ‘пяць’, *ж’э́ла* ‘жала’, *ж’ер* ‘жар’, *д’э́дко* ‘дзядзька’, *ш’э́пка* ‘шапка’, але *жа́ба, бойа́wс’а, йа́мка, йа́блыко* і інш.

Наступная выразная і значная асаблівасць гаворкі – гэта наяўнасць гукаў [i] (часам – [u], прыкметна больш пярэдняга за [ы], больш блізкага да [і]); пераважная большасць зычных перад гэтым галосным амаль заўсёды цвёрдыя) і [y] на месцы этымалагічнага *o ў новых закрытых складах пад націскам звычайна пасля мяккіх і цвёрдых губных: *w’іс, w’ін, w’іл, дв’ір, бил’ш* [6, с. 32, 151–152], *бул’ш, муй, твуй, свуй, пуйдеш* і інш. Аднак пасля пярэднязычных у акрэсленай пазіцыі пераважна ўжываецца гук [ы], пасля заднезычных – [і]: *ныс, ныш, сьл’, стьл, ны́шка*, але *ж’і́нка, р’і́w* і інш.; *к’ін’, к’ім, к’і́л’ко, ск’і́л’ки* ‘колькі’ і інш. Адзначым, што найбольш паслядоўна галосны [i] зафіксаваны на месцы націскага гістарычнага *ѣ, а таксама на месцы этымалагічнага *e ў закрытых складах: *л’іс, с’іно, сн’іх, л’і́то, хл’і́w, хл’і́n, св’і́т, д’і́т, w’і́т’ор, м’і́с’ац, р’і́чка, ц’і́вка, сус’і́т, п’і́вен’, д’і́вка, чулуw’і́к* ‘чалавек’, *дw’і́* ‘дзве’, *б’і́ла* ‘белая’, *гор’і́ло, р’і́залы* і інш.; *п’і́ч, с’і́м, ш’і́ст* ‘шэсць’, *йа́чм’і́н* і інш.

Вельмі адрознай і істотнай адметнасцю гаворкі з’яўляецца таксама рэалізацыя гука [ы^e] (сярэдні паміж галоснымі [ы] і [e]) у наступных пазіцыях: на месцы гістарычных *e, *ѣ ў першым пераднаціскным складзе пасля губных: *вы́сна, бы́да, вы́дро, мы́шок, пы́сок*; на месцы этымалагічных *e (*ь) у першым пераднаціскным складзе пасля гістарычных *з,

***н, *с, *т, *д:** *зымл'э* 'зямя', *ныма́*, *сылó*, *тып'ір*, *тып'іро*, *дын'ок* (ужываецца ў мове малодшага пакалення, варыянт *ден'* – у мове старэйшага пакалення); на месцы этымалагічнага ***і** ў націскных і паслянаціскных адкрытых складах пасля цвёрдых зычных: *рубы́ты* 'рабіць', *мы́ска*, *купы́ш*, *пыса́ты*, *забыра́ты*, *худы́ты*, *кусы́ты*, *ны́ва*, *ны́шка*, *лы́на*, *худы́лы*, *колы́*, але *лы́ты* і *л'іты*, *жы́то* і *жы́то* і інш. На месцы націскага ***ы** ў словах тыпу *сын*, *рыба*, *валы́* гук [ы] таксама ўжываецца непаслядоўна: *сын*, *рыба*, *сын*, *рыба*, *вулы́*. Аднак гістарычны ***ы** ў націскных складах пасля губных зычных пераважна захоўваецца: *хрыбы́*, *мы*, *бык*, *пыл*, *мыш*, *помы́ш*, *высы́ш*. Часам у акрэсленай пазіцыі выступаюць галосныя [e], [ы^е(и^е)], [i]: *вены́салы* 'выпісалі', *ме* 'мы', *вены́ш* 'выпіў', *вы́п'ій* 'выпі', *хливы́* 'хлявы', *вы́те* 'вы' і інш. Заўважым, што ў пераднаціскных складах у падобных умовах адзначаны гук [ы], у паслянаціскных складах – галосныя [i], [ы]: *бычо́к*, *высо́ко*, *пыса́ты*, *забыра́ты*, *зыма́* і інш.; *вы́п'ій*, *вены́ш*, *вены́салы* і інш.

Паказальная і характэрная асаблівасць гаворкі – гэта вымаўленне гукаў [i], [e] на месцы этымалагічнага ***е** ў паслянаціскных складах у наступных лексемах: *зайіц'*, *паміе́т'*. Аднак у пераднаціскных складах у акрэсленай пазіцыі зафіксаваны галосны [a]: *вз'ала́*, *хл'ад'іш*, *зл'ака́ш'а*, *зл'ака́тыс'а*.

І нарэшце, значнай і адрознай адметнасцю гаворкі ў галіне вакалізму з'яўляецца наяўнасць гукаў [y], [ы] на месцы паслянаціскага гістарычнага ***е** адпаведна ў словах *вечур*, *беры́ш*. Аднак у націскным становішчы названы этымалагічны галосны захоўваецца ў лексемах *дале́ко*, *уве́с* 'авёс', але *м'ім* 'мёд'.

Найбольш яркая і выразная асаблівасць гаворкі ў галіне кансанантызму – гэта рэалізацыя толькі цвёрдых зычных у наступных пазіцыях: губныя цвёрдыя перад гістарычнымі ***е** (ва ўсіх пазіцыях), ***ѣ** (у ненаціскных складах), ***і**, этымалагічныя ***з, *н, *с, *т, *д, *л** – перад гістарычнымі ***е** (***ь**), ***і**: *вы́сна́*, *беры́ш*, *вечур*, *ду мене́* 'да мяне', *першы́й*, *бы́да́*, *вы́дро́*, *мы́шок*, *пы́сок*; *забыра́ты*, *мы́ска*; *зымл'э*, *ныма́*, *сылó*, *тып'ір*, *тып'іро*, *дын'ок*; *зыма́*, *ны́ва*, *ны́шка*, *кусы́ты*, *худы́ты*; *а́лы* 'але', *лет'* 'ледзь', *по́ле*; *колы́*, *лы́на*, *худы́лы*, але *лы́ты* і *л'іты*.

Істотнай адметнасцю гаворкі з'яўляецца ацвярдзенне этымалагічных паўмяккіх ***д', *т'** перад ***е, *і**: *ден'*, *тып'ір*, *тып'іро*; *ты́хо*, *худы́ты*. Гістарычныя ж мяккія ***д, *т** захаваліся перад націскным ***ѣ** і на канцы дзеясловаў у форме трэцяй асобы адзіночнага і множнага ліку: *д'ім*, *т'ін*; *но́сыт'*, *хо́дыт'*, *но́с'ат'*, *хо́д'ат'*.

Паказальная асаблівасць гаворкі – гэта захаванне цвёрдых зычных у этымалагічных спалучэннях ***гы, *кы, *хы**, што ўзніклі пры ўтварэнні поўных форм прыметнікаў, а таксама ў пазіцыі перад галосным [e] ў пры-

метніках ніякага роду адзіночнага ліку: *доўхий, куро́ткий, то́нкий, ты́хий*; *доўхе, доўхуйе* ‘доўгае’, *куро́тке, тixe, тixуйе* ‘ціхае’.

Значнай адметнасцю гаворкі з’яўляецца рэалізацыя як цвёрдых, так і мяккіх гістарычных *р, *ж, *ч, *ш, *ц у пэўных пазіцыях: *пор’ёдок пур’ізаў, р’ічка, hr’ix, на двур’і, ж’інка, ж’ер, на мыж’і, ч’ібрэц’* ‘чабор’, *ч’етw’еро* ‘чацвёрта’, *д’іwч’етка* ‘дзяўчаткі’, *ш’ёпка, ш’іст’*, *мулудыц’а, кур’іц’а, ц’іўка, ц’іп, на кунц’і*, але *hрыбы, жы’то, hoчы, дурыхшы* ‘даражэйшы’, *цацка, хлопцы* і інш.

Адрозная асаблівасць гаворкі – гэта зычны *в, што паходзіць з *в, *л. У пазіцыі перад галосным, а таксама пасля галоснага гука перад зычным і ў канцавым становішчы ён даў рэфлекс губна-губнога [w] (зрэдку – губна-зубнога [v]): *wата, wуда, wol’ный, w’ім’ор, weчур, куро́ва, плыwu, лаўка, праўда, доўхий, купы’w; ц’іўка* і інш. Зафіксаваны губна-губны [w] і ў пачатковым становішчы перад зычнымі: *wз’ала, wнуч’і* ‘уночы’, *wпырыт* ‘раней’, *w хаты* ‘у хаце’, *w л’ісы* ‘у лесе’ і інш.

Вельмі яркай адметнасцю гаворкі з’яўляецца наяўнасць фрыкатыўна-фарынгальнага зычнага [h], часам – выбухнога [g]: *хустый, хорут, хурот* ‘агарод’, *hадына* ‘гадзюка’, *дуrho, hr’ix, доўхий, з ноhы, берыh* і інш.; *горсат* ‘традыцыйная жаночая безрукаўка’, *гарн’ец (жыта)* ‘старая мера сыпкіх рэчываў, роўная 3,28 літра, а таксама пасудзіна такой ёмістасці’, *на goзд’ax* ‘на цвіках’ і інш.

Выразная рыса гаворкі, уласцівая і літаратурнай мове, – гэта аглушэнне звонкіх зычных у канцавым становішчы, а таксама ў сярэдзіне слова перад глухімі: *w’іс, дуп, ныш, холут, дошч* і інш.; *zahатка, каска, нышка* і інш.

Істотнай адметнасцю гаворкі з’яўляецца таксама рэалізацыя на месцы этымалагічнага спалучэння “мяккі зычны + Ъ” у становішчы паміж галоснымі падоўжаных зычных: *нас’ін’н’е, hoсы’н’н’у* ‘восенню’, *кулос’с’е* ‘калоссе’, *сыл’л’ю* ‘соллю’, але *зело* ‘зелле’ і інш.

І апошняя паказальная і значная асаблівасць гаворкі ў галіне кансанантызму – гэта пашырэнне пратэтычнага [h] перад галоснымі [o], [y]: *hoзы’ро, honу’ча, hoчы, hoстрый, hurаты* ‘араць’, *hуский* ‘вузкі’, але *hoсы’н’* і *осы’н’*, *hулыц’а* і *улыц’а, ныйедноho, ныодноho* ‘ніводнага’ і інш.

Такім чынам, гаворка в. Чэрск Брэсцкага раёна характарызуецца цэлым комплексам фанетычных адметнасцей і адносіцца да паўднёвазагародскіх гаворак, адной з чатырох асобных разнавіднасцей заходнепалескіх, або загародскіх, гаворак [6, с. 150–157, 201–202, 204–206, 211–212; 7, с. 133–135, 136; 8, с. 22–24, 38–39].

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Вялікі гістарычны атлас Беларусі [Карты] : у 3 т. / Дзярж. кам. па маёмасці Рэсп. Беларусь ; рэдкал.: В. Л. Насевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Белкартаграфія, 2009. – Т. 1. – 244 с. – 1 атлас (244, [3] с.).
2. Памяць: Брэсцкі р-н: гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / рэдкал.: Г. К. Кісялёў [і інш.]. – Мінск : БелТА, 1998. – 574 с.
3. Гарады і вёскі Беларусі : энцыклапедыя / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2006. – Т. 3, кн. 1 : Брэсцкая вобласць. – 528 с.: іл.
4. Самуйлік, Я. Р. Атлас гаворак Выганаўскага Палесся / Я. Р. Самуйлік ; Брэсц. дзярж. тэхн. ун-т. – Брэст : БрДТУ, 2013. – 322 с.
5. Полесский этнолингвистический сборник : материалы и исслед. / Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения и этнолингвистики ; редкол.: Н. И. Толстой (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1983. – 288 с.
6. Крывіцкі, А. А. Дыялекталогія беларускай мовы : дапам. для філал. спецыяльнасцей ВНУ / А. А. Крывіцкі. – Мінск : Выш. шк., 2003. – 293 с.
7. Клімчук, Ф. Д. Гаворкі Берасцейскай вобласці / Ф. Д. Клімчук // *Gdzie bije źródło... Pieśni ludowe pogranicza Polski i Białorusi* / red. F. Czyżewski, A. Dudek-Szumigaj, M. Żygalova. – Lublin : Wisznice, 2015. – S. 129–143.
8. Клімчук, Ф. Д. Гаворкі Заходняга Палесся: фанетычны нарыс / Ф. Д. Клімчук ; рэд. М. І. Талстой ; Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – 126 с.

С. Г. Телетова (г. Сумы, Украина)**ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ТЕНДЕНЦИИ
В МОРФОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА**

Коренные преобразования, произошедшие в разных сферах общественной жизни в конце XX в., вызвали ускорение глубинных процессов во всех ярусах русского языка, в том числе и в его морфологическом строе. Следует отметить, что морфология в целом характеризуется крайне медленными темпами самодвижения и минимальной восприимчивостью к воздействию факторов внешнего порядка. Однако в современную эпоху за сравнительно короткое время в морфологической системе накопились многообразные изменения, которые являются результатом взаимодействия внутренних тенденций развития языка и экстралингвистических факторов. На эти изменения указывали в своих трудах Н. С. Валгина, В. Л. Воронцова, М. Я. Гловинская, К. С. Горбачевич, Л. К. Граудина, Н. Е. Ильина, В. А. Курдюмов, И. П. Мучник, М. В. Панов, Е. Н. Прокопович, В. Н. Шапошников и др. Практически единодушно исследователи наиболее яркой тенденцией грамматического развития русского языка признают «продвижение к аналитизму, который усматривается в тех случаях, когда грамматическое значение перестает выражаться словоформой, а передается средствами контекста (в широком смысле слова)» [1, с. 855].

Наступление аналитизма в морфологии, как отмечают И. П. Мучник и М. В. Панов [2, с. 11–13], может осуществляться разными путями. Усиление аналитичности грамматической системы языка в целом детерминируется такими процессами, как:

1) вытеснение в результате конкурентной борьбы синтетической формы синонимичной ей аналитической формой (например, постепенное упрочение аналитических форм сравнительной и превосходной степени имен прилагательных *более узкий, самый тихий* за счет синтетических *уже, тишайший*);

2) грамматикализация отдельных знаменательных слов, позволяющая использовать их вместо падежных флексий (в русском языке новых примеров нет);

3) исчезновение в парадигме одной из форм и переадресация ее функций другой форме, получающей способность передавать два значения. Этот процесс наблюдается в частности у существительных мужского рода, принимающих нулевую флексию вместо *-ов (-ев)* в родительном падеже множественного числа. Такие формы совпали с формами именительного падежа единственного числа (*бравый гусар – эскадрон гусар*);

4) восполнение недостаточности синтетических показателей падежных значений за счет контекста; например, определить падеж словоформы типа *любви* можно только в контексте: *жить без любви* (Р. п.), *отношение к любви* (Д. п.), *говорить о любви* (П. п.). Такое оформление грамматических значений ведет к увеличению элементов аналитизма в языке;

5) формирование нового грамматического класса аналитических слов. Так, в русском языке образовался разряд несклоняемых прилагательных: *кофе глясе, картофель фри, платье цвета хаки, стиль хай-тек, сумка макраме, жанр фэнтези* и т. д. Процесс становления этого класса слов начался еще в 20-е гг. XX в., однако сегодня круг подобных лексем значительно расширился, возросла и частотность их употребления.

Заметно активизировались и иноязычные имена существительные, их несклоняемость значительно укрепила свои позиции. Состав данной группы слов постоянно пополняется (*айс-ревью, афте-пати, биеннале, кеш-флоу, мультимедиа, нью-лук, фрисби, хэндс-фри* и т. д.). Популярность атрибутивной модели привела к формированию в русском языке преимущественно на базе иноязычных существительных класса так называемых полифункциональных слов, способных выступать в роли разных частей речи [3, с. 42]. Определить лексико-грамматическую отнесенность подобных слов можно лишь с опорой на контекст: *купить фастфуд* (сущ.) – *еда фастфуд* (прил.); *общаться в онлайн* (сущ.) – *смотреть фильм онлайн* (нареч.) – *онлайн-трансляция* (прил.).

Морфологическая неизменяемость подобных заимствований укрепи-лась, и этим русский язык отличается от других славянских языков, где отчетливо проявляется тенденция адаптировать такие слова и включать их в свою систему склонения [1, с. 860]. Так, например, в украинском языке склонение типа *пальто – пальта – у пальті* считается нормативным.

О росте аналитизма в словоизменении свидетельствует и употребле-ние антропонимов с конечными *-о*, *-е*, которые раньше склонялись, но постепенно стали переходить в разряд неизменяемых существительных [4, с. 158]. Эту группу составляют не только заимствованные имена собственные, оканчивающиеся на гласный (*Виардо, Пикассо, Фальконе*), но и русские фамилии на *-ово*, *-ево*, *-аго*, *-яго* (*Дурново, Деяго*), а также фамилии украинского происхождения на *-ко* (*Короленко, Довженко*). Тяготеют к неизменяемости и топонимы на *-ово*, *-ево*, *-ино*, *-ыно* типа *Широкино, Крюково*, которые в нормативных грамматиках рекомендуется склонять. Некоторые из этих имен до сих пор находятся в зоне колебаний при склонении, однако тенденция к их неизменяемости очевидна.

Активно пополняют класс несклоняемых существительных и различные типы аббревиатур. Большой степенью неизменяемости обладают буквенные и звуковые аббревиатуры, особенно оканчивающиеся на гласный (*ВТО, СТО, АТО, ОСС, ОПЕК*). Регулярным явлением в наше время стало заимствование аббревиатур. Это преимущественно названия новых информационных и компьютерных технологий, передающиеся латиницей (*PR, CD, CD-ROM, DVD*) или получившие в русском языке кириллическое написание (*ПК, СМС, ММС*).

Как видим, из перечисленных выше способов увеличения аналитичности грамматической системы практически все в той или иной степени были использованы русским языком в процессе его развития. К этому перечню можно добавить и такой путь натиска на синтетизм, как формирование редуцированных дефектных парадигм. Это явление мы наблюдаем, например, в кругу имен числительных (*семистами* вместо *семьюстами*). В разговорной речи наблюдается и несклоняемость отдельных компонен-тов составных числительных в косвенных падежах: с *девятьсот шесть-десять* тремя студентами. Под влиянием разговорной речи неправильное употребление косвенных падежей числительных встречается даже в пись-менной речи.

Сдвиги в употреблении числительных связаны с унификацией форм в результате действия тенденции к стандартизации математического языка (так, например, в устной речи математиков при конкуренции склоняемой и несклоняемой формы числительных побеждает последняя: *пять плюс че-тыре равно девять* (а не *девяти*), *шесть минус три* вместо *от шести от-нять три*), использованием количественных числительных в качестве ко-

довых определителей в номенклатурных наименованиях технических изделий (*ИЛ-96, Ан-225, Ми-3, ЗИЛ-4104, ЛуАЗ-1302, ИЖ-2126, ВАЗ-2120, ГАЗ-2217*), в названиях языков программирования (*Алгол-68, АВАР/4, ПЛ/1, X10, IC, Модула-3, Оберон-2, SQL-92*), версий различных приложений, программного обеспечения (*Windows 10, Word 2016, Офис 365*) и т. п.

Отмеченные языковые процессы свидетельствуют о внедрении в морфологическую систему элементов аналитизма в ущерб флективности. Тенденция к ослаблению роли падежа в русском языке вписывается в общую тенденцию увеличения аналитичности грамматического строя.

О движении грамматической системы русского языка к аналитизму свидетельствуют также изменения, произошедшие в группе существительных со значением лица, в частности в названиях лиц по виду деятельности, занимаемой должности, званию, специальности, профессии и т. д. При обозначении лиц женского пола род у таких существительных выражается синтаксически – формой сказуемого (глаголом прошедшего времени, причастием или прилагательным), согласуемыми формами определений, а также именем собственным того, о ком идет речь: *репортер организовала встречу, наша экскурсовод, директор школы Наталья Владимировна Ефремова*. При этом, как видим, нарушаются традиционные механизмы формальной сочетаемости слов.

Нельзя не отметить и еще одну форму усиления аналитизма в русском языке – употребление существительных единственного числа в обобщенно-собирательном значении: *Человек не может жить без надежды; Книга – лучший подарок; Школа должна не только обучать, а и воспитывать ребенка*. Подобные формы придают речи афористичность, выразительность, образность, поэтому они широко применяются в современной публицистике, художественной литературе, профессиональной речи. Причина распространенности данного явления состоит в затухании словообразовательной модели со значением собирательности. Активизация форм единственного числа со значением нерасчлененной совокупности поддерживается и социальными факторами.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что рост элементов аналитизма, отмечаемый в разных подсистемах русского языка, обнаруживается на морфологическом уровне в таких явлениях, как унификация реальных падежных употреблений, рост класса неизменяемых имен и укрепление их несклоняемости, формирование особого подряда существительных мужского рода, применяемых для обозначения лиц женского пола, контекстуальное выражение значения собирательности и обобщенной множественности формами, обозначающими единичность. Явления, отражающие стремление языка к аналитизму, имеют различный статус, находятся на

разных этапах своего развития, характеризуются разной степенью освоенности языковой системой. Реализации этих явлений способствуют различные социальные факторы. Однако в большей степени усиление черт аналитизма связано с внутренними закономерностями развития языка.

Список использованной литературы

1. Современный русский литературный язык : учебник / под ред. В. Г. Костомарова, В. И. Максимова. – М. : Юрайт, 2010. – 916 с.
2. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / под ред. М. В. Панова. – М. : Наука, 1968. – 368 с.
3. Новые тенденции в русском языке начала XIX века : коллектив. моногр. / под ред. Л. В. Рацибурской. – 4-е изд., стер. – М. : Флинта : Наука, 2016. – 304 с.
4. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие для студентов вузов / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2001. – 304 с.

В. М. Філософ (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)

АСАБЛІВАСЦІ ДЫЯЛЕКТНАЙ ЛЕКСІКІ КАМЯНЕЧЧЫНЫ

Камянецкі раён з'яўляецца самым заходнім у Брэсцкай вобласці, мяжуе з Польшчай. Камянеччына багатая на цікавыя лексічныя здабыткі, якімі мы вырашылі падзяліцца.

Разгледзім спосабы ўтварэння дыялектных слоў. Значэнне некаторых лексем, што ўжываюцца на Камянеччыне, звязана з метафарычным перасэнсаваннем літаратурных слоў беларускай мовы. Напрыклад, *басэтля* (размоўная назва кантрабаса) 'найбуйнейшы са струнных смыковых інструментаў, які мае рысы скрыпічнага сямейства і сямейства віёлаў' атрымала значэнне 'вялікі, шырокі твар': *Ну у юго і басэтля. Добрэ наів.*

Балванамі звычайна называюць невялікі абрубак дрэва, а таксама драўляную форму, зноў жа невялікага памеру, з дапамогай якой выпраўлялі капелюшы, пазней у прастамоўі так сталі называць дурных, недалёкіх людзей. Гэтак жа называюць невукаў і непісьменных людзей ці ж проста выказваюць сваё меркаванне аб разумовых здольнасцях. У нашай мясцовасці *балван* – гэта яшчэ і вялікая бульбіна, звычайна для прыгатавання дранікаў: *Наўбырай там балванув, гладкі картупляны зробімо.*

Слова *воўк* 'дзікая драпежная жывёла з роду сабачых' з прычыны знешняга падабенства колеру стала азначаць найменне насення некаторых раслін, што чапляюцца да адзення чалавека і поўсці жывёл: *Дэ можна было туюлькі лазыты, коб вувкув начэпляты.*

Макітра – ва ўсходніх славян шырокі гліняны конусападобны гаршчок з шурпатай унутранай паверхняй. Асноўнае яго прызначэнне – расціранне макавага, канаплянага або ільнянога насення макагонам. Беларусь і ўкраінцы часта выкарыстоўвалі макітру для падрыхтоўкі

хлебнага цеста. У нашай мясцовасці так называюць чыю-небудзь вялікую галаву: *Прыймы свую макітру. З-за іі нычого ны выдно.*

Устарэлае слова *ахмістрыня*, якое мае значэнне ‘жанчына, якая вядзе хатнюю гаспадарку ў багатым доме; аканомка’, стала асновай для пераасэнсавання і ўтварэння дыялектнай лексемы *мыстрэня* ‘жанчына, падобная да пані, з годнай хадою і высока ўзнятай галавою’. Прычына пераносу слова – падабенства ў паводзінах чалавека. *Маня зазналася, як мыстрэня ходыт.*

Цікава ўтворана слова *дрондыль* ‘тупы, неразумны чалавек’. У Камянецкім раёне доўгі час жылі людзі, якія мелі прозвішча Дрондзель, яны вызначаліся невялікім розумам, што і стала прычынай для пераносу значэння.

Асобныя дыялектныя лексемы з’яўляюцца запазычаннямі. Напрыклад, слова *гунтэр* ‘сабака’ мае ў аснове нямецкае *Hund* і суфікс *-эр*: *Бачыш, які гунтэр пубіг.*

Дыялектныя словы – важная частка багацця беларускай мовы.

ОТРАЖЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

А. У. Андрэева (г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)

МОНАЛЕКСЕМНЫЯ ТЭРМІНЫ ІНДУСТРЫІ ГАСЦІННАСЦІ Ў СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

Тэрміналогія індустрыі гасціннасці з’яўляецца найважнейшай часткай турыстычнай тэрмінасістэмы і ўяўляе сабой сукупнасць спецыяльных найменняў паняццяў сферы прадпрымальніцтва, якая спецыялізуецца на рынку паслуг, звязаных з прыёмам і абслугоўваннем гасцей (размяшчэнне, харчаванне, перавозка, рэкрэацыя). Спецыфіка тэрміналогіі індустрыі гасціннасці заключаецца ў адкрытасці і рухомасці яе межаў. Змяненне колькаснага складу тэрмінаў абумоўлена перш за ўсё экстралінгвістычнымі фактарамі: пашырэннем спектра асноўных і дадатковых турыстычных паслуг, укараненнем новых перадавых тэхналогій абслугоўвання кліентаў, развіццём матэрыяльна-тэхнічнага абсталявання прадпрыемстваў індустрыі гасціннасці і інш.

У сувязі з адсутнасцю ў айчынай лексікаграфіі тэрміналагічных слоўнікаў па індустрыі гасціннасці крыніцамі для даследавання паслужылі вучэбныя дапаможнікі па спецыяльнасці “Турызм і гасціннасць” [1; 2], навуковыя публікацыі, прысвечаныя пытанням развіцця гасцінічна-рэстараннага бізнесу, спецыялізаваныя электронныя выданні, якія змяшчаюць беларускамоўныя тэксты турыстычнай накіраванасці (напрыклад, [3]), даведачная літаратура (напрыклад, [4]).

Значнае месца ў тэрміналогіі гасцінічна-рэстараннага бізнесу займаюць моналексемныя тэрміны, якія намініруюць ключавыя паняцці сферы гасціннасці (*госць, гатэль, рэстаран, анімацыя, экскурсія, трансфер, курорт* і інш.). Многія з даследаваных аднаслоўных тэрмінаў шырока ўцягваюцца ў дэрывацыйны працэс і выступаюць у якасці базы для ўтварэння іншых тэрміналагічных адзінак – найчасцей шматкампанентных намінацый (напрыклад, *меню – статычнае меню, цыклічнае меню; экскурсія – аглядная экскурсія, тэматычная экскурсія, групавая экскурсія, індывідуальная экскурсія*).

Сярод зафіксаваных намі моналексемных тэрмінаў індустрыі гасціннасці вылучаюцца тры групы лексічных адзінак: невытворныя, вытворныя (дэрываты) і складаныя (кампазіты). Асноўная колькасць аднакампанентных намінацый прадстаўлена невытворнымі адзінкамі. Усе без выключэння невытворныя тэрмінаадзінкі гасцінічна-рэстараннага бізнесу адносяцца да субстантываў. Гэта не выпадкова, паколькі менавіта дадзены грама-

тычны клас слоў з'яўляецца галоўным сродкам выражэння ў мове спецыяльных навуковых паняццяў.

У функцыі тэрмінаў-слоў выступаюць агульныя назоўнікі (абстрактныя ці канкрэтныя), якія абазначаюць калектыўныя або індывідуальныя сродкі размяшчэння (*ратэль, бунгала, шале, хостэл, кемпінг, пансіён, санаторый* і інш.), спецыялізаваныя прадпрыемствы грамадскага харчавання (*рэстаран, кавярня, бар, паб, таверна, вар'етэ, бістро* і інш.), спецыялізаваныя прадпрыемствы сферы забаў (*клуб, музей, сафары* і інш.), разнавіднасці забаў, віды актыўнага адпачынку (*дайвінг, коркідж, парсейлінг* і інш.), асоб паводле іх прафесійнай дзейнасці ў сферы гасцінічна-рэстараннага бізнесу (*швейцар, парцье, метрдатэль, гід* і інш.), асоб – атрымальнікаў турыстычных паслуг (*госць, кліент* і інш.), месцы масавага адпачынку, купання, прыёму сонечных і паветраных ваннаў (*дэстынацыя, курорт, пляж, акваторыя* і інш.) і да т. п.

Як сведчыць прааналізаваны эмпірычны матэрыял, у тэрміналогіі гасцінічна-рэстараннай сферы пераважаюць невытворныя лексемы іншамоўнага характару, запазычаныя галоўным чынам з англійскай мовы. Дамінаванне тэрмінаў-англіцызмаў у многім тлумачыцца экстралінгвістычнымі прычынамі. Развіццё сферы турызму і гасціннасці адбываецца з арыентацыяй на замежны вопыт, пры гэтым турызм як сацыяльна-культурная і эканамічная з'ява характарызуецца высокім узроўнем развіцця менавіта ў англамоўных краінах. Таму англійскія тэрміны найбольш універсальныя і адпавядаюць патрэбам сучаснага этапу развіцця індустрыі турызму і гасціннасці [5, с. 165]. Акрамя англіцызмаў, у даследаванай тэрміналогіі вылучаюцца запазычанні з французскай мовы (*вар'етэ, апартаменты, кансьерж* і інш.), з нямецкай мовы (*курорт, маршрут, швейцар* і інш.), з лацінскай мовы (*кліент, адміністратар, акваторыя* і інш.). Адзначаюцца асобныя іншамоўныя тэрміны грэчаскага (*дэндрарый*), польскага (*кавярня*), іспанскага (*кафетэрый*) паходжання.

Частка спецыяльных найменняў прадстаўлена вытворнымі тэрмінамі, якія ўтвараюцца шляхам далучэння да матывавальных асноў афіксальных словаўтваральных фармантаў (суфіксаў або прэфіксаў).

У выніку праведзенага даследавання ўстаноўлена, што абсалютная большасць тэрмінаў-дэрыватаў утвараецца суфіксальным спосабам. У якасці матывавальных пры суфіксацыі выкарыстоўваюцца асновы трох часцін мовы – назоўнікаў, прыметнікаў і дзеясловаў. Рэпертуар суфіксаў, з дапамогай якіх ствараюцца тэрміны індустрыі гасціннасці, даволі шырокі – 12 дэрывацыйных фармантаў рознай ступені прадуктыўнасці. Адзначаюцца як уласныя словаўтваральныя сродкі (*-нн-, -к-, -цц-, -нік, -чык* і інш.), так і запазычаныя (*-ацы(я), -іст, -ер* і інш.). Пры гэтым колькасць спрадвечных суфіксальных фармантаў значна большая, чым іншамоўных.

Найбольш частотнымі ў тэрміналогіі гасцінічна-рэстараннага бізнесу з'яўляюцца суфіксальныя тэрміны-назоўнікі са значэннем працэсу або выніку дзеяння. Утвараюцца яны ад адпаведных дзеяслоўных асноў галоўным чынам пры дапамозе суфіксаў **-нн-**, **-енн-**. Напрыклад: *размяшчэнне* ← *размяшчаць*, *засяленне* ← *засяляць*, *высяленне* ← *высяляць*, *браніраванне* ← *браніраваць*, *рэзерваванне* ← *рэзерваваць*, *фрахтаванне* ← *фрахтаваць*. Радзей выкарыстоўваюцца суфіксы **-к-**, **-цц-** або **-ацы(я)**: *перавозка* ← *перавозіць*, *выбыццё* ← *выбыць*, *прыбыццё* ← *прыбыць*, *рэгістрацыя* ← *рэгістраваць*, *ануляцыя* ← *ануліраваць*. Адзначаны адзінкавы дэрыват (*паркоўка*), які побач са значэннем працэсу, выніку дзеяння выражае значэнне 'месца ажыццяўлення дзеяння'.

Шырока прадстаўлены адвербатыўныя намінацыі з агентыўнымі суфіксальнымі фармантамі **-нік** і **-чык (-шчык)**. Напрыклад: *наведвальнік* ← *наведваць*, *адпачывальнік* ← *адпачываць*, *перавозчык* ← *перавозіць*, *фрактоўшчык* ← *фрахтаваць*. Вытворныя тэрміналагічныя адзінкі рэалізуюць агульнае значэнне 'асоба, якая ўтварае дзеянне'.

Апошнім часам набываюць прадуктыўнасць тэрміны з суфіксам **-іст**, якія абазначаюць асоб у адносінах да сферы заняткаў. Напрыклад, *альпініст* ← *альпінізм*, *дайвінгіст* ← *дайвінг*, *рафтынгіст* ← *рафтынг*, *серфінгіст* ← *сёрфінг*, *віндсерфінгіст* ← *віндсёрфінг*. У якасці словаўтваральнай базы выступаюць запазычаныя тэрміны-назоўнікі (галоўным чынам англіцызмы) са значэннем актыўных відаў адпачынку.

Пэўную актыўнасць у тэрміналогіі індустрыі гасціннасці праяўляюць суфіксы **-ер** і **-атар**. Напрыклад: *гатэльер* ← *гатэль*, *рэстаратар* ← *рэстаран*, *аніматар* ← *анімацыя*, *кансалідатар* ← *кансалідацыя*. Суфіксальныя дэрываты матывуюцца запазычанымі назоўнікамі і служаць для намінацыі асоб паводле сферы дзейнасці або аб'екта дзейнасці.

Малапрадуктыўнымі можна лічыць тэрміны-назоўнікі з суфіксам **-асць**, што рэалізуюць значэнне адцягненай прыметы. Напрыклад: *гасціннасць* ← *гасцінны*, *сезоннасць* ← *сезонны*, *рэнтабельнасць* ← *рэнтабельны*. Маты-вавальнымі выступаюць адносныя прыметнікі.

Адзінкавыя тэрміны-дэрываты са значэннем асобы жаночага полу па прафесійнай прыналежнасці ўтвораны пры дапамозе суфікса **-к-** ад асноў адпаведных назоўнікаў мужчынскага роду: *афіцыянтка* ← *афіцыянт*, *кліентка* ← *кліент*.

Трэба адзначыць, што для тэрміналогіі індустрыі гасціннасці не характэрны аднаслоўныя тэрміны-дзеясловы. Выключэнне складаюць адзінкі, утвораныя пры дапамозе суфіксаў **-ава-**, **-ірава-** ад іншамойных субстантыўных асноў: *браніраваць* ← *бронь*, *рэзерваваць* ← *рэзерв*.

Прэфіксальныя тэрміны рэпрэзентаваны асобнымі найменнямі, утворанымі ад тэрмінаў-назоўнікаў пры дапамозе двух прыставачных

фармантаў: *не-* са значэннем адсутнасці (*незаезд* ← *заезд*, *няяўка* ← *яўка*, *несезон* ← *сезон*), *звыш-* з павелічальным значэннем (*звышбраніраванне* ← *браніраванне*).

Значны пласт аднакампанентных спецыяльных найменняў сферы гасціннасці складаюць кампазіты. Бясспрэчная перавага складаных тэрмінаў заключаецца ў іх эканомнай і адначасова семантычна ёмістай структуры [6, с. 5]. Усе зафіксаваныя тэрміны-кампазіты ўяўляюць сабой субстантывы, утвораныя на базе прыметніка і назоўніка або двух назоўнікаў. Складаныя тэрмінаадзінкі характарызуюцца падпарадкавальнымі семантычнымі адносінамі матывавальных асноў: яны змяшчаюць апорны кампанент (назоўнік) і папярэдняю аснову прыметніка або назоўніка з удакладняльнай, азначальнай функцыяй. Сярод складаных тэрмінаў індустрыі гасціннасці высокую дэрывацыйную актыўнасць праяўляюць: 1) кампазіты, у якасці першага кампанента якіх выступае ўсечаная аснова прыметніка грэка-лацінскага паходжання (*аграсядзіба*, *аўтатурыст*, *этнатур*); 2) утварэнні з нулявым інтэрфіксам, першым кампанентам якіх служыць назоўнік або радзей прыметнік (*бізнес-гатэль*, *кангрэс-круіз*).

Такім чынам, моналексемныя тэрміны індустрыі гасціннасці прадстаўлены невытворнымі, вытворнымі і складанымі адзінкамі. Прэваліруюць невытворныя спецыяльныя найменні, запазычаныя пераважна з англійскай мовы, якая на сучасным этапе з'яўляецца мовай міжнароднага турызму. Меншы пласт складаюць вытворныя тэрміналагічныя намінацыі, галоўным чынам суфіксальныя (назоўнікі і зрэдку дзеясловы). Найбольш распаўсюджаныя ўтварэнні з суфіксамі *-нн-*, *-енн-*, *-нік*, *-чык* (*-шчык*), *-іст*, *-ер* і *-атар*. Значнай актыўнасцю адрозніваюцца складаныя тэрмінаадзінкі, што ствараюцца з прыметніка і назоўніка або двух назоўнікаў.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Трацяк, І. І. Уводзіны ў турызм : метаад. рэкамендацыі / І. І. Трацяк. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 55 с.
2. Трацяк, І. І. Культурны турызм (культурна-асветніцкі турызм, культурна-пазнавальны турызм, этнакультурны турызм) : навук.-метаад. дапам. / І. І. Трацяк. – Гродна : ЮрСаПрынт, 2014. – 112 с.
3. Туризм и отдых [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tio.by>. – Дата доступа: 15.10.2019.
4. Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1996–2003. – 18 т.
5. Виноградова, Л. В. Терминология туризма английского и русского языков в синхронном и диахронном аспектах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Л. В. Виноградова ; Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2011. – 213 л.
6. Кербер, Е. В. Особенности синонимии в немецкой экономической терминологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Кербер ; Омск. гос. техн. ун-т. – Белгород, 2011. – 23 с.

І. І. Брага (м. Суми, Україна)

ДРУЖНЄ ЛИСТУВАННЯ НОСІЇВ СУРЖИКУ

Приватне листування як різновид дистанційного міжособистісного спілкування посідає неабияке місце в мовожитті соціуму.

Мовознавчі дослідження приватного листування традиційно здійснюються на матеріалі епістолярію видатних письменників та культурних діячів минулого. Зокрема, в українській лінгвістиці різноаспектно вивчається епістолярна спадщина Т. Шевченка (В. М. Русанівський, К. В. Ленець, К. Д. Глуховцева, С. К. Богдан, В. С. Калашник), І. Франка (К. В. Ленець, Л. Б. Мельник), Лесі Українки (К. В. Ленець, С. К. Богдан, Л. В. Бублейник, З. О. Мацюк, О. В. Нарушевич, М. Я. Фенко, І. Б. Черкез, С. М. Шевель), О. Кобилянської (С. К. Богдан, О. М. Палінська, І. Б. Черкез), Ю. Федьковича (І. Б. Черкез), П. Грабовського (К. В. Ленець), В. Стефаника (С. К. Богдан), Панаса Мирного (Л. І. Мацько), М. Коцюбинського (К. В. Ленець, Л. І. Мацько, І. Ю. Шпетюк, О. М. Красовська, А. О. Найрулін, І. Б. Черкез), М. Драгоманова, Б. Грінченка, Б. Лепкого, С. Єфремова, М. Грушевського, Є. Чикаленка, С. Крушельницької та ін. (І. Б. Черкез), І. Огієнка (О. М. Калита), (І. Б. Черкез), М. Зерова (Н. В. Павлик), В. Сімовича (С. К. Богдан), Ю. Шевельова (А. П. Загнітко), К. Білокур (С. К. Богдан), Г. Кочура (О. В. Братаніч), В. Стуса (С. К. Богдан, Н. В. Павлик) та ін.

Поза увагою науковців тривалий час залишалася епістолярна побутова практика пересічних мовців. Останнім часом з'явилися окремі наукові роботи, де студіюється російське некодифіковане писемне розмовне мовлення (О. А. Земська, М. В. Китайгородська, Н. М. Розанова, Н. Б. Лебедева), що зумовлено кількома чинниками як зовнішнього (процеси демократизації суспільства, що, зокрема, сприяли зняттю табу на дослідження раніше заборонених об'єктів; поява та активне функціонування інтернет-комунікації), так і внутрішньолінгвістичного характеру (антропологічний поворот у мовознавстві, що передбачає аналіз людини в мові та мови в людині (за Н. Д. Арутюновою)).

Утім в україністиці поки що немає робіт, присвячених вивченню некодифікованих сфер українського писемного розмовного мовлення. Наша праця якраз і покликана частково заповнити цю прогалину, оскільки її метою є аналіз композиційно-комунікативних особливостей дружніх листів носіїв українсько-російського змішаного мовлення.

Матеріалом роботи послуговували приватні дружні листи (листи до друзів, знайомих, кумів, листи з армії, листи закоханих тощо), написані мешканцями міст, містечок і сіл Сумської області, що є регіоном ком-

пактного проживання носіїв українсько-російського суржику. Цінність зібраного емпіричного матеріалу полягає в тому, що на сьогодні паперові приватні листа (а саме такі листи обрані для розгляду) практично вийшли з ужитку: старше покоління спілкується мобільним телефоном, а представники середнього і молодшого комунікують ще й за посередництвом електронної пошти, СМС-повідомлень, соціальних мереж, а також месенджерів (Viber, Facebook Messenger, Telegram, WhatsApp, Skype та ін.).

Як відомо, паперовий приватний лист, як і будь-який текст, складається із вступної (зачин), основної та завершальної частин.

Найтипівіший початок дружнього листа конструюється за схемою «привітання + звертання», яка і задає тональність тексту листа в цілому, вказує на соціальний статус і роль обох комунікантів. Мовне втілення зазначеної схеми наповнюється такими етикетними формулами з приблизно однаковою частотністю вживання: 1) **Здра(в)ст(в)уй/Здраст(в)уйте:** *Здрастуй Саша!; Здрастуй Надюша!; Здрайстуй, Надюшечка!; Здраствуй Валя; Здраствуй Оксана!; Здравствуй Вера!; Здрастуй, Наташа; Здрастуй Світлано; Здрастуй кума Оля и вся твоя родина; Здрастуй (Здравствуй) малишка.* 2) **Привіт:** *Привіт, Валю!; Привіт Надя!; Привіт, Світланко!; Привіт, мої дорогеньки майже родичі; Привіт всім! / А особливо Свете, Сергію, Тату (і її новому женіху), Насті і всім іншим; Привет Павлуша; Привет Валюшечка; Привет Люда; Привет Оксано; Привет Марино!; Привет Света; Привет мої любі Мутинчани* (у роботі ілюстративний матеріал подається без змін, із збереженням авторської орфографії, пунктуації і стилістики). Тільки в окремих випадках лист починається із звертання: *Кума Оля і кум Коля; Дорога Люда!*

У зачині багатьох листів подається також вказівка на адресанта, що, як нам видається, дозволяє кваліфікувати таку мовленнєву формулу як «початковий підпис», що має вираження: 1) **Пише тобі/вам:** *Як ти здогадалась пише тобі твій лучший друг Коля; Ти, мабуть, дуже здивувалась, коли получила мого листа. Але пише тобі я, твоя однокласниця Надя Бабич, чи може ти мене вже й забула?; пишуть Ваші куми, Льоша і Рая; Пише Вам із старого, забутого туристами міста Львова Ваша «тьотя» Наташа; Пише Вам, ваша майже львів'янка; з великою родостю пише вам сім'я Голенків.* 2) **з привітом:** *Із скучним привітом до тебе я Наташа; з великим привітом до тебе Раїса; з огроменним привітом до тебе Раїса; з привітом до тебе твоя подруга Наташа; Прийміть великий привіт од сім'ї Козлових.*

В окремих листах «початковий підпис» становить собою єдину вказівку на адресата, проте в більшості листів він разом із прикінцевим утворює своєрідну епістолярну анепифору.

Факультативними компонентами в зачині виступають вказівка на час написання листа, що здебільшого розміщуються в кінці листа (28.02.1987; 4.03.2010 р.; 17.02.97; 1994 р.; 6 лютого 1995 року). За нашими даними, тільки третина листів містить інформацію про час написання листа. Утім деякі адресанти поєднують привітання із вказівкою на місце перебування адресата: *Привіт (Привет) із Сум; Привіт Вам із Сумщини; Привіт з Котопта!; Привіт (Привет) з Шостки!; з привітом із Охтирки; Привет із Бочечок; Привет із армії.* У поодиноких випадках це єдина інформація про адресанта, і в такому разі ця мовленнєва формула функціонально наближається до «початкового підпису».

Майже в кожному листі згадується про характер попереднього листування з адресатом. У цьому компоненті, зокрема, йдеться про: 1) отримання листа від адресата: *Ви недавно писали нам то я рішила відповісти,* а також висловлення радісних емоцій: *Лист твій получила, була дуже рада* та почуття вдячності: *Я получила од тебе письмо за яке велике спасіба;* 2) відсутність листа від адресата: *Письма од тебе давно не було так я рішила написати тобі. а то і я давно тобі уже не писала;* 3) вибачення за затримку відповіді: *Отримала листа, але вибач, не змогла одразу написати;* 4) наявність вільного часу: *Ось після мого останнього приїзду вирішив написати тобі листа, бо є вільні хвилини; Ось найшла свободну минутку і рішила чирконуть тобі хоч пару слів, у т. ч. через погану погоду: Сьогодні іде унас дощ так я решила написати тобі письмо Давно ми вже з тобою не общались;* 5) виконання обіцянки: *Як і казала, одразу спішу написати тобі відповідь; як і обіцала я пишу письмо.*

Принагідно автори листів вітають адресатів із святами та важливими подіями в їхньому житті чи членів їхньої родини: *Вітаю Светочку з Дімою з женідьбою. Наша сім'я бажає вам всього найкращого, а головне любові, дуже за вас радіємо; Поперше поздоровляю тебе з міжнародним жіночим днём 8-го березня і жилаю тобі всього що сама собі хочеш. Поздрав од мого імені весь жіночій колектив больницы.*

Не менш ритуалізованою, ніж зачин, є завершальна частина листа. З-поміж найтипівіших мовленнєвих формул прощання назвімо такі: 1) **До побачення:** *До побачення; До побачення. / Пишіть як у Вас справи / Всього хорошого;* 2) **До свідання:** *Досвіданія; Досвіданія / Пиши / жду;* 3) **Пока:** *Пока; Пиши!!! Пока!!!; Ну все пока! Пиши!!!; Пиши жду ответа. / Пока; Не сумуйте, до нових зв'язей. Пока;* 4) **Позначення невербальних дій:** *Цілую, обнімаю; Цілую, обнімаю! Чекаю на відповідь; Скучаю і обнімаю!; на цьому буду закінчувать. Цілуем всіх; На цьому я з тобою прощаюсь. / Пиши обов'язково! / Цілуємо тебе!; Передавай всім*

привет. Цілую, обнімаю; 5) Висловлення прохання писати та очікування наступного листа: Пиши, дуже жду!; Буду ждати твого пісьма, пиши як там Мутин; Жду от вас весточку, всіх цілую та обнімаю. / Пока.

Як можна помітити, більшість прикладів являються собою поєднання кількох прощальних мовленнєвих формул. Класифікуючи етикетні висловлення, намагалися орієнтуватися на їхню «пріоритетну» семантику. Прикметно, що прощальні мовленнєві формули листів закоханих особливо вирізняються багатослівністю, повторами, експресивною пунктуацією та емоційно насиченою загальною тональністю. Наприклад: *Жду твого ответа, как соловей лета. Старайся відповідати зразу, не затягуй з листами тому що жду їх від тебе, як можна більше. / Цілую, обнімаю, Саша; Світланко, я буду закінчувать писати. Я кохаю тебе, чекаю листа від тебе! Чекай! Всім передавай привіт; Жду зустрічі з тобою / Скучаю!!! / Жду!!! / Цілую!!! / Цілую!!! / Дуже тебе люблю.*

Один із завершальних компонентів прощання – формула прихильності, яка здебільшого має таку конфігурацію: 1) «присвійний займенник 2 ос. одн. або мн. + ім'я адресанта», що може зазнавати поширення: *Твій друг Коля; Твоя малишка; Цілую. Твоя Таня; Твоя подруга / =Наташа=/ Пиши. Жду;* 2) «З повагою / з любов'ю + (присвійний займенник 2 ос. одн. або мн.) + ім'я адресанта»: *з повагою Вита; с ув. Вита; з любов'ю до тебе твоя Наталія.*

У кінці листа адресант ставить свій підпис: *Саша; Надя; Рая; Наташа, Сергій; кума.* Деякі листи містять підпис-графему, а третина листів взагалі не має жодних підписів.

Після завершальної прощальної формули адресанти можуть подавати дописки, що прийнято позначати як *P. S.* (лат. *Post scriptum* – ‘після написаного’). Наприклад: *P. S. Пиши і ти мені, не забувай про мене; P. S. Дуже, дуже жду твою відповідь; P. S. Ще раз вибач, що не зразу відповіла. Та я виправлюсь. Жду твого листа. Надіюсь на зустріч.* Як бачимо, наведені постскриптами фактично дублюють прощальні мовленнєві формули. Окремішно стоїть приклад постскриптуму (*Тільки не смійся з моєї чудної фамілії*), який вирізняється передусім оформленням (замість початкових літер використано дужки), а також індивідуалізованим змістом.

Отже, аналіз дружніх листів носіїв українсько-російського змішаного мовлення уможливив оприявити їх композиційно-комунікативних особливості. Встановлено, що адресанти досліджуваних листів здебільшого дотримуються жанрових канонів, але використовувані мовленнєві формули, як і мовлення листів у цілому, перебувають за межами кодифікованої літературної мови.

Є. Ю. Бурнос, Н. В. Громова (м. Суми, Україна)

СТРУКТУРНО-ГРАМАТИЧНА ХАРАКТЕРИСТИКА НАЗВ СТРАВ ТА НАПОЇВ У СУЧАСНІЙ УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ

Шлях до самоідентифікації та визначення людини у суспільстві лежить у першу чергу через пізнання власного коріння – самобутньої і неповторної культури українського народу. Українська кулінарія – це той елемент народної матеріальної культури, який є найбільш стійким у часі, найбільше зберігає традиційних і навіть архаїчних рис. Народна кухня – це така ж спадщина українського народу, як мова, література, мистецтво, це неоціненний здобуток, яким можна пишатися, який не слід забувати.

Багатотисячолітні кулінарні традиції українського народу відбиті в численних назвах страв та напоїв, серед яких є як дуже давні, так і зовсім нові, споконвічні і запозичені з інших мов. Цей прошарок лексики займає одне з провідних місць у системі лексикону за багатством та розмаїттям структурно-семантичних і граматичних форм і протягом декількох десятиліть викликає інтерес багатьох лінгвістів. Дослідження номінації, семантики явищ традиційної матеріальної та духовної культури певної нації належить до важливих завдань сучасної лінгвістики. Кулінарія є однією з найважливіших концептуальних сфер в житті народу. Комплексний аналіз даної групи здійснювався на матеріалі різних мов і у різних аспектах, а саме: лінгвокультурологічному, зіставному, семантико-семіологічному та лінгвокогнітивному.

У структурному плані назви страв та напоїв можна поділити на дві великі групи: прості (однослівні) номени та складені назви.

Більшість назв продуктів харчування становлять однолексемні номінації, оскільки саме вони подаються в тлумачних словниках. Серед простих назв зафіксовано порівняно невелику кількість слів з непохідними основами (*борщ, каша, хліб, сир, мед* та ін.), походження яких можна з'ясувати лише за допомогою етимологічних словників. Деякі слова колись мали похідну основу, однак втратили свою мотивованість. Так, загальнослов'янське слово *пиво* було утворено за допомогою суфікса *-в(о)* від *пити* і мало первинне значення 'напій взагалі'. Через опрощення морфемної структури основа цього слова перетворилася на непохідну.

Основну частину назв страв та напоїв національної кухні становлять похідні утворення власне українського походження. Більша частина назв страв утворена суфіксальним способом (близько 90 %) від дієслівних (≈ 40 %), прикметникових (≈ 30 %) та іменникових основ (≈ 30 %).

У віддієслівних похідних найчастіше вичленовуються суфікси *-к(а)*, *-ик*, *-аник*, *-ець*, *-нець*, *-анк(а)*, *-ин(а)*, *-иц(я)*. Пор.: *поливати* → *поливка*;

завивати → *завиванець*; *сьорбати* → *сьорбанка*. Значна частина віддієслівних похідних утворена від форм пасивних дієприкметників минулого часу: *варити* → *варений* → *вареник*, *варениця* і *варенуха* та ін. Крім наведених прикладів, віддієслівними утвореннями є також назви *товченка*, *тертуха*, *спотикач* та ін.

Від прикметникових основ назви їжі утворюються за допомогою суфіксів *-ик*, *-к(а)*, *-як*: *гречаний* → *гречаник*; *картопляний* → *картоплянка*, *картопляник*; *кров'яний* → *кров'янка*; *кислий* → *кисляк*.

Відсубстантивні похідні в аналізованому матеріалі найчастіше творяться за допомогою суфікса *-ник*: *огірочник*, *крупник*, *ячник* та ін. Продуктивними є також суфікси *-няк* (*капусняк*, *житняк*), *-івк-* (*ожинівка*, *вишнівка*, *перцівка*), *-ушк-* (*ватрушка*, *галушка*), *-ець* (*млинець*, *холодець*). Менш продуктивні суфікси *-ок* (*квасок*), *-иц(я)* (*киселиця*), *-ик* (*коржик*), *-ечк(о)* (*тістечко*), *-н(я)* (*яєчня*).

Інші способи відіграли незначну роль утворенні досліджуваної лексики. Близько десятка назв складають ті, що виникли префіксально-суфіксальним способом: *окрошка*, *ощипок*, *налисник*, *поверхнина* та деякі інші. Так, назва *налисник* є дериватом іменника *ліса* 'дерев'яна решітка'. У слові знайшов відображення давній спосіб випікання борошняних виробів на дерев'яних решітках [1, т. 4, с. 34].

Із дериватів, що утворилися за допомогою нульсуфіксального способу, можна назвати номен *вар*. Складно-суфіксальним способом утворилися слова *самогон*, діалектна назва міцної горілки *гострогляд*, назва страви *макорженик* 'корж з маком' [2, т. 4, с. 603]. Лексико-синтаксичним способом (злиттям) утворено дериват *запридух*. Морфолого-синтаксичний спосіб (субстантивація) реалізується в дериватах *холодне*, *пінна*, *мочена*.

Було виокремлено кілька назв страв, що виникли в результаті метафоричного переосмислення: *голубці*, *зубці*, *тетеря* та ін. Деякі назви постають шляхом метонімічного перенесення назви продукту, з якого виготовлена страва, на саму страву: *гречка* 'гречана каша', *кендюх* 'начинений м'ясом і приготований як страва шлунок тварини' [2, т. 4, с. 140].

Досліджувана лексика поповнюється також запозиченнями з інших мов, цей процес став значно інтенсивнішим в останні роки (*хот-дог*, *піца*, *паста*, *паелья*, *ризото*, *гамбургер*, *чизбургер*, *шаурма*, *суші*, *саке* тощо).

Багато кулінаронімів запозичено з французької мови: *пюре*, *бульйон*, *омлет*, *компот*, *суп*, *вінегрет*, *желе*, *суфле* та деякі інші. Також чимало назв страв прийшли з англійської (*біфитекс*, *бекон*, *кекс*, *сандвіч*, *пудинг*, *джин*), німецької (*вафля*, *паштет*, *шніцель*, *шнапс*), грецької (*кутя*, *паска*, *оладки*, *узо*), італійської (*салат*, *марципан*, *макарони*, *грапа*), тюркських мов (*ковбаса*, *балик*, *халва*, *пахлава*).

Значна кількість назв страв та напоїв запозичена із сусідніх мов – польської, угорської, румунської, значно менша – з російської, словацької та деяких інших. Так, історики мови вважають запозиченням із польської слово *мандрика* ‘виріб із тіста та сиру, що має форму коржика; вид сирника’ [3, с. 644], пор. пол. *małdrzyk*, ст.-пол. *maldr* ‘міра збіжжя’. Окремі мовознавці пов’язують його із схв. *мандара* ‘бовтанка, вид страви’, болг. *мандра* ‘кошара; літнє стійбище вівчарів, де доять овець, роблять сир і масло’ [2, т. 3, с. 381]. Запозиченнями з польської мови є також *верещака*, *полядвця*, *зуна*, *зрази*, *гербата*, *яржеб’як* ‘горобинова горілка’, *оковита* ‘горілка’ та ін. Полонізми найбільше відомі в північнокарпатських українських говорах. Багато з них знані і в інших українських діалектах за межами Карпат, а окремі є нормативними в українській літературній мові (*смалець*, *шинка*, *булка* та деякі інші).

Більшість запозичень з угорської мови вживаються лише у деяких говірках (закарпатських, північних карпатських), а номени *гуляш*, *лечо* стали нормативними в українській літературній мові. Запозиченнями з румунської мови вважаються *малай* ‘пиріг з кукурудзяної муки’, *бринза*, *мамалига*, хоча окремі мовознавці пов’язують походження цієї лексеми з болгарським *мамул* ‘кукурудза’ [1, т. 3, с. 373].

Російська мова поповнила українську лексику такими кулінарними назвами, як *кулеб’яка*, *розтягай*, *щі*. Вона виступає також посередником у запозиченні деяких назв страв з інших мов (*пельмені*).

Деякі назви страв утворилися в українській мові на базі запозичених основ. Проілюструємо це прикладом слова *пампушка*. Воно є суфіксальним похідним від *пампуха* ‘пишка’, що є запозиченням польського *rat-ruch*, яке в свою чергу пов’язане з німецьким *Pfannkuchen* ‘млинець, оладка’, утвореним способом складання компонентів *Pfanne* ‘пательня’ і *Kuchen* ‘пиріг’ [1, т. 4, с. 271].

Субстантивація прикметників – назв страв відбувається переважно у формі середнього роду (*солодке*, *молочне*), хоча в діалектах зафіксована і субстантивація форми жіночого роду (*пінна*, *мочена*). Серед власне іменників кількість слів чоловічого і жіночого роду приблизно однакова, а іменників середнього роду значно менше. Таке співвідношення відбиває загальну картину розподілу іменників за родами в українській мові. Проте кількість слів середнього роду поступово зростає за рахунок невідмінюваних іменників з основою на голосний (*барбекю*, *безе*, *ескімо*, *рагу* тощо). Також нами було виокремлено декілька кулінарнімів, що вживаються лише у формі множини (*драглі*, *сніжки*). Незначна кількість назв страв є збірними іменниками: *квашенина*, *здоба*, *мучне*, *питво*.

Складені номени можна поділити на декілька структурних типів:

1. Атрибутивні словосполучення, у яких означуваний компонент виражений іменником, а означення – прикметником або дієприкметником: *хліб житній, капуста запорізький, каша гарбузова, компот вишневий* та багато подібних. Порядок розташування опорного і залежного компонентів може варіюватися: *гарбузова каша, малиновий компот*.

2. Сполучення двох іменників, у якому один з компонентів виступає прикладкою: *закуска асорті, соус-хрін, соус болоньєзе, салат-грибок*.

3. Словосполучення, побудовані за моделлю «ім. у Н. в. + прийм. з + ім. у О. в.»: *суп з грибами, млинці з м'ясом, борщ з щавлем* та інші.

4. Словосполучення, побудовані за моделлю «ім. у Н. в. + прийм. з (із) + ім. у Р. в.»: *салат з капусти, компот із слив, наливка з ожини* та інші.

5. Словосполучення, побудовані за моделлю «ім. у Н. в. + прийм. в (у) + ім. у М. в.»: *гриби в сметані, лівер у соусі, карасі в сметані*.

6. Словосполучення, побудовані за моделлю «ім. + прислівник», у яких прислівник вказує на місце, де готують таку страву (*котлета по-київськи, крученики по-житмирськи*), або на інші особливості приготування: *макарони по-флотськи, печеня по-домашньому*.

На основі цих базових моделей можуть утворюватися різноманітні багатокомпонентні назви, у яких поєднуються названі структурні типи: *битки свинячі по-українськи; курячі крученики з грибною начинкою* тощо.

Отже, лексика, пов'язана з їжею та напоями, в українській мові багата й різноманітна. Основу її складають традиційні назви, що відзначаються стабільністю і протягом віків не зазнали суттєвих змін. Разом з тим внаслідок соціально-економічних зрушень певна частина номенів архаїзується: *бáнуш* 'страва з кукурудзяного борошна на сметані', *книш* 'пиріг із начинкою, що готується на весілля'; *чир* 'рідка каша з кукурудзяного борошна'; *коливо* 'поминальна кутя чи каша з пшениці, рису та ін. з солодкою підливою'; *кваша* 'страва з гречаного або житнього борошна з солодом, подібна до густого киселю' та ін. В окремих слів застаріли деякі значення. Так, лексеми *мед*, *квас* втратили в сучасній українській мові значення алкогольних напоїв.

Висновки. Збагачення тематичної групи «Назви страв та напоїв» одноклексемними одиницями відбувається в результаті словотворення, переосмислення слів та запозичення готових назв з інших мов. Більшість кулінаронімів утворені на українському мовному ґрунті. Контакти між народами-сусідами сприяли поповненню аналізованої тематичної групи численними запозиченнями. Цей процес значно активізувався останнім часом під впливом глобалізаційних тенденцій. У сучасній українській мові існує кілька базових моделей утворення багатокомпонентних назв страв

і напоїв. Такі словосполучення творяться на основі різновидів підрядного зв'язку – узгодження, керування, прилягання.

Список використаної літератури

1. Етимологічний словник української мови : в 7 т. / ред. кол.: О. С. Мельничук (гол. ред.) [та ін.] ; АН УРСР, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. – Київ : Наук. думка, 1982–2006. – Т. 1–5.
2. Словник української мови : в 11 т. / АН УРСР, Ін-т мовознавства ; за ред. І. К. Білодіда. – Київ : Наук. думка, 1970–1980. – 11 т.
3. Великий тлумачний словник сучасної української мови / уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – Київ : Ірпінь : Перун, 2002. – 1140 с.

Е. А. Валюк (г. Брест, Республика Беларусь)

**ТРАНСФОРМАЦИИ ВЕТХОЗАВЕТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ
ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ**

По словам М. А. Кронгауза, «блог на сегодня – главный жанр Интернета» [1, с. 4]. В новом типе общения – интернет-коммуникации – используются как традиционные, так и новые средства выразительности: крео-лизация в области графики, сознательные отступления от орфографических норм, смайлики и др. В данной работе исследуется использование в блогосфере такого традиционного образного средства, как фразеологизмы библейского происхождения. Разумеется, в рамках небольшого исследования невозможно рассмотреть все библеизмы (их можно насчитать более 200), мы рассмотрим лишь 17 фразеологизмов ветхозаветного происхождения *вавилонская башня, вавилонское столпотворение, во веки веков, всемирный потоп, дни его сочтены, древо жизни, запретный плод, злачное место, золотой телец, манна небесная, ноев ковчег, перст божий, притча во языцех, райские кущи, смешение языков, Содом и Гоморра, сотворение мира.*

«Живой журнал» (LiveJournal) – главное объединение блогов в России. Поиск по «Живому журналу» можно осуществлять при помощи русских подкорпусов собрания корпусов Лидского университета [2], откуда и получены нами все материалы по использованию библеизмов в блогах.

Анализ материала показывает, что ряд фразеологизмов используется в блогосфере без семантических и лексических трансформаций: *запретный плод* (135, из них со сказуемым *сладок* – 32), *золотой телец* (77), *вавилонское столпотворение* (5), *смешение языков* (8).

Чрезвычайно частотным в современной блогосфере является фразеологизм *злачное место* (232), который подвергается различным лексическим трансформациям: *злачное местечко* (9), *заведение* (13), *кафе, кабаки,*

бары, злачный район (5), аттракцион, злачные кварталы, переулки, улицы, закаулки (орфография автора блога), *пастбища, стремнины, уголки* и др. Первоначальное значение слова *злачный* совершенно стирается, семантика смещается в сторону ‘связанный с развратом’, что проявляется в появлении сочетаний данного прилагательного со словами *порнозакаулки, сайты, посты*. Показательны и следующие примеры: *злачные приметы и традиции; два злачных дня; ничего «злачного» не заметил*. Редко встречаются сочетания слов *на злачных пажитях (4) и на пажитях злачных*, демонстрирующие первоначальный смысл фразеологизма.

Фразеологизм *райские кущи* ни разу не встретился без лексических трансформаций: прилагательное заменяется на *эдемские, гавайские, поднебесные* и даже *хрущевские*. В одном примере использовано несогласованное определение: *Мечтали о кущах Заморского рая*. Регулярно подвергается трансформациям и фразеологизм *манна небесная*: встретились варианты *духовная манна, материальная манна, помойная манна* (ее ищет бродячая собака); дважды вместо фразеологизма используется просто существительное *манна*. Из 98 случаев употребления существительного *столпотворение* только в 4 оно имеет определение *вавилонское*, то есть и этот фразеологизм, по сути, подвергся усечению.

Лексической трансформации в 13 случаях из 75 подвергается фразеологизм *дни его сочтены*. Обычно существительное *день* заменяется диминутивом (*денечки сочтены*) или другими названиями отрезков времени (*минуты сочтены, месяцы сочтены*), часто с определениями: *все Ваши постные дни были сочтены; мгновения его славы сочтены; часы печалей сочтены; им сочтены другие дни, часы*. В последнем примере наблюдается лексическая ошибка: *сочтены* автор явно понимает как ‘суждены’. Дважды встречается вариант *волосы на голове его сочтены*, в одном примере грамматическим субъектом является слово *шаги*. И, наконец, мерилom срока жизни оказываются мегабайты: *Если вы читаете эти строчки, значит я законченный одноклассник и мегабайты мои сочтены!*

Довольно частотным является фразеологизм *во веки веков* (67 раз). В блогосфере он как используется в своем первоначальном значении ‘навсегда’, так и подвергается переосмыслению – употребляется в значениях ‘прошлое’ (а не будущее) и ‘при любых условиях, постоянно’: *во веки веков было и будет так; с видео у меня проблем нет – vlc рулит во веки веков, как под вендой, так и тут; Я на Божию милость надеюсь во веки веков!* Мы наблюдаем и лексические трансформации данного фразеологизма: вместо *ныне и присно и во веки веков* встречаются варианты *отныне и во веки веков, отныне и присно и во веки веков: Отныне и присно и во веки веков вы продавец смеха*. Лексическая замена *ныне* на *отныне* зафиксирована 11 раз.

Без лексической трансформации используется фразеологизм *притча во языцех*. Значение фразеологизма в основном сохраняется, однако встречается пример его употребления с положительной коннотацией: ...*Способность дяди Паши убалтывать людей является притчей во языцех* – например в городе Серры дядя Паша удачно попил кофе с местным кондитером, который подарил летней школе поднос сладостей. Между тем в словарях отмечается отрицательная коннотация данной фразеологической единицы: «О том, что получило широкую известность, стало предметом общих разговоров, вызывая неодобрение и насмешку» [3, с. 188].

Без заметных семантических и лексических трансформаций используется в блогосфере фразеологизм *сотворение мира* (118 раз). Из них 22 раза – с предлогом *от*, 6 раз – с предлогом *с* (*Окончание 13-го бактуна – важная дата от сотворения мира*). Однократно встречается в сочетании с предлогом *до*, причем в весьма странном контексте: *в давнюю при давнюю пору, может даже до сотворения мира, людей было буквально чуть-чуть* (орфография и пунктуация автора блога). Неясно, что автор понимает под сотворением мира, если, по его словам, до этого события люди уже существовали. Еще в одном случае фразеологизм распространяется существительным *начало*: *от начала сотворения мира*.

Библеизм *древо жизни* встречается 71 раз (из них 9 раз с существительным *дерево*). В некоторых случаях фразеологизм подвергается семантическому переосмыслению и употребляется с глаголом *зеленеет*, что отсылает читателей уже не к Ветхому Завету, а к «Фаусту» И. В. Гете (в переводе Б. Пастернака: *Теория, мой друг, суха, Но зеленеет жизни древо*). В одном примере *древо жизни* означает ‘позвоночник’.

Вавилонская башня в блогах упоминается 28 раз, в 9 случаях содержатся прямые отсылки к Библии, но в оставшихся примерах фразеологизм *вавилонская башня* используется как символ чего-то непомерно огромного, нелепого: *Воздвигли вавилонскую башню Съезда народных депутатов, и за два года развалили СССР; Почему она делает на голове вавилонскую башню, зацементированную лаком?; потеряла тонну настроения размером с вавилонскую башню!; Москва – это вавилонская башня наших дней, растущая не вверх, а вширь; требования были примерно такие – мне нужна вавилонская башня, но не дороже чем за 3 копейки*.

Фразеологизм *перст божий* часто подвергается лексической трансформации и в блогах встречается как *перст всевышних*, *перст Господен*, *невидимый перст судьбы* и др.

Встретился пример контаминации двух фразеологизмов – *ноев ковчег* и *всемирный потоп*, восходящих к одному библейскому сюжету: *и в новом ноевом потопе снам исступленным сдать сознание в плен*.

Во фразеологизме *Содом и Гоморра* встречаются орфографические ошибки: в 5 случаях из 86 во втором существительном одна буква *p*.

Таким образом, интерес к библейским фразеологизмам в современном интернет-дискурсе довольно высок, однако культура использования такой фразеологии оставляет желать лучшего.

Список использованной литературы

1. Кронгауз, М. А. Самоучитель олбанского / М. А. Кронгауз. – М. : Corpus, 2013. – 416 с.
2. Russian corpora [Электронный ресурс] // Centre for Translation Studies. – Режим доступа: <http://corpus.leeds.ac.uk/ruscorpora.html>. – Дата доступа: 07.05.2018.
3. Балакова, Д. Из библейской мудрости / Д. Балакова, Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – Грайфсвальд, 2015. – 344 с.

В. М. Генкин (г. Витебск, Республика Беларусь)

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ БЕЛАРУССКИЙ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Язык, как известно, чутко и достаточно быстро реагирует на изменения в жизни общества, в политике, экономике и т. д. События, которые произошли в 90-е гг. прошедшего века и существенно повлияли на характер социума, на систему экономических и социальных отношений, которые изменили политическую карту мира, естественно, не могли не найти отражения в языке вообще и в ономастиконе в частности. Имена собственные – это один из наиболее «социализированных» и в определенном смысле даже «политизированных» пластов лексики. Они представляют собой весьма четкий показатель социально-политического уклада и изменений в нем. Сказанное касается практически всех основных онимных пластов: антропонимов, топонимов, эргонимов и т. д. Именно в указанное время появились новые географические названия или видоизменились прежние: *Белоруссия* → *Республика Беларусь*, *Молдавия* → *Республика Молдова*, *Киргизия* → *Республика Киргизстан*, *Таллин* → *Таллинн*, *Караганда* → *Караганды*, *Алма-Ата* → *Алма-Аты* и др.

Новые названия (и особенно это касается названий государств) принимаются на законодательном уровне и имеют статус официальных. Сложнее обстоит ситуация со словами, которые образуются или могут быть образованы от географических названий.

Предметом нашего непосредственного рассмотрения будет относительно недавно появившееся и уже достаточно активно распространившееся в русскоязычном интернет-пространстве прилагательное *беларусский*, которое пишется с соединительной гласной *-а-* и тем самым нарушает орфографическую норму. Написание соединительной гласной *-а-* допускает-

ся справочником только в следующих случаях: «В словах *умалишенный, сумасшедший*, в словах с первыми частями *сорока-, полтора-, полтора-ста-...*» [1, с. 73].

Примеры употребления прилагательного *беларусский* были собраны в период с октября 2019 г. по январь 2020 г. включительно (приводим их с указанием на сайты-источники, прилагательные в примерах выделены нами – *В. Г.*):

reforme.by: «В документе признается, что высокая долларизация сбережений и обязательств, привязка к иностранной валюте при определении цен и тарифов, платежей, высокие инфляционные и девальвационные ожидания свидетельствуют о низком уровне доверия к **беларусскому** рублю». «По его словам, страна намерена к 2023 году присоединить свою энергосистему к европейской. Это будет означать отключение от **беларуской** и российской энергосистем».

Kyky.org: «33-летний **беларуский** художник Захар Кудин ушел из жизни 29 декабря 2019 года. У него остались родители, жена и 5-летняя дочь». «А мы передаем привет всем **беларуским** продавцам, МЧС, врачам, дворникам и фрилансерам».

Bolshoi.by: «Песни двух **беларуских** групп попали в список лучших в мире».

marketing.by: «Конфликт вокруг бутылки “Винокурни Нарочь”. Ученые, юристы и обычные люди выясняли, похожа ли упаковка **беларуского** коньяка на шотландский виски».

News.21by: «И нет в этом никакого интереса ни российским народам, ни **беларускому**».

На первоначальном этапе сбора материала сложилось было представление о том, что подобным написанием «грешат» сайты с российской «пропиской», однако позднее были найдены примеры и на сайтах с доменом *by* (см. выше).

Переходя к анализу, сразу подчеркнем, что мы намерены оценивать данный орфографический вариант не только и не столько с позиции лингвистической ортологии (хотя и этот момент не будет обойден вниманием), мы не ставим целью в очередной раз критиковать недостаточный уровень грамотности тех, кто публикует свои материалы на различных сайтах. Наша главная задача состоит в другом – дать лингвистическую оценку указанному новообразованию и даже в определенной степени оценить возможные перспективы его дальнейшего употребления.

Очевидно, что с учетом поставленной цели вначале есть необходимость охарактеризовать прилагательное *белорусский* с ономастических и социолингвистических позиций. Ономастика относит дериваты такого типа к числу адъектонимов – прилагательных, образованных от топоним-

мов. В совокупности с катойконимами (названиями лиц по месту их проживания или рождения) адъектонимы составляют основную группу оттопонимных производных и формируют своего рода «поле» топонима. Характеризуя деривативные отношения, нужно отметить, что адъектонимы и катойконимы являются важнейшими компонентами словообразовательного гнезда, в качестве вершины которого выступает географическое название. Для таких гнезд характерно частое наличие лакун, причем эти лакуны с учетом прогнозирующего характера словообразовательной парадигмы не только в значительной степени предсказуемы, но и нередко быстро заполняются. Нужно отметить, что лакуны гораздо реже возникают в области самой адъектонимии, то есть оттопонимные прилагательные – это в целом регулярный пласт дериватов, который в отличие от других оттопонимных производных обычно отражается в словарях.

Важно также подчеркнуть, что связь между географическими названиями и их производными отнюдь не замыкается на деривационном уровне. Не будет преувеличением сказать, что эта связь является генетической и проявляет себя на разных уровнях языка и в определенном смысле выходит за внутриязыковые рамки. В частности, изменение топонима, в том числе в результате переименования, приводит к изменению в характере дериватов. Это хорошо видно на примере слов, образованных от разных исторических вариантов названия города *Брест*. Изменения в именовании населенного пункта отражались в адъектониме и катойкониме: древний астионим *Берестье* имел производные *берестейский* и *берестейцы*, от варианта *Брест-Литовск* образовались лексемы *брест-литовский* и *брест-литовцы*, современная форма названия города обусловила появление и употребление слов *брестский*, *брестцы* и *брестчане*.

Соответственно, с момента принятия 19 сентября 1991 г. закона, установившего новую официальную форму именованья государства *Республика Беларусь*, вполне логично было ожидать, что могут появиться и производные от данного названия.

Хотя, как было отмечено выше, мы не были нацелены на сугубо нормативную оценку рассматриваемого новообразования, тем не менее считаем целесообразным обратиться к лексикографическим источникам и определить, насколько они могут помочь в решении данной проблемы.

Второе издание академического «Русского орфографического словаря», в аннотации к которому сказано, что в нем «объем увеличен на 20 тыс. единиц, в том числе **закрепившихся в употреблении в самое последнее время**» (выделено нами, – *В. Г.*), предсказуемо содержит только прилагательное *белорусский*, которое (обратим внимание!) сопровождается подаваемыми в скобках пометами «к *белорусы* и *Белоруссия*» [2, с. 47]. Для сравнения мы проследили подачу словарем аналогичных лексем, образо-

ванных от других этнонимов и топонимов, являющихся названиями государств. Прилагательное *литовский* сопровождается пометой – к *Литва* и *литовцы* [2, с. 343], *украинский* – к *Украина* и *украинцы* [2, с. 833]. В случаях, когда прилагательные, указывающие на отношение к государству и к его титульной нации, представляют собой разные лексемы, это тоже четко видно: *латвийский* к *Латвия* и *латышский* к *латыш* [2, с. 334]. Как видим, это самое большое по количеству фиксируемых слов лексикографическое издание (около 180 000 тысяч), вышедшее через полтора десятка лет после появления на территории бывшего СССР новых независимых государств и возникновения у них новых названий, не отражает такие топонимы и, как следствие, производные от них прилагательные. В словнике не находим отсылок к новым названиям – таким как, например, *Молдова* или *Киргизстан*. Естественно, что отсутствие словарной фиксации новых названий косвенно усугубляет проблему использования адъективных. Если адъективом *молдавский* характеризуется как относящийся к *Молдавия*, то как через соответствующее прилагательное выразить отношение к официальному названию страны *Республика Молдова*?

Обращение к другим лексикографическим источникам тоже не дало ответа на поставленный вопрос. «Словарь правильной русской речи» Н. В. Соловьева, изданный в 2008 г., предлагает прилагательное *белорусский* без каких бы то ни было помет [3, с. 39].

Созданный белорусскими авторами и рекомендованный в качестве пособия для учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения «Школьный словообразовательный словарь русского языка» содержит также прилагательное *белорусский* с указанием на то, что оно образовано от существительного *белорус* [4, с. 42].

Подводя итог, отметим следующее. Во-первых, появление новых географических названий или видоизменение старых регулярно приводит к изменениям в производных от них дериватах. Во-вторых, новые формы именования независимых государств постсоветского пространства потенциально, а в случае с прилагательным *беларусский* и реально, должны иметь новые дериваты. В-третьих, современная справочная литература нормативного характера не отреагировала на появление новых форм названий. В-четвертых, участники интернет-дискурса интуитивно используют формы, которые считают более соответствующими новым топонимам. Остается задать вопрос: получит ли прилагательное *беларусский* «официальную» прописку и станет ли оно общеупотребительным?

Список использованной литературы

1. Правила русской орфографии и пунктуации : полн. акад. справ. / под ред. В. В. Лопатина. – М. : Эксмо, 2009. – 480 с.

2. Русский орфографический словарь : ок. 180 000 слов / О. Е. Иванова [и др.] ; В. В. Лопатин (отв. ред.) ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ИРЯ, 2007. – 960 с.

3. Соловьев, Н. В. Словарь правильной русской речи : ок. 85 000 слов / Н. В. Соловьев ; ИЛИ РАН. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – 847 с.

4. Бордович, А. М. Школьный словообразовательный словарь русского языка : пособие для учреждений общ. сред. образования с белорус. и рус. яз. обучения / А. М. Бордович, М. М. Круталевич ; под. ред. А. М. Бордовича. – Минск : Аверсэв, 2011. – 639 с.

О. С. Горицкая (г. Минск, Республика Беларусь)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ РЕЧИ В БЕЛАРУСИ: ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ

На основании социолингвистических (официальный статус русского языка в нескольких государствах) и структурных признаков (различия в русской речи жителей различных стран) русский язык можно отнести к полицентрическим (M. Clyne, H. Kloss, R. Muhr и др.) и выделить белорусскую разновидность русского языка – высоковариативный идиом, который находится на этапе становления и развития.

Различия между национальными разновидностями русского языка не сводятся к специфике лингвистического инвентаря (наличию языковых единиц, которые встречаются только в одном идиоме). Мы также принимаем во внимание особенности функционирования языковых единиц, прежде всего их большую или меньшую частотность, свидетельствующую о специфике речевых привычек носителей русского языка, проживающих в различных странах.

Белорусская разновидность русского языка имеет специфические характеристики на всех уровнях, в том числе на лексическом. Своеобразие лексических единиц, характерных для Беларуси, проявляется на семном, семемном и лексемном уровне и касается как плана выражения, так и плана содержания языкового знака. Во-первых, в белорусском русском встречаются единицы, демонстрирующие различия плана выражения при совпадении плана содержания (лексико-семантические дивергенты, по А. Д. Швейцеру [1]). Кроме того, в русской речи белорусов встречаются семантические белорусизмы (лексико-семантические аналоги [1]), у которых наблюдаются различия плана содержания при совпадении плана выражения. Впрочем, полное совпадение плана содержания при различиях в плане выражения белорусизмов и их локально не маркированных аналогов наблюдается достаточно редко, и варианты, характерные для белорусской разновидности русского языка, часто имеют семантико-прагматическую специфику. Приведем один яркий пример: *Со словом*

«свядомы» произошло примерно то, что и со «змагаром»: в белорусском языке понятие указывало на человека с четкой белорусской идентификацией; человека, который никогда не будет хвалить Муравьева-вешателя, который осознает всю прелесть истории Беларуси и ее культуры и знает, кто с кем бился под Оршей и кто победил. В русский язык слово взято как абсолютный аналог киселевского «бандеровец» – кто-то взбесившийся, плохой, злонамеренный. «Свядомы» в русском языке – монстр, «озабоченный» «независимостью», который не любит Валерия Меладзе, не осознает солнечной красоты дуэта Баскова и Повалий и заставляет всех разговаривать на «мове», даже преподавателей физики в школе (Виктор Мартинович. Репрессированная лексика, или Какие белорусские слова взяты в плен русским языком?).

Цель данной работы – выявить формальные и семантические особенности лексических белорусизмов. Основным источником фактического материала послужил подкорпус «Живой Журнал» Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ, webcorpora.ru).

Форма. С формальной точки зрения лексические белорусизмы разнообразны. С одной стороны, это слова, значительно отличающиеся от их локально немаркированных соответствий: *мова* (ср. *язык*), *гольф* (ср. *водолазка*, *битловка*, *бадлон* и т. п.), *бурболка/бурбалка* (ср. *пузырь*) и др. С другой стороны, есть варианты, которые похожи на их «общерусские» соответствия по плану выражения (некоторые различия настолько незначительны, что можно говорить о фонетической и/или графической вариативности): *чабор* (ср. *чабер*, *чабёр*, *чебёр*, *чебер*; *чабрец*), *верас* (ср. *верес*; *вереск*), *сёння* (ср. *сёдня*, *сегодня*), *нешта* и *нехта* (ср. *нечто* и *некто*), *гэта* (ср. *это*), *слухать* (ср. *слушать*) и т. п. Примеров последнего типа (их можно назвать формальными вариантами) много ввиду структурного подобию белорусского и русского языков: по подсчетам А. Е. Супруна, «даже в такой сфере, как лексика, где различия проявляются с наибольшей силой, можно говорить о том, что лишь 10–20 % слов в белорусском тексте полностью отличаются от слов русского языка» [2, с. 16]. В результате близкие по звучанию слова схожи и по значению, при этом степень формальной и семантической близости может варьироваться: *дрыжыки* – *дрожь*, *корпаться* – *корпеть*, *трущит* – *трескать*. Некоторые варианты мимикрируют под русский язык, например, *рогатать* (ср. локально не маркированное русское *реготать* и белорусское *рагатаць*) или *плёхаться* (ср. «универсальное» русское *плюхаться* и белорусские варианты *плюхацца/плёхацца*). В отдельных случаях в разновидностях русского языка поразному протекают морфонологические процессы: ср. характерное для Беларуси *полдникат* и зафиксированное в словарях русского языка *полдничать*. Иногда у белорусизмов находятся пары среди производных русских

слов с другими аффиксами или непроизводные слова: *минчук – минчанин, ватовка – ватник, оводень – овод* и др.

Корпусной анализ показал, что частотность некоторых формальных вариантов варьируется по странам, что обусловлено влиянием контактирующих языков. Если в Беларуси более широко используются варианты *забобоны, шуфлядка, свядомы(й)*, то в Украине – *забобоны, шухлядка, свидомы(й)* и т. п.

Содержание. В некоторых случаях специфика белорусской разновидности русского языка проявляется в наличии или более высокой частотности (по сравнению с русским языком, функционирующим в России) омонимов или лексико-семантических вариантов многозначного слова. Особый интерес представляют случаи, когда под влиянием языковых контактов семантика слова «растягивается». Подобные точечные явления, которые слабо осознаются носителями, демонстрируют континуальность различий между идиомами.

Так, во всех русскоязычных странах глагол *бурить* используется в значении ‘сверлить, пробивать грунт и т. п.’ (наиболее частотные зависимые слова в ГИКРЯ – *скважину, лунку, землю, дырку, нефть*), но в белорусском лексема обозначает ‘разрушать, рушить’. Примеры контекстов, отражающих различные ситуации: *К мозаикам, пазлам, конструкторам, кубикам – равнодушен (интересуется, пока новое), нравится бурить, подбрасывать и расшвыривать* (ГИКРЯ, ЖЖ: *astra_naft*); *Так в этом же и прелесть! вязать – бурить – перевязывать – вплоть до получения идеала, или, по крайней мере, устраивающего вас результата* (ГИКРЯ, ЖЖ: *ru_knitting*, комментарии).

Лексема *вазон*, по словарям русского языка, обозначает цветочные горшки и уличные вазы для выращивания цветов. В белорусской разновидности русского языка это слово используется также для обозначения комнатных растений, например: *Казалось бы, все – конец уборке. Но, нет. Дурная голова рукам покоя не даёт! Дай-ка, думаю, полью цветочки. Поливаю три жалких вазона на окне и думаю: «А когда я последний раз гардины стирала?»* (ГИКРЯ, ЖЖ: *donnarozza2010*). Это естественный метонимический перенос, который в ряде случаев наблюдается и в других разновидностях русского языка, но в белорусском русском популярность данного значения поддерживается его наличием в белорусском языке (в [3] значение ‘комнатное растение’ идет на первом месте).

Приведем еще несколько примеров контактно обусловленных семантических белорусизмов (лексико-семантических аналогов): *дуреть* ‘баловаться, шалить, безобразничать, озорничать’ (часто о детях), *летник* в значении ‘летний лагерь’, *застенок* ‘небольшое поселение’.

Обсуждение результатов. Структурная специфика (в т. ч. лексическая) белорусской разновидности русского языка является результатом

языковых контактов, а также внутренних и социокультурных факторов развития идиома. Лексика тесно связана с внеязыковой действительностью и чувствительна к контактному влиянию, поэтому лексические особенности анализируемого идиома наиболее разнообразны и многочисленны, что обуславливает необходимость их анализа.

Среди интралингвистических факторов, имеющих особое значение для понимания функционирования языковых единиц, обсуждаемых в данной работе, выделяется такое свойство языкового знака, как его асимметрический дуализм: «Обозначающее (звучание) и обозначаемое (функция) постоянно скользят по “наклонной плоскости реальности”. Каждое “выходит” из рамок, назначенных для него его партнером: обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак» [4, с. 245]. Данное свойство языкового знака обуславливает, с одной стороны, пополнение белорусской разновидности русского языка контактно обусловленными и внутри-системными лексическими единицами, которые являются синонимами локально не маркированных слов, а с другой стороны – появление новых значений у имеющихся лексем. Асимметрия языкового знака объясняет и «незаметность» семантических белорусизмов (они часто не осознаются носителями): «...Мы постоянно транспонируем, употребляем переносно семантическую ценность знака. Но мы начинаем замечать это только тогда, когда разрыв между “адекватной” (обычной) и случайной ценностью знака достаточно велик, чтобы произвести на нас впечатление» [4, с. 244]. В близкородственных языках изменения, являющиеся следствием асимметрии языкового знака, могут протекать по-разному. При этом необходимо учитывать, что в процессе языковой эволюции взаимодействуют различные факторы языковых изменений (в частности, языковые контакты усиливают заложенные в языке тенденции), что определяет облик идиомов, возникших в контактных условиях.

Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (проект Г18М-062).

Список использованной литературы

1. Швейцер, А. Д. Различия в лексике американского и британского вариантов современного литературного английского языка / А. Д. Швейцер // Вопр. языкознания. – 1967. – № 2. – С. 65–72.
2. Супрун, А. Е. Содержание обучения русскому языку в белорусской школе / А. Е. Супрун. – Минск : Вышш. шк., 1987. – 228 с.
3. Глумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / рэд. І. Л. Капылюў. – Мінск : Беларус. энцыкл. імя Петруся Броўкі, 2016. – 968 с.

4. Карцевский, С. И. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С. И. Карцевский // Из лингвистического наследия / С. И. Карцевский ; сост., пер. с фр., вступ. ст. и коммент.: И. И. Фужерон, Ж. Брейар, Ж. Фужерон. – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – Т. II. – С. 239–245.

А. А. Кирдун, А. В. Андреева (г. Минск, Республика Беларусь)

НЕГАТИВНАЯ ОЦЕНКА ЛИЧНОСТИ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ВЕРБАЛЬНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ «ОСКОРБЛЕНИЕ»

Исходя из диспозиций ст. 9.3 КоАП Республики Беларусь и ст. 189 УК Республики Беларусь, оскорбление – это «умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме». Оскорбление лица может быть осуществлено посредством бессловесных и словесных (вербальных) действий. Однако чаще всего имеет место словесное оскорбление, когда «устно или письменно человеку адресуется неприличное высказывание, ругательство, унижительное прозвище. Отрицательная, резко критическая оценка личности, которая дана в приличной форме, не является оскорблением» [1, с. 410].

Если при расследовании или судебном разбирательстве дел по указанным категориям возникает необходимость установления фактов, связанных с содержанием и формой спорных речевых произведений (далее – СРП), то в таком случае назначается судебная лингвистическая экспертиза (далее – СЛЭ). Объектом исследования может быть как отдельное высказывание, так и высказывание в составе текста (в том числе креолизованного, т. е. включающего изображение, коррелирующее с вербальной частью). Сущность экспертного лингвистического исследования заключается в установлении наличия или отсутствия в СРП совокупности лингвистических признаков оскорбления: 1) негативной оценки личности и 2) неприличной языковой формы этой оценки [2; 3]. В данной статье в центре внимания находится методика выявления негативной оценки личности.

Экспертом применяется общий метод, который заключается в экспликации смысловых компонентов, важных для решения поставленного вопроса, путем семантической декомпозиции и синонимического перефразирования смысла сказанного (написанного) на основе его лингвистического анализа. В операционной части сначала производится **семантическая декомпозиция** содержания высказывания, т. е. разбиение его на семантические компоненты определенного типа. Это требует от эксперта знаний о семантической структуре значений и навыков анализа ее составляющих. Затем устанавливается то конкретное **значение**, которое имеют выделенные компоненты. Лингвист опирается на свои знания о

значении и употреблении использованных говорящим (пишущим) средств выражения этого значения, а также на знание особенностей коммуникативной ситуации. Установленное значение (выраженное самыми разными способами, вплоть до невербальных) **эксплицируется**, т. е. вербализуется при помощи **синонимического перефразирования** и предъявляется [4, с. 124].

Семантическая декомпозиция предусматривает выделение трех семантических компонентов, обязательных для любого высказывания [2–7]: пропозитивного (денотативного) – устанавливается предмет речи и то, что о нем сказано (предметно-тематический анализ); оценочного – устанавливается отношение говорящего к предмету речи (анализ отношения автора, т. е. оценочно-экспрессивный анализ); иллокутивного – устанавливается желаемое состояние адресата, о котором ему сообщается прямо или косвенно (целевой анализ). При установлении значения всех компонентов смысла обязательен учет особенностей коммуникативной ситуации, в которых реализовано СРП.

В ходе предметно-тематического анализа устанавливается: 1) является ли предметом речи конкретное лицо, указанное в вопросе (гражданин / должностное лицо), или иное лицо, не указанное в вопросе (группа лиц, литературный персонаж, какое-либо действие и др.); 2) что именно сказано (сообщено) о предмете речи.

В ходе оценочно-экспрессивного анализа устанавливаются:

- 1) все выраженные в СРП значения оценочно-экспрессивного типа:
 - общая оценка типа «хороший/плохой»: как автором оценивается предмет речи – как хороший или плохой;
 - эмоциональная (экспрессивная оценка) «нравится / не нравится»: какое эмоциональное отношение к предмету речи выразил автор;
 - оценка типа «достойн/недостойн предмет речи определенного социального статуса и соответствующего ему отношения»: какая статусная оценка автором дана предмету речи (достойн или недостойн, равен или не равен, заслуживает или не заслуживает нормальной или высокой оценки, занимаемой должности, соответствующего звания и т. д.) и каковы языковые средства ее выражения. Следует отметить, что термин «социальный статус» уже прочно вошел в обиход лингвистики и применяется для обозначения положения индивида в обществе, его постоянного или временного места в социальных иерархиях разного типа, определяющего взаимоотношения с другими членами общества (см. работы В. И. Карасика, И. Е. Кима, В. В. Леонтьева, Н. А. Бигуновой, Е. А. Быгановой и др.). Социальный статус человека связан с его физическими, интеллектуальными, моральными, профессиональными и иными качествами. Как отмечается в монографии профессора В. И. Карасика, «без учета социального статуса

участников общения само по себе общение носит искусственный либо провокационный характер» [8, с. 4]. Высказывание как коммуникативная единица всегда ориентировано на участников коммуникации с точки зрения их социального статуса;

2) что является непосредственным объектом оценки – личные качества лица или же его действия, поведение, поступки. Эксперту следует дифференцировать оценку личных качеств человека и оценку действий, конкретных поступков лица.

В ходе лингвистического целевого анализа устанавливаются речевые цели, реализованные в спорном речевом произведении, и языковые средства выражения (эксплицитные и имплицитные). В семантической структуре предложения выделяется дополнительный к пропозициональному содержанию компонент – иллокутивный, или прагматический, характеризующий условия употребления этого предложения, и, в первую очередь, – цель, с которой оно используется. Поэтому в ходе экспертного исследования важно обратить внимание не только на то, **как сказано**, но и **для чего** сказано.

Речевая (или коммуникативная) цель – это сообщаемая адресату информация о том, зачем производится то или иное речевое действие (типовая совокупность речевых действий). Речевые цели формулируются с помощью метаглаголов: *информировать, спросить, побудить, одобрить, посоветовать, потребовать* и др. Речевая цель, которую выражает говорящий при порождении высказываний оскорбительного характера, связана с информированием о негативном (презрительном, неуважительном) отношении к предмету речи. Эта речевая цель в высказывании может сопровождаться и иными речевыми целями [2, с. 36–44].

Следует учитывать, что наличие в СРП негативно-оценочных лексических единиц не всегда свидетельствует о реализации речевой цели «информирование о негативном (презрительном, неуважительном) отношении к предмету речи». Например, в случае дружески-грубофамильярного («амикошонского») приветствия негативно-оценочное значение обценной лексемы нейтрализуется, и, следовательно, речевая цель «информирование о негативном (презрительном, неуважительном) отношении к предмету речи» не реализуется.

При установлении речевых целей следует учитывать, что обценные слова многозначны и могут выступать в разговорной речи в функции междометных слов и слов-заполнителей речевых пауз для выражения всей гаммы человеческих эмоций: гнева, возмущения, изумления и даже восторга. В таком случае употребление обценной лексики не предполагает интенции оскорбления со стороны говорящего.

Определение реальных целей, которые преследовал говорящий (пишущий), порождая то или иное высказывание, выходит за пределы компетенции эксперта-лингвиста.

Вывод о наличии негативной оценки в СРП выносится в том случае, если в нем выражена совокупность следующих компонентов значения: 1) предметом речи является личность лица, указанного в адресованном эксперту вопросе, и/или личные качества этого лица; 2) выражено негативное (презрительное, неуважительное) отношение к предмету речи (т. е. к лицу, указанному в вопросе), превосходство над ним, имеет место выражение статусной оценки 'ты мне не равен, ты не достоин нормальной или высокой оценки'; 3) выражена речевая цель – «информирование о негативном (презрительном, неуважительном) отношении к предмету речи (т. е. к лицу, указанному в вопросе), демонстрация этого отношения».

Список использованной литературы

1. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – Минск : Гос. ин-т управ. и соц. технологий БГУ, 2010. – 1063 с.
2. Изотова, Т. М. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении / Т. М. Изотова, В. О. Кузнецов, А. М. Плотникова. – М. : ФБУ РФЦСЭ при М-ве юстиции Рос. Федерации, 2016. – 90 с.
3. Кирдун, А. А. Методика производства судебной лингвистической экспертизы, назначаемой по делам, связанным с вербальным оскорблением (проспект) / А. А. Кирдун, А. В. Андреева // Актуальные проблемы судебно-экспертной деятельности в уголовном, гражданском, арбитражном процессе и по делам об административных правонарушениях : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Уфа, 12–13 окт. 2017 г. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2017. – С. 93–100.
4. Кукушкина, О. В. Методы анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе / О. В. Кукушкина // Теория и практика судеб. экспертизы. – 2016. – № 1 (41). – С. 118–126.
5. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
6. Кукушкина, О. В. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму / О. В. Кукушкина, Ю. А. Сафонова, Т. Н. Секераж ; ФБУ «Рос. центр судеб. экспертизы при М-ве юстиции Рос. Федерации». – М. : ФБУ РФЦСЭ при М-ве юстиции Рос. Федерации, 2014. – 98 с.
7. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе : метод. пособие / А. М. Плотникова [и др.] ; под ред. С. А. Смирновой ; М-во юстиции Рос. Федерации, Федер. бюджет. учреждение Рос. федер. центр судеб. экспертизы. – М. : ФБУ РФЦСЭ при М-ве юстиции Рос. Федерации, 2018. – 136 с.
8. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М. : Ин-т языкознания АН СССР ; Волгогр. пед. ин-т, 1991. – 495 с.

А. А. Куц (г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)

СЕМАНТЫЧНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ МОЎНЫХ СРОДКАЎ АБАЗНАЧЭННЯ ПЕРАМОГІ Ў БЕЛАРУСКАМОЎНЫХ ГАЗЕТНЫХ ТЭКСТАХ

На падставе газетных тэкстаў корпусных даных беларускай мовы [1] праведзена даследаванне семантычных асаблівасцей моўных сродкаў абазначэння перамогі. Тэксты газетна-публіцыстычнага стылю з’яўляюцца найбольш спрыяльным матэрыялам для актуалізацыі *перамогі* ў моўнай свядомасці беларусаў. Пад *актуалізацыяй* разумеем рэалізацыю ў канкрэтнай маўленчай сітуацыі патэнцый (магчымасцяў) віртуальнага знака (знака ў мове) [2, с. 37]. Адбор кантэкстаў праводзіўся метадам суцэльнай выбаркі з корпуса [1].

Пры аналізе была выкарыстана класіфікацыя “Форм уздзеяння кантэксту на значэнне”, прапанаваная І. А. Сцерніным [3, с. 88–101]. Аднак мы мяркуем, што не кантэкст уздейнічае на значэнне слова, а менавіта слова рэалізуецца ў адной са сваіх патэнцый, і ў залежнасці ад інтэнцыі гаворачага рэалізаваць тое ці іншае значэнне слова будзе падабрана адпаведнае лексічнае акружэнне.

Значэнне слова на ўзроўні мовы і на ўзроўні маўлення мае істотныя адрозненні. У Тлумачальным слоўніку беларускай мовы лексема *перамога* мае два значэнні: 1) поспех у змаганні (вайне, баі і пад.) // поспех у працоўным або спартыўным спаборніцтве // поспех у ажыццяўленні чаго-н., дасягнуты ў выніку барацьбы, пераадолення якіх-н. цяжкасцей; 2) поўны поспех, трыумф’ [4, т. 4, с. 202]. Разгледзім, як актуалізуецца слова *перамога* ў газетна-публіцыстычным стылі.

Крытэрыі 1. У кантэксце актуалізуецца адно са значэнняў мнагазначнага слова [3, с. 88]. Вызначыць, якое менавіта значэнне актуалізуецца, дапамагаюць своеасаблівыя маркеры, вылучаныя хвалістай лініяй.

Перамога ў значэнні 1 ‘поспех у змаганні (вайне, баі і пад.)’.

Перамога савецкага народа ў¹ вайне², роўнай якой яшчэ не было ў гісторыі³ чалавецтва, паказала ўсю веліч, жыццяздольнасць і ўстойлівасць⁴ савецкага грамадскага і дзяржаўнага ладу [Звязда; Аднаўленне гаспадаркі]. Маркер значэння 1 “ў” неаднаразова ўжываецца разам са словам *перамога* толькі ў першым значэнні. Маркер 2 паказвае на форму змагання. Маркеры 3 і 4 паказваюць на ‘поспех у змаганні’, а 4 асобна паказвае на ‘змаганне ў форме супраціўлення, адстойвання, абароны’.

...І ў бітве¹ пры Гарадзечне Тармасаў вымушаны быў адступіць, не здолеўшы развіць поспех² [Звязда; Акцэнты тыдня з Вадзімам Гігіным].

Маркеры значэнняў: 1 – слоўны паказальнік ‘формы змагання’, 2 – паказальнік ‘поспеху ў дасягненні чаго-небудзь’.

Перамога ў значэнні 1 + адценне 1 ‘поспех у працоўным або спартыўным спаборніцтве’.

Перад тым, як павіншаваць¹ журналістаў з перамогай у творчым спаборніцтве²... [Звязда; Галоўны крытэрыў ніхто не адмяняў]. Маркер 1 паказвае на ‘вітанне, услаўленне ў выпадку поспеху’. Маркер 2 – паказальнік ‘формы працоўнага спаборніцтва’.

Наколькі ўскладняўся шлях¹ да перамогі, калі вакол шумелі брытанскія балельшчыкі². Выкрыкі, дзіцячы плач³... Пры такім грузе адказнасці⁴ можна не справіцца са сваімі нервамі [Звязда; Максім Мірны, Вікторыя Азаранка: “МІКСТура” для брытанцаў]. Маркеры 1, 3, 4 паказваюць на ‘цяжкасць дасягнення чаго-н. у спаборніцтве’; 2 – паказальнік ‘заўзятых аматараў спартыўных спаборніцтваў’.

Перамога ў значэнні 1 + адценне 2 ‘поспех у ажыццяўленні чаго-н., дасягнуты ў выніку барацьбы, пераадолення якіх-н. цяжкасцей’.

Гэта свята ўсяляе веру ў перамогу добра¹, дорыць надзею на тое, што ўсё дрэннае засталася ў мінулым²... [Звязда; Хрысціянам Беларусі, якія святкуюць Вялікдзень 23 сакавіка 2008 года]. У тэксе выкарыстаны прыём апушчэння. Адсутная частка фразы лёгка аднаўляецца, бо ўяўляе сабой устойлівае словазлучэнне: *перамога добра над злом*. Такім чынам, дадзены маркер, а таксама маркер 2 паказваюць на ‘поспех у пераадоленні цяжкасцей у выніку барацьбы добра са злом’.

...Магчыма, менавіта ваша прысутнасць... паспрыяе ня толькі вяртанню нашай сьвятыні¹, але і набліжэнню такой неабходнай усім нам перамогі, бо Беларусь, нягледзячы ні на якія перашкоды², усё ж паціху жыве і ўпарта чакае цуду³ [Наша Ніва; Малітва пад дзвюрыма адабранага храму]. Маркер 1 – ‘поспех у справе’, маркер 2 – ‘перашкоды ў ажыццяўленні задуманага’, маркер 3 – ‘дзеянні дзеля жаданага поспеху’.

Перамога ў значэнні 2 ‘поўны поспех, трыумф’.

Наш бюджэт на даходах будзе перавыкананы¹. Гэта – перамога. Мы цяпер не адчуваем недахопу² нафты на нашых нафтапрацоўчых заводах [Наша Ніва; Лукашэнка: “Буду рыхтаваць у пераемнікі самага маленькага”]. Маркер 1 – паказчык ‘перавагі, першынства ў дзеянні’, маркер 2 паказвае на тое, што ‘у выніку недахоп быў пераадолены’.

Крытэрыў 2. У кантэксце актуалізуецца канкрэтны набор сем, які ўяўляе сабой актуальны сэнс слова ў маўленні [3, с. 90].

Мы вельмі любілі тады паразважаць пра нашу хуткую¹ ды лёгкую² перамогу, калі мы будзем ездзіць на вольвах ды размаўляць на роднай мове [Наша Ніва; Зьміцер Бартосік. Выхад у горад]. Адсутнічаюць маркеры формы змагання, цяжкасці пераадолення і цяжкасці намаганняў,

але прысутнічаюць маркеры 1 і 2, якія паказваюць на ‘*прастату дасягнення мэты*’.

Крытэрыў 3. Рэалізуючыся ў кантэксте, семы могуць мадыфікавацца [3, с. 95]. *Перамога ў значэнні ‘поспех у бітве, вайне, поўнае паражэнне праціўніка’* [5, с. 585]. У наступных прыкладах сема ‘праціўнік’ не актуалізуецца ў кантэксте, яна мадыфікуецца ў сему ‘той, хто імкнецца перамагчы каго-небудзь, дабіваючыся адной і той жа мэты’ – ‘сапернік’; ‘Той, хто варожа адносіцца да каго/чаго-небудзь, сваімі дзеяннямі шкодзіць; непрыяцель’ – ‘вораг’; ‘той, хто сапернічае, змагаецца за лепшыя вынікі’ – ‘канкурэнт’:

Часта перамога... прыходзіць да такіх спартоўцаў. Галоўнае паверыць у сябе, перастаўшы баяцца суперніка [Наша Ніва; Гульні розуму].

Аўтар дэманстраваў імкненне да аб’ектыўнасці, павагу да ворага. Але такі падыход цалкам быў і ў яго інтарэсах. Чаго варта перамога над слабым нікчэмным праціўнікам [Наша Ніва; Тэрыторыя атамана Шаўчэнкі: пра магільёўскага паўстанца].

Вынік: Главацкіх набраў 39 % галасоў, удвая больш, чым ягоны галоўны канкурэнт з вэртыкалі, і разлічвае на перамогу ў другім туры [Наша Ніва; Подых навальніцы].

Крытэрыў 4. З’явы эксплікацыі і рэдуплікацыі сем у кантэксте служаць для ўзмацнення асобных сем [3, с. 96].

Два непрымірымыя супернікі... даводзяць сябе да мяжы фізічнай і псіхалагічнай трываласці дзеля трыумфу на трасе. Для іх няма лёгкіх шляхоў да перамогі і права на памылку [Наша Ніва; “Гонка” – беларускі трэйлер]. Узмоцнена сема ‘цяжкасць пераадолення і цяжкасць намаганняў’.

На жаль, не ўсе змаглі справіцца з напружаннем, настроіцца на перамогу ў жорсткім проціборстве сапернікам [Наша Ніва; Аляксандр Лукашэнка: Беларусь у Лондане была прадстаўлена на самым высокім узроўні]. Узмоцнена сема ‘цяжкасць пераадолення і цяжкасць напружання і намаганняў’.

Крытэрыў 5. У сістэме мовы могуць адсутнічаць значэнні, якія выяўляюцца ў кантэксте [3, с. 98].

Гэта – 1942 год, калі... да Перамогі было так далёка [Звезда; Жывое слова Пімена Панчанкі]. У гэтым выпадку выраз *да Перамогі* выступае ў значэнні ‘да канца змаганняў’ і ‘да свята дня Перамогі’.

“Перамога дэмакратыі” ў Егіпце або Тунісе заканчваецца ўсталяваннем альбо ісламіцкіх, альбо ваенных аўтарытарных рэжымаў [Звезда; Чаму амерыканцы не давяраюць свайму тэлебачанню?]. *Перамога* выступае ў значэнні ‘усталяванне палітычнай сістэмы’.

Вось яны сядзяць на пагорку, выпіваюць, дымяць, і з кожным днём Перамогі іх усё меней, меней, меней... [Наша Ніва; Перамога. Яны

наперадзе ідуць]. *Перамога* выступае ў значэнні ‘нацыянальны дзень памяці, які адзначаецца праз пэўны фіксаваны прамежак часу’.

Крытэрыі 6. Розныя значэнні слова могуць адзін за адным рэалізоўвацца ў кантэксце [3, с. 100].

...*Тармасаў вымушаны быў адступіць, не здолеўшы развіць поспех пасля Кобрынскай перамогі. Але яе маральнае значэнне было вялікім... Важным было і тое, што перамогу атрымалі ў мясцінах, звязаных з імем Суворова – сімвала рускай арміі. Не будзе перабольшаннем сказаць, што Кобрын стаў першай ластаўкай будучай перамогі Расіі ў вайне* [Звязда; Акцэнтны тыдзень з Вадзімам Гігіным]. У першым выпадку рэалізуецца значэнне ‘вызначальная гістарычная падзея’, у другім – ‘трыумф’, у трэцім – ‘поспех у змаганні’.

Крытэрыі 7. Кантэкст можа праясніць агульны сэнс незнаёмых чалавеку слоў [3, с. 100]. У слоўнікавай дэфініцыі Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы слова *вікторыя* мае два значэнні: 1. Назвы сартоў некаторых агародных і садовых раслін (буракоў, клубніц і інш.). 2. Травяністая вадзяная трапічная расліна сямейства гарлачыкавых з вялікімі кветкамі і агромністым плаваючым лісцем [4, т. 1, с. 489–490]. У газетных жа тэкстах *вікторыя* актуалізуецца ў значэнні слова *перамога*, выступае яго сінонімам: *2:1 – важная, найперш у псіхалагічным плане, вікторыя* [Звязда; Пераможныя ўдары Брэсана]; *Напрыклад, мінскі таксіст Арыём у букмекерскай канторы паставіў на 2 вікторыі нашых чэмпіёнаў* [Звязда; Упартасць і фарт]. *Вікторыя* ў значэннях, пададзеных слоўнікам, не сустрэлася.

Вынікамі аналізу актуалізацый лексемы *перамога* ў кантэксце з’яўляюцца дадатковыя значэнні, альбо семантычныя множнікі (семы), не адзначаныя на ўзроўні мовы (у дэфініцыях тлумачальных слоўнікаў).

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Беларускі N-корпус [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://bnkorp.us.info>. – Дата доступу: 22.06.2016.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 5-е изд. – М. : Либроком, 2010. – 576 с.
3. Стернин, И. А. Семантический анализ слова в контексте / И. А. Стернин, М. С. Саломатина. – Воронеж : Истоки, 2011. – 150 с.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : БСЭ, 1977–1984. – 5 т.
5. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 000 слоў / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; пад агул. рэд. І. М. Бунчука [і інш.]. – 4-е выд. – Мінск : Беларус. энцыкл., 2005. – 783 с.

А. Я. Леванюк (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)

АФАРЫСТЫКА ЯК ПАКАЗЧЫК ЭКАЛАГІЧНАСЦІ МАЎЛЕННЯ

Экалогія маўлення – новы накірунак у лінгвістыцы, які вывучае ўзаемадзеянне мовы з фактарамі, якія яе акружаюць, з мэтай захавання самабытнасці кожнай асобнай мовы і падтрымання моўнай разнастайнасці. Тэрмін “экалогія мовы” ўзнік параўнальна нядаўна, яго ўвёў лінгвіст Э. Хаўген у 1970 г. Але мовы заўсёды знаходзіліся ў стане раўнавагі і ўзаемадзеяння адна з адной. З аднаго боку, гэта прыводзіць да іх узаемнага развіцця, з другога – да ўшчамлення. Падобна таму, як экалогія вывучае ўзаемадзеянне жывых арганізмаў паміж сабой, экалогія мовы вывучае ўплыў моў адна на адну і іх узаемадзеянне са знешнімі фактарамі. Экалагічныя праблемы ў прыродзе могуць пагоршыць здароўе людзей, праблемы экалогіі мовы могуць прывесці да дэградацыі чалавека, для якога гэтая мова родная.

Маўленчая сітуацыя ў сучасным грамадстве вызначае агульны стан нацыянальнай мовы і культуры людзей. Экалогія мовы разглядае тое, як выглядае мова, што на яе ўплывае і да чаго гэта прыводзіць. Не ўсе перамены шкодныя. З часам мова перажывае змены. Любая сучасная жывая мова адрозніваецца ад той, якой яна была некалькі стагоддзяў таму. Задачы экалогіі мовы заключаюцца не ў тым, каб закрыць мову ад любога ўплыву, а ў тым, каб захаваць яе самабытнасць, пры гэтым укараняючы нешта новае і карыснае.

Экалагічная моўная карціна свету ствараецца рознымі фарбамі, і найбольш яркімі, з нашага пункту гледжання, з’яўляюцца афарыстычныя выслоўі. Афарыстыка – гэта асобы літаратурны жанр, які змяшчае спецыфічнае для таго ці іншага народа светабачанне, погляды, стэрэатыпы, эталоны, маральныя ідэалы. Адлюстроўваючы менталітэт нацыі, яе псіхалогію, культурныя каштоўнасці, афарыстыка вядомая як адзін з найбольш “культураносных” пластоў мовы. Сёння беларуская мова падвяргаецца небяспецы разбурэння, абескаляроўвання, таму менавіта ўжыванне афарыстычных выслоўяў будзе спрыяць экалагічнасці маўлення культурнай асобы.

Да гэтага часу няма абгрунтавання статусу афарызма: моўная ці літаратурная гэта з’ява. У энцыклапедычных слоўніках даюцца розныя азначэнні афарызма, але ўсе яны падкрэсліваюць яго спецыфічныя рысы – лаканізм, сэнсавую ёмістасць, вобразнасць, літаратурную крыніцу паходжання і інш. Існуе некалькі пунктаў погляду на афарызм, якія падкрэсліваюць усе вышэйпералічаныя якасці такога тыпу выслоўяў:

уласна лінгвістычны, навукова-філасофскі, філасофска-літаратурны, а таксама паэтыка-рытарычны і структурна-парэміялагічны. Акрамя гэтага, афарызм уваходзіць у сістэму беларускай ідыяматыкі як адзін з відаў выслоўяў – таго тыпу маўленча-камунікацыйных адзінак, што з’яўляюцца аўтарскімі мікратэкстамі і маюць нацыянальна-спецыфічны характар па змесце і форме, бо захоўваюць, як і іншыя мікратэксты (прыказкі, загадкі, прытчы, крылатыя словы і пад.), інфармацыю пра сістэму духоўных каштоўнасцей людзей, аб’яднаных адзінай культурай.

Але афарызм – гэта складаны моўны і маўленчы феномен. Ён уяўляе сабой структурнае ўтварэнне са спецыфічнай унутранай арганізацыяй. Згодна з тэорыяй параджэння маўленчага выказвання А. А. Лявонцьева, выказванне запраграмавана ўнутрана. Гэта значыць, што яно будзецца на аснове некаторай схемы (ці па асобнай мадэлі). Выказванне, у тым ліку і афарыстычнае, з’яўляецца вынікам рэалізацыі моўных структур у маўленні. Менавіта таму трэба разглядаць афарызм і з пазіцыі псіхалінгвістыкі. Гэта абумоўлена яшчэ і тым, што змянілася само паняцце мовы. Калі раней вывучаліся самі моўныя сродкі (фанетычныя, г. зн. гукавыя, граматычныя, лексічныя), зараз зразумела, што гэта толькі фармальныя апэратары, пры дапамозе якіх чалавек рэалізуе працэс зносін, прыкладваючы іх да сістэмы значэнняў і атрымліваючы асэнсаваны і цэласны тэкст (выказванне). Афарыстычнае выслоўе ўяўляе сабой мікратэкст, які і будзецца пры дапамозе ўсіх узроўняў мовы. Псіхалінгвістыка ўсё больш цікавіцца менавіта тэкстамі, іх спецыфічнай структурай, варыянтнасцю, функцыянальнай спецыфікай. Сам працэс параджэння новага выказвання запускаецца ў свядомасці аўтара пры дапамозе механізма пераўтварэнняў, які нараджае новыя тэксты. Несумненна, афарызм з’яўляецца прадуктам маўленча-мысліцельнай дзейнасці. Паколькі “працэсы моватворчасці недаступныя прамому назіранню, гаворыць пра іх можна толькі па іх прадуктах – канцавым і прамежкавым” [1, с. 204]. Мы мяркуем, што з пункту погляду псіхалінгвістыкі афарызм – гэта выказванне, якое пабудавана пры дапамозе гатовых формул, якія захоўваюцца ў свядомасці чалавека. Менавіта даследаванне афарызма з пункту погляду яго структурных, кампазіцыйных і функцыянальных асаблівасцяў можа растлумачыць працэсы параджэння афарызма, асаблівасці яго ўвядзення ў кантэкст і эксцэпіравання з яго, а таксама раскрыць больш агульныя праблемы, у тым ліку заканамернасці стварэння выказванняў абагульненай семантыкі. Дарэчы, гаворыць пра псіхалінгвістычную абумоўленасць узнікнення афарызма менавіта як выказвання абагульненай семантыкі і Р. Я. Крэйдлін, слухна заўважаючы, што “трансфармацыйны падыход псіхалагічна рэlevantны” [2, с. 197]. Афарызм як малая тэкставая форма здольны перадаваць “многае ў малым”, г. зн. ён валодае імпліцытнасцю –

здольнасцю нарошчваць патаемныя сэнсы, напрыклад: *Паспрабуйце любіць Беларусь не здалёку, а зблізку, такую, якая яна ёсць. Паверце, яна вартая таго!* (Б. Сачанка); *Пытаешся, дзе радзіма? Дзе пахавана твая маці, там і радзіма* (Г. Марчук); *Пяць хвілін. Праходзіш іх у ахвоту і хутка. У чаканні ж яны пакутлівыя і марудныя* (Г. Марчук); *Памылкі мінулага можна выпраўляць толькі мемуарамі* (Я. Брыль); *Маналіт распаду мінулага цячэ ў няпэўнасці цяперашняга і застывае ў крохкай неведомасці будучага* (М. Касцюкевіч); *Усе на вайне згарэлі, хто душой, хто целам, як каму наканавана* (В. Казько); *Усё даўнейшае нам цяпер толькі цень* (Л. Калюга); *Навошта заўважаць невясёлае; хто ведае, якая будзе будучыня; давайце жыць сённяшнім днём* (Я. Баршчэўскі); *Той, хто лёгка адмаўляецца ад учрашняга, не варты заўтрашняга* (Л. Дайнека) і інш. Акрамя гэтага, афарызмы, з'яўляючыся дыскурсіўнай адзінкай, залежачы ад патрабаванняў камунікатыўнай інтэнцыі, асабліва падвяргаюцца трансфармацыям.

Тэматыка афарызмаў адлюстроўвае ўсе незлічоныя грані чалавечай індывідуальнасці і чалавечага грамадства ў іх дыялектычным развіцці. Разам з тым пазачасавай і пазакласавай афарыстыкі не бывае. Кожны грамадскі клас карыстаецца гэтым жанрам літаратуры ў сваіх мэтах і вылучае сваю тэматыку. Кожная эпоха, кожны гістарычны адрэзак часу вылучае свае непаўторныя ідэі, тэорыі, думкі, якія бесперапынна ўзбагачаюць тэматыку афарыстыкі, робячы яе ўсеабдымнай і ўніверсальнай. Аднак можна адзначыць, што афарыстыка сфакусаваная на чалавека з яго складаным духоўным светам і няспыннымі ідэйнымі шуканнямі. Усяму свету вядомы афарызм старажытнагрэчаскага мысляра Пратагора (V ст. да н. э.) “Чалавек ёсць мера ўсіх рэчаў”, і ва ўсе часы афарыстыка часцей за ўсё вар’іруе “вечныя пытанні”, найважнейшыя для чалавека, – пра ісціну і справядлівасць, пра шчасце і няшчасце, пра жыццё і смерць, пра хуткацякучы час, пра ўдасканаленне чалавека і т. п.: *Жыццё пражыць – не раз забаліць...* (А. Белая); *Жыццё чалавека – як агонь. Быў і няма. Зноў загарэлася і патухла. Зноў гарыць. І так – бясконца. Тая самая вечная, таямнічая і цудоўная з’ява* (Я. Брыль); *Смерць таксама павяжаць трэба* (В. Казько); *Ісціна, кажучы, у тым, што ісціна ёсць* (У. Ліпскі); *Найлепшы сведка Праўды – Мана* (Г. Марчук); *Прамахі чужыя ўспамінаем, толькі забываем пра свае* (С. Грахоўскі); *...Як у горы чалавек, у вялікай пакуце, дык і ад ворага добра ласкавае, спагадлівае слова пачуць* (Л. Калюга); *Вялікая радасць, як і вялікае гора, любіць часам застацца сам-насам* (А. Васілевіч) і інш. Таму немагчыма ўявіць маўленне сучаснага адукаванага чалавека без ужывання афарыстычных выслоўяў як аднаго з асноўных паказчыкаў экалагічнасці мовы.

Для афарызмаў не абавязковая навізна думак, але вельмі важным з’яўляецца іх слоўнае аблічча, якое дасягаецца ўмелым выкарыстаннем

стылістычных і эмацыйных сродкаў. Гэтыя сродкі надаюць афарызмам своеасаблівасць і арыгінальнасць, якія ўзмацняюць іх дзейнасць. Як слушна заўважае Г. Марчук, “Афарызмы ніколі не характарызуюць аднаго чалавека. Яны здольныя ахапіць усё чалавецтва. Але ж, як ні дзіўна, і ў іх прысутнічае нацыянальны каларыт аўтараў”. “Малыя” шэдэўры слоўнага мастацтва прыцягваюць чытача і даследчыка таямнічай відавочнасцю і эканоміяй моўных сродкаў. Цяжка адмовіць сабе ў тым, каб прывесці той ці іншы прыклад такога мастацтва. Сакрэт іх уздзеяння, несумненна, схаваны ў нейкіх глыбінных моўных механізмах: у супрацьпастаўленні граматычных катэгорый, спецыфічных фаналагічных прыкмет, сінтаксічных канструкцый, у семантычным патэнцыяле слоў. Магчыма, які-небудзь з гэтых моўных механізмаў яшчэ не вядомы сучаснай філалагічнай навуцы. На нашу думку, афарыстычныя тэксты могуць вывучацца з розных пазіцый (літаратуразнаўства, тэксталогіі, семіётыкі, лінгвістыкі тэксту, лінгвакультуралогіі і інш.), але найперш яны павінны быць даследаваны метадамі лінгвастылістыкі, што звязана з такімі рысамі афарызмаў, як найшырэйшае (насуперак нават іх лаканічнасці) выкарыстанне ў іх тропы і фігур. Афарыстычныя выслоўі выходзяць нашы пачуцці, упрыгожваюць думкі, вучаць любіць Радзіму, берагчы чалавечае ў чалавеку, выклікаюць радасць мастацкага адкрыцця, абуджаюць, хвалююць, трывожаць фантазію і розум. І менавіта экалагічны аспект стаўлення да мовы прадугледжвае не толькі любоў да яе, але і выхаванне высокамаральнага чалавека з развітым моўным густам – носьбіта мовы. І калі ўсе народы так паставяцца да сваёй культуры, да сваіх моў, то ў гэтым, безумоўна, адаб’ецца экалагічны, глабальны падыход да галоўнай праблемы – існавання чалавека на планеце.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику / А. А. Залевская. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1999. – 349 с.
2. Крейдлин, Г. Е. Структура афоризма / Г. Е. Крейдлин // Проблемы структурной лингвистики, 1985–1987 / под ред. В. И. Григорьева. – М. : Наука, 1989. – С. 196–206.

Г. Р. Станіславенка (г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)

СТАН ТЭРМІНАЛОГІІ ТУРЫЗМУ Ў СУЧАСНЫМ БЕЛАРУСКІМ ДЫСКУРСЕ

Турызм – гэта адна з важнейшых частак міжкультурных зносін для любой краіны. Рост і высокае становішча турыстычнага бізнесу ў сусветнай эканоміцы, а таксама той факт, што ў Беларусі ён з’яўляецца прыярытэтным напрамкам сацыяльна-эканамічнага развіцця краіны, абумоўліваюць неабходнасць забеспячэння гэтай сферы персаналам, які здольны ажыццяў-

ляць прафесійную дзейнасць на высокім узроўні. Пра высокі ўзровень сведчаць не толькі веды, навывкі і здольнасць аналізаваць працэсы ў турызме, але і дыскурсіўная кампетэнцыя, якая прадстаўляе сабой веданне розных тыпаў і жанраў дыскурсаў, правіл іх пабудовы, а таксама здольнасць ствараць і разумець іх з улікам сітуацыі камунікацыі [1, с. 23].

У Беларусі спецыялістаў турыстычнай сферы рыхтуюць дванаццаць вышэйшых навучальных устаноў адукацыі і сем сярэднеспецыяльных. Амаль у кожным абласным горадзе Беларусі рыхтуюць спецыялістаў па турызме. Каля 11 % ад агульнай колькасці студэнтаў навучаюцца па профілі “Ахова здароўя. Сацыяльная абарона. Фізічная культура. Турызм і гасціннасць” [2]. Турыстычныя спецыяльнасці патрабуюць шмат камунікацыі, таму моўная адукацыя мусіць быць на належным узроўні. Спецыяльнасці звязаны з пісьмовым і вусным маўленнем, у тым ліку з публічнымі выступамі, экскурсіямі. Аднак наш аналіз паказаў, што падручнікаў, дапаможнікаў, у якіх была б зафіксавана турыстычная тэрміналогія ці дзе падрабязна апісваліся б асаблівасці беларускага турыстычнага дыскурсу, няма. Тым не менш турыстычны дыкурс мае свае адметныя рысы, і ў замежных навуковых школах падлягае падрабязнаму даследаванню як самастойны дыкурс гібриднага тыпу.

Пад турыстычным дыкурсам мы разумеем асобны масава-інфармацыйны інстытуцыянальны і статусна арыентаваны дыкурс [3]. Дыкурс з’яўляецца камунікацыйным працэсам. Статусна арыентаваны інстытуцыянальны дыкурс азначае маўленчае ўзаемадзеянне прадстаўнікоў сацыяльных груп ці інстытутаў, пры якім рэалізуюцца статусна-ролевыя магчымасці ў рамках сфарміраванай грамадскай практыкі. Такі падыход дазваляе паглядзець на дыкурс з пункту гледжання стандартнасці ці навізны выкарыстоўваемых адрасантам прыёмаў уздзеяння на адрасата [4, с. 9]. Турыстычны дыкурс – камунікатыўны працэс, які рэалізуецца ў інстытуцыянальных сітуацыях зносін у прадметнай вобласці турызму і на які ў вялікай ступені ўплывае лінгвакультурнае асяроддзе камунікантаў.

Камунікацыя ў сферы турызму прадстаўлена двума спосабамі: вуснай і пісьмовай. Пісьмовы турыстычны дыкурс зафіксаваны ў друкаваных тэкстах (буклеты, каталогі, брашуры, артыкулы) і камп’ютарна-апасродкаванай камунікацыі (сайты, парталы, блогі, інш.). Вусны турыстычны дыкурс можна падзяліць на апасродкаваную (відэадаведнікі, аўдыёгіды) і беспасрэдную (экскурсіі) камунікацыі [4, с. 9].

Матэрыял для даследавання турыстычнага дыскурсу вельмі разнастайны, бо падзяляецца на шмат жанраў у вуснай і пісьмовай камунікацыі: экскурсіі, дыялог паміж турыстычнымі арганізацыямі, дыялог паміж турыстычнай арганізацыяй і кліентам, турыстычны відэаблог, турыстычны каталог, даведнік, брашура, лістоўка, артыкул, вэб-старонка турыстычнага

бюро, электронныя лісты, водгукі [4]. У беларускай навуцы з пералічаных жанраў даволі падрабязна даследаваны жанр экскурсіі [5], у якім беларуская мова прадстаўлена вельмі добра. Астатнія жанры пакуль застаюцца па-за ўвагай лінгвістаў, аднак аналіз паказаў, што ў сферы турызму беларуская мова функцыянуе ва ўсіх праяўленнях камунікацыі і матэрыял для аналізу турыстычных тэрмінаў ёсць. Такім чынам, для аналізу былі выяўлены найбольш распрацаваныя электронныя рэсурсы, якія прадстаўляюць інфармацыю па турыстычнай і культурна-пазнавальнай тэматыцы. Прыводзім іх кароткі аналіз.

Дзяржаўны турыстычны аператар “ЦЭНТРКУРОРТ” распрацаваў сэрвіс анлайн-браніравання адпачынку ў Беларусі VETLIVA.BY, які таксама ўтрымлівае даведнік па славуцях Беларусі. Матэрыялы рыхтуюцца на чатырох мовах (рускай, беларускай, англійскай, кітайскай). Праект BELARUS.BY прадстаўляе інфармацыю пра Беларусь увогуле, а таксама пра славуцыя турыстычныя мясціны. Гэты сайт створаны і суправаджаецца спецыялістамі інфармацыйнага агенцтва БЕЛТА. Матэрыялы рыхтуюцца на чатырох мовах (рускай, беларускай, англійскай, кітайскай). Інтэрнэт-часопіс для незалежных падарожнікаў 34TRAVEL.ME распрацоўвае на рускай і англійскай мовах матэрыялы пра гарады Беларусі (“гайды”), дзе ўказваецца гістарычная і турыстычная інфармацыя. Партал PLANETABELARUS.BY створаны выдавецтвам “Рыфтур”, якое спецыялізуецца на выпуску краязнаўчай літаратуры пра Беларусь. Матэрыял выходзіць на рускай мове. ВЕДАЙ.BY (vedaj.by) – гэта праект, прысвечаны архітэктуры і культуры Беларусі, створаны для таго, каб сабраць, сістэматызаваць інфармацыю пра архітэктуру і культуру Беларусі і даць да яе шырокі доступ на розных мовах. Матэрыял рыхтуецца на чатырох мовах: беларускай, рускай, польскай, англійскай.

Тэрміналогія любой сферы падпарадкоўваецца агульным правілам: кампактнасць, незалежнасць ад кантэксту, адназначнасць, дакладнасць, адсутнасць эмацыянальна-экспрэсіўнай афарбоўкі, зручнасць у выкарыстанні, высокая інфармацыйнасць, пашыранасць сярод спецыялістаў. Аднак турыстычная тэрмінасістэма адпавядае не ўсім устойлівым асаблівасцям тэрміналагічнай лексікі. Па-першае, як прадмет навуковага вывучэння турызм пачаў разглядацца адносна нядаўна, хоць гісторыя турызму бярэ свой пачатак яшчэ з антычных часоў. Толькі ў 1970-х гг. XX ст. навукоўцы ўсвядомілі важнасць турызму як аб’екта навукі [6]. Па-другое, турызм з’яўляецца вельмі дынамічнай сферай. Тэрмінасістэма турызму, якая фіксуе новыя рэаліі ў мове, знаходзіцца ў пастаянным дынамічным абнаўленні [7]. Па-трэцяе, тэрміны ў турызме ствараюцца не толькі спецыялістамі, але і карыстальнікамі прадукту, шмат тэрмінаў узнікае ў прасторы інтэрнэт.

Незалежна ад жанру турыстычныя тэксты ў сваёй большасці насычаны онімамі (*Атлантыка, Луўр, Мір, Нясвіж, Парыж, Радзівілы, сады Семіраміды, Тадэвуш Касцюшка, Фларэнцыя, Эйфэлева вежа*), абрэвіятурамі (*ААН, МСТА* (Міжнародная сусветная турыстычная арганізацыя), *РСТІ* (Расійскі саюз турыстычнай індустрыі), *ЭКАСОС* (Эканамічны і сацыялагічны савет), *ЮНЕСКА*), неалагізмамі і англіцызмамі (*брэнды, “велнес”, меню, гайд, сістэма tax free, трансфер, шопінг, SPA-цэнтр*), тэрмінамі з іншых галін ведаў – культуры, архітэктуры, гісторыі, мастацтвазнаўства, эканомікі і інш.

Як было адзначана вышэй, тэрмінасістэма турызму пастаянна абнаўляецца. Тэрміны ўтвараюцца праз складанне (*арт-турызм, аграсядзібы, інсетыў-тур, інтэнсіў-тур, тураперэйтынг, турпакет, экакультурны, экалага-этнаграфічны, этнапазнавальны*), тэрміналагічныя словазлучэнні (*этнічны турызм, настальгічны турызм, этнаграфічны турызм, антрапалагічны турызм, падзейны культурны турызм*), запазычанне слоў з іншых моў (*рэлаксацыя, тайм-шэр, дэстынацыя, эскапісты, джайла-тур, пэкідж-тур, “сюіт”, “апартамент”, “люкс”, “а ля карт”, “а парт”, “табльдом”, “велнес”, вэб-сайт*).

Даследаванне тэрміналогіі турызму, яе ўніфікацыя, пошук і стварэнне адпаведнікаў замежным тэрмінам – важная частка вывучэння турыстычнага дыскурсу. Адсутнасць беларускіх слоўнікаў турыстычнай тэрміналогіі і даведнікаў не спрыяе развіццю турыстычнай сферы і прыводзіць да нізкага функцыянавання беларускай мовы ў дадзеным дыскурсе. Таму ў заключэнні артыкула мы хацелі бы падкрэсліць важнасць і актуальнасць лінгвістычных даследаванняў беларускага турыстычнага дыскурсу, вынікам якіх мусіць быць падрыхтоўка слоўнікаў, даведнікаў і падручнікаў для спецыялістаў турыстычнай сферы.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Кучеренко, О. И. Формирование дискурсивной компетенции в сфере устного общения (французский язык, неязыковой вуз) : дис. ... канд. пед. наук / О. И. Кучеренко – М., 2000. – 184 л.
2. У Беларусі студэнт – кожны сёмы малады чалавек [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://zviazda.by/be/news/20191117/1573995414-u-belarusi-student-kozhny-syomu-malady-chalavek>. – Дата доступу: 17.11.2019.
3. Погодаева, С. А. Языковые средства аргументации во французском туристическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / С. А. Погодаева ; Иркут. гос. лингвист. ун-т. – Иркутск, 2008. – 20 с.
4. Филатова, Н. В. Дискурс сферы туризма в прагматическом и лингвистическом аспектах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. А. Филатова ; Моск. гос. лингвист. ун-т. – М., 2014. – 24 с.
5. Савіна, Н. І. Экскурсійны тэкст: лінгвістычная спецыфіка / Н. І. Савіна. – Мінск : РІВШ, 2009. – 163 с.

6. Максимова, Ю. С. Функционирование туристической лексики в дискурсивном пространстве / Ю. С. Максимова // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – 2015. – № 4. – С. 212–220.

7. Сакаева, Л. Р. Понятия «туризм» и «туристический дискурс» в современной научной парадигме / Л. Р. Сакаева, Л. В. Базаева // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – 2014. – № 6, ч. 1. – С. 159–161.

О. А. Фелькина (г. Брест, Республика Беларусь)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В ОТРАЖЕНИИ ЧАСТОТНЫХ СЛОВАРЕЙ

Частотные словари – относительно новый вид лексикографических источников, их появлению способствовало развитие информационных технологий: уже для составления первого русского частотного словаря [1] использовались компьютеры. За последние десятилетия информационные технологии шагнули далеко вперед, мощность компьютеров существенно выросла, что позволяет создавать частотные словари с меньшими трудозатратами и на гораздо большем материале. Так, если словарь под ред. Л. Н. Засориной базируется на текстах объемом чуть более миллиона словоформ, то частотный список С. А. Шарова составлен на основе корпуса в 16 млн словоупотреблений [2], а «Новый частотный словарь русской лексики» О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова – 92 млн словоупотреблений [3]. На первый взгляд, наличие частотных словарей, составленных в разные эпохи, дает возможность точно оценить происходящие в русском языке лексические процессы: выявить устаревающие слова и лексемы, становящиеся более употребительными и под. Однако существует несколько проблем, снижающих степень достоверности данных частотных словарей.

Во-первых, для выводов об изменении частотности слов необходимо сравнивать материал определенных десятилетий. Но в картотеку словаря Л. Н. Засориной включены труды В. И. Ленина, М. И. Калинина, выступления писателей и публицистов периода Великой Отечественной войны, научные труды (С. И. Вавилов, К. А. Тимирязев и др.). Причем первое издание книги К. А. Тимирязева «Жизнь растения» датируется еще 1878 г., работы С. И. Вавилова и А. Е. Ферсмана, вошедшие в базу словаря, относятся к 1927–1928 гг. Поэтому подкорпус публицистических и научных текстов (объединены в словаре) не может быть отражением русской речи 60-х гг. XX в. Объем газетных текстов составляет 125 тыс. словоупотреблений, это номера за 5 января 1968 г. нескольких изданий. Таков же объем журнальных текстов, выбранных из журналов 1958–1962 гг. Таким образом, подкорпус газетных и журнальных текстов четче очерчен хронологически. Драматургия составляет самую большую часть корпуса словаря –

27,2 %. Она рассматривается как отражение разговорной речи, хотя именно разговорная речь меняется наиболее стремительно, а в картотеку вошли, например, пьесы «Враги» М. Горького (1906), «Дни Турбиных» М. Булгакова (1925), «Бронепоезд 14–69» В. В. Иванова (1927, опубл. в 1932) и под. Из 21 пьесы, включенной в источники словаря, только 6 созданы после 1950 г., а 9 написаны еще до Великой Отечественной войны. Подкорпус художественной прозы состоит из 13 произведений, только 6 из которых созданы после войны.

Список С. А. Шарова построен на основе корпуса, включающего прозу, политические мемуары, газетные тексты и научно-популярную литературу 1970–2002 гг. Здесь четче временные рамки, но все же заметна разнородность: большинство произведений созданы в 1980–1995 гг., а газеты взяты за 1997–1999 гг. «Новый частотный словарь русской лексики» описывает материал 1950–2007 гг., это большой отрезок времени – почти шесть десятилетий, причем два из них охвачены и словарем Л. Н. Засориной. Известно, что в 90-е гг. письменная и устная речь претерпела существенные изменения, поэтому объединение в одном корпусе текстов этого периода с более ранними затрудняет оценку лексических процессов второй половины и конца XX в.

Во-вторых, существует проблема больших текстов (длинный текст может содержать большое количество вхождений некоторого редкого слова). Так, С. А. Шаров первоначально отобрал корпус из 40 млн словоупотреблений, в который вошел роман Ника Перумова объемом 250 тыс. слов (0,6 % от общего объема корпуса), написанный по мотивам «Властелина колец» Д. Р. Р. Толкина. Благодаря этому тексту слово *хоббит* оказалось в первой тысяче русских слов. В связи с этим С. А. Шаров ограничил выборку: из больших текстов брались отрывки до 10 тыс. слов (примерно 30 страниц), из текстов одного автора бралось не более 100 тыс. слов. В результате подмножество полного корпуса, использованное при подсчете частоты, составило около 16 млн слов. Можно ли считать, что проблема устранена? Например, слово *анк* имеет в списке частотность 7,83, а в Национальном корпусе русского языка (далее – НКРЯ) за 1950–2007 гг. всего 19 вхождений (0,1), при этом только 2 раза не как имя собственное, и то не слово, а корень: *Древние греки назвали железный якорь словом «ансира» – «анкура», происходящим от корня «анк», что по-русски означает «крюк», «кривой» или «изогнутый»* (Л. Н. Скрягин. Книга о якорях (1973)). В остальных случаях это аббревиатуры *АНК* (Африканский национальный конгресс; АНК «Башнефть») [4]. В достаточно частотные попали имена героев различных произведений и отчасти исторических лиц: 10,83 *шмаков* (в «Чучеле» В. Железникова 140 вхождений; в романе «Живые и мертвые» К. Симонова – 175), 7,96 *решетнев* (в НКРЯ всего 6 в разных статьях; М. Ф. Решетнёв – ученый, конструктор,

один из основоположников советской космонавтики) и т. п. И наоборот, минимальную частоту 1,04 в списке С. А. Шарова имеют слова *истец* (в НКРЯ 9,9 ipm), *реализовывать* (9,1) и т. п.

Третья проблема – различная стилистическая и жанровая принадлежность материала: в словаре 1977 г. художественная проза составляет лишь четверть картотеки (меньше, чем драматургия), а в более новом словаре – больше половины и драматургия вообще не представлена. Сравнение материалов словаря Л. Н. Засориной и частотного списка С. А. Шарова показывает, что частотность ряда слов увеличилась в 1,4 и более раза: местоимения *тот* (в 4,2), *ничто* (в 2), *весь*, *никто*, *он*, *кто*, *какой*, существительные *ребенок* (в 2,2), *человек* (в 1,9), *начало*, *нога*, *ряд*, *голова*, *женщина*, *час*, *дом*, прилагательные *нужный* (1,9), *хороший*, *конечный*, глаголы *спросить*, *есть*, *оказаться*, *сидеть*, наречия *потом*, *где*, *тута*, *просто*, *сразу*, *вдруг*, служебные слова *чем* (в 2), *уж*. Однако, например, существительное *дом* в словаре Л. Н. Засориной при общей частотности 756 ipm в подкорпусе художественной литературы имеет показатель 1014, что не так существенно отличается от данных С. А. Шарова (1022). Частотность же этого слова в подкорпусе художественной литературы «Нового частотного словаря русской лексики» ниже, чем в словаре Л. Н. Засориной – 925,9. Для слов *нога*, *голова*, *глаз*, *женщина*, *вдруг*, *сразу* частотность в подкорпусе художественной литературы словаря Л. Н. Засориной даже выше, чем в списке С. А. Шарова. При этом первые три из перечисленных слов имеют более низкую частотность и в подкорпусе художественной литературы «Нового частотного словаря русской лексики», а три последние – напротив. Так, наречие *вдруг* в художественной прозе имеет частотность 775 в словаре Л. Н. Засориной и 916 в «Новом частотном словаре русской лексики», тогда как в списке С. А. Шарова – 713.

По данным словаря Л. Н. Засориной и частотного списка С. А. Шарова, в 1,4 и более раза упала частотность существительных *война*, *работа*, *земля*, *книга*, *сила*, *вопрос*, *мир*, *путь* (в 1,5–1,9 раза), *свет*, *страна* (в 2,1–2,2), *товарищ*, *народ*, *армия*, *камень*, *партия*, *труд* (в 2,4–2,7), *развитие* (в 3,2), *наука* (в 3,6), *стекло*, *завод*, *производство*, *рабочий* (в 4,3–5,8), *борьба* (в 6,4), глаголов *слышать*, *дать*, *пойти*, *идти*, *уйти*, *выходить* (в 1,6–1,7), *начать* (в 2,2), *уходить* (в 2,5), *входить* (в 5), *видать* (в 14,4), прилагательных *высокий*, *молодой* (в 1,7–1,8), *новый* (в 1,9), *великий* (2,6), *советский* (в 2,9), *важный* (в 3,4), *старший*, *американский* (в 4,1–4,8), наречия *более*, числительного *тысяча*, местоимения *вы*, *такое*, *свое*, *этот* (в 1,6–1,7), *свой* (в 2,6), *всякий* (в 5), *что* (в 13,7), предлога *против*. Падение частотности слов *война*, *сила*, *вопрос*, *мир*, *путь*, *товарищ*, *народ*, *армия*, *партия*, *труд*, *развитие*, *завод*, *производство*, *рабочий*, *борьба*, *советский*, *молодой*, *новый*, *великий* вполне предсказуемо, поскольку они тесно связаны с советской пропагандой и обилием текстов

военной тематики в словаре Л. Н. Засориной. Так, частотность слова *развитие* в газетно-журнальном подкорпусе составляет 589 ipm, тогда как в художественной прозе всего 22; аналогично для слов *вопрос* (1321 и 358), *мир* (1659 и 384), *новый* (2919 и 883), *путь* (815 и 324), *против* (581 и 216). 451 из 575 употреблений слова *камень* и 546 из 625 случаев использования слова *стекло* относятся к научным и публицистическим текстам. Высокая частотность данных слов объясняется тем, что среди источников словаря есть книги «Занимательная минералогия» А. Е. Ферсмана и «Стекло» Н. Н. Качалова. Высокая частотность глаголов движения (*уйти*, *выходить* и др.) отчасти объясняется большим объемом драматургического подкорпуса в словаре Л. Н. Засориной.

Более убедительно выглядит сравнение однотипных подкорпусов. Так, слово *путь* в публицистике во второй половине XX в. стало употребляться вдвое реже, тогда как его частотность в художественной прозе снизилась только на 20 %. Похожая ситуация с прилагательным *новый*. Частотность слова *мир* в публицистике тоже упала почти вдвое, но при этом в художественной литературе почти на 20 % возросла. Заметно нарастание «человечности» публицистической речи: прилагательное *хороший*, соматизмы *голова*, *глаз*, *нога* стали в публицистике заметно частотнее, хотя в художественной прозе не изменили или снизили частотность.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы: 1) для достоверной оценки лексических процессов необходимы данные по частотности, полученные на основе стилистически однотипных текстов, которые относятся к четко ограниченному периоду (желательно не более 10 лет); 2) наиболее достоверные оценки в настоящее время можно получить на основе НКРЯ, который позволяет задать и хронологические, и жанрово-стилистические рамки; 3) поскольку в НКРЯ входят и довольно объемные тексты, достоверность оценок может в отдельных случаях снижаться, однако интерфейс корпуса позволяет откорректировать полученные данные.

Список использованной литературы

1. Частотный словарь русского языка : ок. 40 000 слов / под ред. Л. Н. Засориной. – М. : Рус. яз., 1977. – 936 .
2. Шаров, С. А. Частотный словарь [Электронный ресурс] / С. А. Шаров. – Режим доступа: <http://www.artint.ru/projects/frqlist.php>. – Дата доступа: 24.09.2019.
3. Ляшевская, О. Н. Новый частотный словарь русской лексики [Электронный ресурс] / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. – Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/freq.php?>. – Дата доступа: 07.11.2019.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 07.11.2019.

СЛАВЯНСКАЯ ОНОМАСТИКА

С. Ф. Бут-Гусаім (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)

ЖАНРАЎТВАРАЛЬНАЯ РОЛЯ ПАЭТОНІМАЎ У ГІСТАРЫЧНАЙ ДРАМАТУРГІІ СУЧАСНЫХ БЕРАСЦЕЙСКІХ ПІСЬМЕННІКАЎ

Лёсы славурых беларусаў не перастаюць быць крыніцай натхнення для сучасных творцаў. Драматычны расповед беларускага пісьменніка і публіцыста Анатоля Крэйдзіча ўваскрашае яркія старонкі жыцця Напалеона Орды – кампазітара, мастака, музыканта, чья дзейнасць на карысць беларускай культуры і мастацтва застанецца прыкладам шчырага служэння Айчыне. Трагічныя старонкі жыцця беларускага першадрукара Францыска Скарыны – турэмнае зняволенне ў Познані па лжывым абвінавачванні ў нявыплачаных даўгах – узнаўляе Георгій Марчук у п’есе “Лета 1532 года”. Перадаючы дух мінулага, берасцейскія пісьменнікі ўмела выкарыстоўваюць вобразна-выяўленчыя магчымасці ўласных імёнаў, якія з’яўляюцца каштоўным помнікам матэрыяльнай і духоўнай культуры беларусаў.

Значнае месца ў анамастыконе гістарычнай драматургіі займаюць так званыя “**фонавыя онімы**”: назвы геаграфічных аб’ектаў, устаноў, кніг, твораў мастацтва, культавых збудаванняў і інш. Сродкам увасаблення прасторава-часавых адносін у творы А. Крэйдзіча з’яўляюцца **тапонімы**: шматлікія назвы краін (*Францыя, Літва, Швейцарыя, Саксонія, Рэч Паспалітая, Іспанія, Партугалія, Скандынавія, Алжыр*), гарадоў (*Пружаны, Вільня, Дрэздэн, Парыж, Варшава*), вёсак (*Варацэвічы*), вуліц (*Ля Харпэ*) Беларусі і замежжа, з якімі звязаны старонкі жыцця Напалеона Орды. Стварэнню гістарычнага каларыту спрыяюць таксама ўжытыя ў кантэксце драматычнай аповесці **ўстарэлыя тапонімы**, якія былі раскласіфікаваны паводле іх суадносінаў з сучаснымі назвамі. Некаторыя ўстарэлыя найменні адрозніваюцца ад сучасных асаблівасцямі гучання і словаўтваральнымі афіксамі. Гэта **фанетыка-словаўтваральныя археонімы**: *Вільня, Наваградак*. **Гістарыёнімы** з’яўляюцца найменнямі аб’ектаў, якія зніклі з палітычнай і геаграфічнай карты, напрыклад: *Кобрынскі ўезд, Гродзенская, Мінская, Віцебская, Ковенская, Валынская, Падольная, Кіеўская, Віленская і Магілёўская губерніі, Падляшша* ‘гістарычная вобласць на захадзе этнічнай тэрыторыі беларусаў у басейне Заходняга Буга і Наравы (у XIII–XIV стст.). Цалкам увайшла ў Вялікае Княства Літоўскае’. **Семантычным археонімам** з’яўляецца тапонім *Літва*, які ў гістарычным расповедзе ўжываецца ў значэнні ‘землі паміж сённяшнімі Навагрудкам, Маладзечнам, Мінскам, Слонімам’. У прамовах Орды нярэдка гучыць

зварот да даўняй краіны: “Край мой любви, **Літва**, я абышоў цябе ўдоўж і ўпоперак. Красою і веліччу напоўнены кожны твой кут. Каласы твае цяжкія і буйныя, як белыя боханы, вада з крыніц тваіх здаровая і смачная, як боскае пітво, людзі твае прыгожыя і таленавітыя, моцныя і духам, і целам сваім, а тварэнні рук іхніх ды розуму выклікаюць зайздрасць у любога, хто прыходзіць сюды” [1, с. 3]. Сродкам адлюстравання падзей XVI ст. з’яўляюцца ўстарэлыя **тапонімы**, ужытыя ў п’есе Г. Марчука. Найперш гэта **гістарыёнімы**: Масковія ‘назва маскоўскай дзяржавы, якая сустракаецца ў апісаннях замежных падарожнікаў, што пабывалі ў ёй у XV–XVII стагоддзях’, Рэч Паспалітая ‘аб’яднаная польска-літоўская дзяржава з часу Люблінскай уніі’, Літоўскае княства ‘беларуска-літоўская дзяржава’. Прычым, паводле азначэння грамадзян княства, значнасць гэтага дзяржаўнага ўтварэння падкрэслена ўжываннем назвы **Вялікае Княства Літоўскае**: “На сваю галаву мы далучылі гэтае **Літоўскае княства** да нашай кароны. Пыха адна. Яны яшчэ напраўляюць – **Вялікае Княства Літоўскае**, а не проста княства” [2, с. 56].

Свет мастацкага твора антрапацэнтрычны. Таму галоўнае месца ў анамастыконе драматычнага расповеду займаюць **антрапонімы** – імёны, прозвішчы, мянушкі людзей. А. Крэйдзіч апавядае чытачу пра слаўную гісторыю Радзімы. Таму на старонках твора не раз прыгадваюцца імёны рэальных гістарычных дзеячаў XIX ст.: пісьменнікаў, кампазітараў, палітыкаў, паўстанцаў: Напалеон, Юзэфіна, Ірэна, Вітальд Орда, Юзэф Ігнацый Крашэўскі, Кастусь Каліноўскі, лорд Дудлей Сцюарт, Шапэн, Жорж Санд, Адам Міцкевіч, Тадэвуш Касцюшка. Сродкам адлюстравання каларыту слаўнай даўніны з’яўляюцца **імёны-рэтраспекцыі**, што называюць слаўных продкаў, успамін пра якіх ажывае ў карцінах Напалеона Орды: “Хіба недастойны гэты Сабор (наказвае на Жытомірскі сабор), каб любаваліся ім нашчадкі нашыя праз многія пакаленні, хіба ім не цікава будзе даведацца, што названы горад імем яго заснавальніка **Жытоміра**, таварыша **Аскольда і Дзіра**. Пройдуць стагоддзі, і нічога гэтага ўжо не будзе. Час зруйнае рукамі людзей ці прыроды палацы, храмы, крапасныя мury, як зруйнаваў племянныя паселішчы нашых далёкіх продкаў. Затое напамінак пра эпоху застанецца ў тваіх малюнках” [1, с. 35].

У п’есе Г. Марчука ўжыты **онімы-сучаснікі**: імёны манархаў (караля Рэчы Паспалітай **Жыгімонта I**, каралевы **Боны**); **онімы-рэтраспекцыі**: імёны дзеячаў Рэфармацыі (**Марцін Лютэр**, **Ян Гус**), друкароў (**Гутэнберг** – нямецкі першадрукар, першы тыпограф Еўропы; **Фіэль** – заснавальнік славянскага кнігадрукавання кірылічным шрыфтам). У разважаннях Францыска Скарыны аб сутнасці падзей сучаснасці праз прызму гістарычных падзей, выкладзеных у Бібліі, гучаць імёны біблейскіх герояў:

“Была мудрая жанчына **Юдзіф**. Яе народ падпарадкаваць сабе асірыйскі цар. Паслаў ён войска на чале са сваім ваяводам **Алафернам**” [2, с. 68].

У драматычным расповедзе А. Крэйдзіча адлюстраваны даўні звычай называння дзіцяці ў гонар славутага чалавека. Так, маці Напалеона Орды прызнаецца, што сын яе быў названы ў гонар знакамітага імператара *Напалеона*, на якога беларуская шляхта спадзявалася, бо думала, што, вызваліўшы краіну ад Расійскай імперыі, імператар дазволіць вярнуць ёй былую незалежнасць і славу: “*Вы і мяне ахрысцілі яго імем? Каб у славіць вызваліцеля ды паказаць сваю прыхільнасць да яго?*”. – “*Бацька ўзяў цябе на рукі і цяха паклікаў: “Напалеон, ці чуеш ты мяне? Адзін Напалеон цяпер заваёўвае пад Эйлау нашу незалежнасць, а другі будзе жыць у вольнай дзяржаве”. Ён верыў, што сонца, якое нарадзілася са сюжы разам з табою, гэта знак Гасподзен. Мала хто ведае, як бязмежна любіць ён сваю Айчыну*” [1, с. 35]. Лёс знакамітага імператара нібыта накрэсліў славу беларускага творцы – змагара за сілу і незалежнасць Айчыны, які ўдзельнічаў у паўстанні 1830 г., вымушаны быў на доўгія гады пакінуць Радзіму і ўсё ж такі ўславіў яе ў найпрыгажэйшай музыцы і ў сотнях малюнках помнікаў, адзначаных падзеямі айчыннай гісторыі, родных мясцін знакамітых асоб, старых сабораў, замкаў Беларусі, у якіх з любоўю перададзена веліч, прыгажосць і багатая культура роднага краю. Слова-імя *Напалеон* уключана ў загаловак твора, становячыся ключавым словам усяго літаратурнага тэксту. Заглавак “Палескі **Напалеон**” выражае ідэю драматычнага расповеду. Паэтонім *Напалеон* асацыятыўна збліжаецца з сусветна вядомым іменем імператара-воіна і становіцца гаваркім найменнем творцы, талент якога адрадзіў і захаваў для нашчадкаў славу, красу і веліч роднага краю: “*Служыць табе, бацькоўскі край, вось радасць найвялікшая. Я гатовы... Гатовы аддаць усё, што маю, усё, што ўмею і чым надзяліла ты мяне... Аддаць табе. Ні час, ні чужыныцы не адбяруць у цябе гэтае прыгажосці. Ты народзіш яшчэ нямала славуных нашчадкаў, бо маеш на гэта сілы. А я пакажу ім веліч тваю, расплюшчу вочы іх, каб убачылі, што паходзяць яны ад славутага, багатага роду, і каб множылі набыткі твае. Ім прысвячаю я створанае мною на абшарах тваіх*” [1, с. 37].

Заўважым, што імёны персанажаў твора А. Крэйдзіча – паказчык іх прыналежнасці да каталіцызму (імёны шляхты *Юзэфіна Орда, Юзэф Ігнацый Крашэўскі, Людвік Плятэр*) і праваслаўя (імёны слуг Орды *Філімон і Малафей*).

Выразнікам нацыянальнасці і канфесійнай прыналежнасці персанажаў п’есы Г. Марчука з’яўляюцца іх імёны: хрысціянскія (*Францыск, Марцін, Раман, Барбара, Дамінік, Тамаш, Бася*) і іўдзейскія (*Майсей, Мойша*).

Нацыянальны каларыт ствараюць у расповедзе формы клічнага склону імёнаў, а таксама зварот праз спалучэнне імені са словам ‘*спадар*’:

“*Спадар Напалеон, я не раіў бы вам пакуль што паказвацца на вочы Малафею*” [1, с. 24]; “*О-о, мілы Адаме, як блізкія мне твае п’явучыя словы*” [1, с. 37]. Рэгіянальныя формы клічнага склону імёнаў выкарыстаны ў п’есе Г. Марчука: “*Пане Дамініку, даруйце мне маё нахабства*” [2, с. 73]. Паводле нормаў сярэднявечнага этыкету імёны ўжываліся ў спалучэнні з паказчыкам сацыяльнага рангавання *пан*, што адлюстравана ў рэпліках герояў п’есы брэсцкага аўтара: “*Пан Якаб, мушу давесці, што тэрмін правядзення суда прызначае пан бурмістр*” [2, с. 73].

Паказчыкам сацыяльнага статусу асобы здаўна было прозвішча. Так, прозвішчы беларускай і польскай шляхты, герояў п’есы А. Крэйдзіча, утрымліваюць суфікс *-оўск-*: *Сулкоўскія, Панятоўскі, Дамброўскі*. Прозвішчы расійскіх вайскоўцаў і чыноўнікаў уключаюць суфіксы *-оў/-аў/-еў, -ін/-ын*: *Баранаў, Бушын, Аванюкін*. Прозвішчы сялян маюць у сваім складзе элементы *-чук, -юк*: *Раўчук, Манчук, Карлюк*. Прозвішча галоўнага героя твора ўтрымлівае звесткі пра паходжанне сям’і, роду. “Прозвішча *Орда* ўтворана ад мянушкі, якая вядзе свой пачатак ад цюркскага слова ‘*арда*’ “стан, вандроўнае племя”. Пазней гэта слова набыло яшчэ адно значэнне – “натоўп”. Магчыма, што Ордам звалі прадстаўніка цюркскіх народаў ці чалавека, знешнасць якога (смуглявая скура, чорныя вочы і валасы) ці паводзіны нагадвалі цюркаў” [3, с. 137].

Ужыта на старонках твора А. Крэйдзіча і характэрная для вясковага асяроддзя **мянушка-андронім** – празванне жонкі, утворанае ад прозвішча ці мянушкі мужа: “*Точна прападзе без мяне. Сама Камаліха не можа справіцца з ёю, ніякія чары не памагаюць*” [1, с. 26].

Найважнейшымі рысамі анамастычнай прасторы гістарычнай драматургіі Анатоля Крэйдзіча і Георгія Марчука з’яўляюцца пераважнае выкарыстанне імёнаў рэальных гістарычных асоб, а таксама адпаведнасць сэнсавай нагрузкі і формы найменняў герояў словаўтваральным тыпам і мадэлям імёнаў, што адносяцца да часу разгортвання дзеяння п’ес.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Крэйдзіч, А. Параненыя мары : п’еса, апавяданні, мініяцюры / А. Крэйдзіч. – Брэст : Брэсц. друк., 2002. – 100 с.
2. Марчук, Г. Лета 1532 года / Г. Марчук // Святло вышыні : п’есы. – Мінск : Беларусь, 2017. – С. 52–81.
3. Цымбалова, Л. Н. Тайны происхождения наших фамилий / Л. Н. Цымбалова. – Ростов н/Д : Феникс, 2008. – 473 с.

Е. Е. Вертейко (г. Брест, Республика Беларусь)

ИМЕНА СЛАВЯНСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ НА БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ

Современной белорусской антропонимике свойственна ориентация как на универсальные явления, так и на национально- и регионально-специфические, последние из которых направлены, прежде всего, на выявление именных ареалов, решение задач типологического и сопоставительного характера. В нашей статье выбор Брестчины и Белосточчины в качестве регионов для проведения сопоставительных ономастических исследований обусловлен геополитической, исторической и культурной значимостью данных территорий в общенациональных контекстах. Особенности данных регионов является их пограничное положение как в географическом, так и в этническом отношении, поскольку Брестчина расположена на стыке белорусского, польского и украинского ареалов, а Белосточчина – польского, белорусского и литовского.

Антропонимические традиции славянских народов, несмотря на наличие большого количества сходных черт, отличаются самобытностью и оригинальностью. Для русской и белорусской систем именования характерна трехкомпонентная формула «имя + отчество + фамилия», выступающая в качестве культурно-исторического феномена восточнославянской культуры. В польской традиции закрепились двухкомпонентная формула именования человека «имя + фамилия».

По происхождению имена русских, белорусов и поляков делятся на две большие группы: *исконные* (дохристианские, нехристианские, неканонические, некрестильные, языческие, мирские, бытовые) и *заимствованные* (христианские, крестильные, канонические). Исконные делятся на *оттапеллятивные* (одноосновные, древнерусские, белорусские и старопольские) и *общеславянские* (двучленные, или двуосновные). Предметом анализа в нашей статье являются мужские общеславянские двучленные антропонимы, отмеченные на белорусско-польском пограничье в первой половине XX – начале XXI в.

В русской и белорусской именованных системах данные антропонимы образовывались от глагольной или именной основ и несли «пожелательный» характер: рус. *Владимир* – бел. *Уладзімір*: от *влад-* (ср. ст.-сл. *владеть*) и *мир-* (ср. *мирный*, *мир*), рус. *Владислав* – бел. *Уладзіслаў*: от *влад-* и *слав-* (ср. *слава*), рус. *Всеволод* – бел. *Усевалад*: от *все-* (ср. др.-рус. *вьсь* ‘весь’) и *волод-* (ср. др.-рус. *володати* ‘владеть’) и др. Имена с компонентом *-слав* обычно носили удельные князья – представители высшего общественного сословия. Так, подобные имена имели несколько

поколений полоцких князей: *Ізяслаў, Брачыслаў, Усяслаў*. У восточных славян преобладают компоненты *добр-, свят-, слав-, мил-, мир-, волод-, бог-* и др. Данные княжеские имена сохраняли свои позиции в именнике примерно до XIV в., а среди лиц более низкого звания употреблялись вплоть до XVII в. [1, с. 326].

Первые части древних двучленных старопольских антропонимов были либо именными (*Bratomil, Dobrogost*), в т. ч. представляли собой падежные формы имен существительных и местоимений (*Sobiesław, Bogumil*), устаревшие формы степеней сравнения имен прилагательных (*Bolesław: *bolijь*, ср. сейчас 'większy/большой'), либо глагольными (*Chwalibog, Kazimir, Stanisław*), либо наречными (*Blizbor: *blizь* – 'blisko/близко'). Второй компонент сложного онима имел преимущественно именную или глагольную основы: *-gniew, -mil, -sław* и др.

Материалом нашего исследования являются русско- и польскоязычные записи имен, сделанные в метрических книгах в трех православных приходах города Бреста в период с 1901 г. по 1938 г., принадлежащие фондам Национального исторического архива в г. Гродно. Исследование белостокского именника проводилось по материалам статистического перечня имен православных и католиков, составленного З. Абрамович по метрическим записям церквей и костелов Белостока [2]. Современное состояние пограничных именников исследовано на основе списков русскоязычных имен новорожденных за 2008–2017 гг., а также списков имен новорожденных Подляского воеводства Республики Польша за 2014–2016 гг., размещенных на сайте Главного статистического управления Польши.

В исходный, т. н. «российский», период исследования 1901–1918 гг. на первом месте в обоих православных именниках (Брест – 325 имяносителей (11,2 %), Белосток – 75 (14,1 %)) находился двучленный славянский оним *Владимир*, который вошел в православные «святцы» благодаря киевскому князю, крестившему Русь. Длительное время антропоним считался княжеским, однако в XIX в. распространился на все слои православного населения. О популярности в народной среде свидетельствуют упоминания имени в приметах и присказках: *На Владимира Красное Солнышко солнце красное светит; На Владимира середина лета приходится* и др. Период начала XX в. является пиком популярности на пограничье онима *Владимир*, поскольку в последующие годы частота его фиксаций будет снижаться, в отличие от российского именослова, в котором оним будет иметь «второе рождение» в связи с растущей в послереволюционные годы популярностью Владимира Ильича Ленина. Кроме онима *Владимир*, в данный период на пограничье среди православных отмечены следующие двучленные онимы: *Всеволод* (от др.-рус. *вьсь* 'весь' и *волод-*), *Вячеслав/ Wiaczesław* (от *вяче-* др.-рус.

вяче ‘больше’ и слав-), *Ростиславъ/Rościsław* (от *рост-* и *слав-*). Популярность их была невелика.

Исходный период исследования состава брестского и белостокского католических антропонимиконов – 1885–1905 гг. Самым популярным среди католиков на пограничье был славянский оним *Stanisław* (образован путем сложения глагольной и именной основ: *stani-* (<*stanać*) и *-sław* (<*sława*) – “украшение” Польши, имя первого поляка, причисленного к лику католических святых» [3, с. 319]. В Бресте данное имя носили 45 человек (7,2 % имяносителей), в Белостоке – 557 (6,9 %). Древний славянский оним *Stanisław* – это одно из немногих канонизированных костелом славянских имен. Популярность его обусловлена в первую очередь культом польских святых: *św. Stanisława ze Szczepanowa* и *św. Stanisława Kostki*. В XVIII в. имя обрело наивысший социальный статус, став именем двух польских королей – *Stanisława Leszczyńskiego* и *Stanisława Augusta Poniatowskiego*. В православном именнике данный оним отсутствовал, имянаречение им стало возможным лишь после революции в связи с отделением церкви от государства.

Кроме онима *Stanisław*, католики на пограничье предпочитали также антропонимы *Władysław* (от *włodzi-* (под влиянием чешск. *władzi-/włady-*) ‘panować, władać / властвовать, владеть’ и *-sław* [4, с. 252]) и *Kazimierz* (от *kazi-/kazić* ‘niszczyć’ (разрушать) и *-mir* ‘pokój’ (мир), форма корня *mierz* возникла под влиянием немецких имен, оканчивающихся на *-mar, -mer* (например, *Dietmar*)) [4, с. 151]). Они были распространены среди польских князей и королей, вследствие чего всегда пользовались особой популярностью у поляков, особенно у представителей шляхетского сословия. В католическом пограничном именнике также фиксировались следующие двучленные славянские онимы: *Bogumił, Bogusław, Болеслав/Bolesław, Бронислав/Bronisław, Владимир/Włodzimierz, Wojciech, Вячеслав/Wacław, Zbigniew, Zdzisław, Kazimierz, Мечислав, Mirosław, Czesław*.

В результате подписания Рижского мирного договора в 1921 г. Брест и Белосток вошли в состав Польши. Исследуя движение популярных именований в 1919–1928 гг. на пограничье среди православных, необходимо отметить плавное снижение частоты имени *Владимир* (с 1-го места на 2-е) в Бресте и резкое снижение в Белостоке (с 1-го места на 9-е). Кроме онима *Владимир*, также были отмечены в метрических записях *Всеволод, Вячеслав* и *Святогор* (от *свят-* (святой) и *гор-* (гора), имя русского былинного богатыря). Во втором десятилетии периода вхождения пограничных территорий в состав Польши 1929–1938 гг. по сравнению с предыдущим срезом в брестском именнике отмечается рост количества фиксаций и большее разнообразие состава древних двучленных антропонимов. Если на предыдущем срезе имели место лишь три единицы, то в 1929–1938 гг. антропо-

нимикон Бреста насчитывал уже восемь онимных единиц славянской этимологии: *Богдан, Владимиръ, Всеволодь, Вячеславъ, Мстиславъ, Ростиславъ, Святославъ, Ярославъ*. В белостокском православном именнике в два раза увеличилось количество фиксаций имени *Владимир* (86 человек, т. е. 10,5 % имяносителей), а также был отмечен ранее не фиксировавшийся оним *Wsiewołod*.

По сравнению с «русским» периодом в «польском» периоде развития пограничного католического именника произошли следующие изменения. Стали фиксироваться не отмеченные на предыдущих срезах антропонимы *Богдан/Bohdan, Szczęsław, Wiesław, Zbysław, Ziemowit*. И в Бресте, и в Белостоке отмечено снижение популярности онима *Bolesław* и *Bronisław*, однако наблюдается активный рост популярности имен *Czesław* и *Mieczysław*, которые вошли в десятку самых популярных в 1929–1938 гг. на обеих территориях.

В современной брестской именословной системе наблюдается активное использование различных славянских антропонимов (всего 24 единицы): *Борислав, Данислав, Добромир, Лучезар, Любомир, Мстислав, Радомир, Ратибор, Ратмир, Ростислав, Святослав, Тихомир, Ярослав* и др., а также активное обращение к именам, которые воспринимаются носителями как «типично польские». В Бресте популярны онимы *Владислав, Станислав*, фиксируются имена *Казимир, Бронислав, Мирослав*. В Белостоке имеет место противоположная тенденция – значительное снижение количества славянских онимов и их носителей (всего 8 единиц). Из древних славянских имен сохранили свои позиции в именнике лишь *Stanisław* и *Wojciech*. Позиции популярных 120 лет назад типично польских имен *Bronisław, Kazimierz, Władysław, Zbigniew, Zdzisław* и др. заняли иные славянские онимы: *Miłosz, Przemysław, Radosław*.

Список использованной литературы

1. Słowiańska onomastyka : encyklopedia : w 2 t. / red. E. Rzetelska-Feleszko, A. Cieślíkowa, J. Duma. – Warszawa ; Kraków : Towarzystwo Naukowe Warszawskie, 2002. – Т. 1. – 535 s.
2. Abramowicz, Z. Imiona chrzestne białostoczian w aspekcie socjolingwistycznym (lata 1885–1985) / Z. Abramowicz. – Białystok : Dział Wydawnictw Filii UW w Białymstoku, 1993. – 509 s.
3. Bystroń, J. S. Księga imion w Polsce używanych / J. S. Bystroń. – Warszawa : Rój, 1938. – 376 s.
4. Grzenia, J. Nasze imiona / J. Grzenia. – Warszawa : Świat książki, 2002. – 334 s.

Л. А. Годуйко (г. Брест, Республика Беларусь)

**МЕТАФОРИЧЕСКИЕ РЕКЛАМНЫЕ ИМЕНА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРАГМАТОНИМИИ И ЭРГОНИМИИ
БРЕСТЧИНЫ)**

Метафора – явление сложное, многовекторное, не до конца изученное лингвистами. Но ее универсальность, продуктивность, участие в процессах смыслообразования продолжает привлекать внимание специалистов в разных областях науки. «Метафора далека от того, чтобы быть простым средством украшения; она активно участвует в развитии знания, замещая устаревшие “естественные” категории новыми, позволяющими увидеть проблему в ином свете, предоставляя нам новые факты и новые миры» [1, с. 194]. Результатом метафорической эволюции нередко становится символ. Он продукт культуры и цивилизации, а не отдельной личности; вербально-понятийный инструмент, не дающий «человеку потеряться в обилии деталей», снабжающий его «облеченными в конкретную форму концептами» [2, с. 350–351]. Метафора и символ не похожи по целому ряду признаков, о чем убедительно рассуждает Н. Д. Арутюнова: в основе метафоры лежит категориальный сдвиг, она делает ставку на значение; для метафоры характерно употребление в функции предиката; переход от образа к метафоре вызван семантическими (внутриязыковыми) потребностями. «В символе, для которого не характерно употребление в предикате, напротив, стабилизируется форма»; он выполняет дейктическую функцию; переход к символу чаще всего определяется факторами экстралингвистического порядка [3, с. 23–26]. Несмотря на обозначенные различия, метафора тесно связана с символом, поскольку в их основе лежит образ. А образность выступает эффективным и эффектным способом вербальной «упаковки», подачи продвигаемого товара или услуги.

Данное исследование посвящено такой единице языка рекламы, как рекламное имя (далее – РИ) – номинация любого товара в самом широком смысле этого слова [4, с. 4]. Объектом анализа стали две группы метафорических РИ: прагматонимы (имена собственные производимых на Брестчине молочных, хлебобулочных и мучных кондитерских изделий; товаров бытовой химии) и эргонимы (имена объектов общественного питания, торговых объектов г. Бреста и творческих коллективов г. Бреста, Брестского, Березовского, Каменецкого, Малоритского районов).

Способы образования выбранных РИ различны. Для имен-слов и фразеологических единиц это в первую очередь метафорическая онимизация. Она трактуется по-разному – и узко («объект обозначается на правах сравнения» [5, с. 206]), и весьма широко («метафорический перенос пред-

полагает наличие общего семантического элемента – дифференциальной или коннотативной семы» [6, с. 79]: *торговая марка (ТМ; мороженое) «Фаворит», «Большой соблазн», «Крепкий орешек»* – в ониме столкнулись прямое и переносное значения: он отсылает к составу продукта (в него входит земляной *орех*; это метонимия) и ассоциируется с омонимичной фразеологической единицей; *булочка «Ушки»; сладости мучные «Дело вкуса»* – в генитивном компоненте РИ также актуализируется прямое значение, а оним «намекает», что такой выбор – признак хорошего *вкуса*; *кафе «Константа»* – имя как знак надежности объекта; *хореографический кружок «Карамельки»; образцовый ансамбль народного танца «Праменьчык»* и др.

Реже номинаторы товаров и деловых объединений обращаются к метафорической трансонимизации: *пряники «Колизей»* – основой сближения мучного изделия и памятника архитектуры Древнего Рима может послужить их подобие по форме; *отбеливатель «Альбион»* – кельт. *Albion* является древнейшим названием Британских островов; но в РИ, думается, на передний план выходит компонент *альб-* ‘белый’ (встречается в ряде индоевропейских языков, например лат. *Alba Ruthenia* – историческое имя ряда регионов на территории современной Беларуси и России); *кружок сольного пения «Орфей»* – древнегреческий герой прославился своим вокалом; *народный молодежный экспериментальный театр «Пигмалион»* – сценическое действие, подобно античному скульптору, способно оживить душу, реализовать духовное богатство (и актеров, и зрителей) и др.

Отмечены также однословные РИ, представляющие собой результат заимствования (ТМ «*Оптималь*» – англ. ‘оптимальный’; по утверждению производителя, этот йогурт – «оптимальное решение для пищеварения»; *сыр полутвердый «GRAND»* – исп. ‘дворянский титул’, франц. ‘знатный, большой’; ТМ (моющие средства) «*Gloss*» – англ. ‘блеск, лоск, глянец’; ТМ (товары по уходу за домом) «*Profit*» – англ. ‘выгода’; ТМ (средства по уходу за волосами) «*Inspiration*» – франц. ‘вдохновение’; *образцовый ансамбль мажореток «Victory»* и др.) и словообразования (*мороженое «Люкс-айс»* – в англ. *ice cream* ‘мороженое’ переставили лексемы и одну из них заменили на компонент со значением ‘высший сорт’; *автошампунь «Автолюкс»/«Avtoluxe, магазин «Хлебосолье»* и др.).

Многословные РИ созданы лексико-синтаксическим способом на базе свободных словосочетаний, предложений (метафоричным может быть только один их компонент): *бальзам для волос «Мелодии природы Крапива»; ополаскиватель для белья «Ласковая фея»; серия (жидкое мыло) «Серебряная роса»; шампунь «Легкость и объем»; ТМ (освежитель воздуха) «Атмосфера комфорта»; мини-кафе «Вдали от жен»* – именуемый объект

предстает как место, где мужчины могут расслабиться, выйдя из-под контроля своих половинок; *кафе «Домашние обеды», «Мама дома»* и др.

Как видим, метафоричность РИ неоднородна. В одних случаях она обусловлена переносным значением исходного апеллятива (семантизация онима, актуализация его дономастического значения): *гриль-бар «Берлога»* – перен. ‘жилище’ с дополнительными семами ‘уединенное’, ‘надежное’, ‘мужское’; *народный ансамбль преподавателей духовых инструментов «Калейдоскоп»* – перен. ‘о разнообразии существующих явлений, фактов и т. п.’ и др. В других РИ образность появляется на этапе их создания: *сырок глазированный шоколадный «Брестская картошка»*; *торт «Шоколадный поцелуй»*; *булочки «Близняшки»*; *пряники «Полночь»* – отсылка к цвету кондитерского изделия; *серия «Фруктовая радуга»* – метафора широкого ассортимента жидкого мыла («*Ароматная папайя*», «*Зеленый грейпфрут*», «*Нежный арбуз*» и др.); *ТМ* (чистящие, моющие средства) «*Световид*» – от славянского теонима *Световид* (Световит/Святовит); но, думается, выбор мотивирующего обусловлен его связью со словом *свет* (а чистота ассоциируется со *светом*), т. е. РИ означает что-то вроде ‘чистый вид’ (метафоричность онима окказиональная); *магазин «Добрый»* и др.

В целом зафиксированные прагматонимы и эргонимы демонстрируют метафоры, основанные на сходстве:

1) внешнем, т. е. на подобии по цвету/окраске, по форме, размеру, количеству: *сыр «Мраморный»*; *мороженое трехслойное шоколадное «ТРИО шоколад ваниль клубника»*; *печенье «Валентинки»* – в виде сердечек; *сухари «Гномики»* – отличаются маленьким размером; *сушки «Нолики», «Пуговки»*; *сладости мучные «Веснушки»*; *пирожное «Рыжик», «Корзиночка городская», «Песочное кольцо»* и др.;

2) внутреннем и/или на подобии впечатления, восприятия: *сыр плавленый «Презент»*; *мороженое «Салют»*; *сладости мучные «Пальчики оближешь»*; *сдоба «Восторг»*; *пирожное «Dolce Vita»* – итал. ‘сладкая жизнь’, причем в РИ адъектив функционирует в значениях и переносном, и прямом; *средство жидкое для отбеливания «Белизна-Супер»*; *магазин «Фортуна»* – как и древнеримская богиня, оним обещает покупателям удачу; *кафе «Ё-моё», «Белиссимо», «Статус»* – предполагается, что положение заведения, его клиентов достойное; *кафе для автолюбителей «Драйв»*; *образцовый ансамбль эстрадного танца «Ассорти»* – РИ отражает разнообразие репертуара; *агиттеатр «Час пик»* – ‘время наивысшего напряжения, загруженности’, а в качестве эргонима фразеологическая единица подчеркивает актуальность вопросов, поднимаемых коллективом (ЗОЖ, пожарная безопасность, ПДД);

вокальное объединение «*Smile*» – англ. ‘улыбка’; заслуженный любительский коллектив Республики Беларусь «*Радость*» и др.;

3) функциональном: йогурт «*Фитнесс*»; ТМ (сладкий лед) «*Фруктовая прохлаДа!*»; средство для канализационных труб «*Крот-Н*»; ТМ (моющие средства) «*Маг*», «*Няня*» – подобно няне, именуемый товар «заботится» о ребенке; ТМ (инсектицидные средства) «*Кирдык*» – жарг. ‘крайне плохое положение дел, конец’; кофейня «*Лаборатория кофе*»/«*The Coffee Laboratory*» – заведение предлагает и классические, и новаторские способы заваривания кофе; гриль-бар «*Поляна*» – мотивирующее использовано в переносном значении: ср. с жаргонной фразеологической единицей *накрыть поляну* ‘устроить банкет, вечеринку с угощением’; народный ансамбль народной песни «*Рыцкі кұфэрак*»; народное любительское объединение «*Камянецкая скарбонка*» – оним, как и предыдущий, удачно отражает задачу коллектива: он бережно *сохраняет* народную культуру; народный мужской вокальный ансамбль «*Благовест*»; образцовая эстрадная студия «*Тарарам*» – ‘шумное, беспорядочное *веселье*’; кукольный кружок «*Цветик-семицветик*» – метафорически обозначена миссия искусства, которое, подобно волшебному цветку из сказки В. Катаева, способно *исцелить*, воспитывает доброту; клуб любителей фольклора «*Жывая вада*» и др.;

4) ценностном: йогурт «*Греческий ТЕОС*» – греч. ‘бог’; торт «*Птичье молоко*» – ‘нечто неслыханное, предел желаний’; ТМ (средства по уходу за волосами) «*Valeur*» – франц. ‘ценность’; ТМ (бытовая химия) «*БЭСТ*» – англ. ‘лучший’; кафе «*Блинный рай*»; районный клуб мастеров-умельцев «*Скарб талентаў*» – бел. ‘сокровище’ и др.

В целом метафорические РИ отличаются активностью в рекламной коммуникации Брестского региона. Основанные на денотативном или коннотативном сходстве, они демонстрируют широкий спектр способов номинации, появление образности на разных этапах онимообразования и по разным основаниям. Метафоричность прагматонимов, эргонимов позволяет им достаточно успешно реализовать свои функции, в частности рекламную: подобные имена привлекают, задерживают внимание потребителя, создают благоприятное впечатление об именуемом товаре, услуге, оставляют след в памяти адресата коммуникации.

Список использованной литературы

1. Гудмен, Н. Метафора – работа по совместительству / Н. Гудмен // Теория метафоры : сборник / общ. ред.: Н. Д. Арутюнова, М. А. Журина. – М. : Прогресс, 1990. – С. 194–200.
2. Шувалов, В. И. Символ и метафора в языке и речи / В. И. Шувалов // Преподаватель XXI века. – 2017. – № 3. – С. 349–355.
3. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры : сборник / общ. ред.: Н. Д. Арутюнова, М. А. Журина. – М. : Прогресс, 1990. – С. 5–32.

4. Крюкова, И. В. Рекламное имя: рождение, узуализация, восприятие : учеб. пособие по спецкурсу / И. В. Крюкова. – Волгоград : Перемена, 2003. – 100 с.

5. Романова, Т. П. Система способов словообразования рекламных имен / Т. П. Романова // Вестн. СамГУ. – 2007. – № 5/2 (55). – С. 204–214.

6. Вайрах, Ю. В. Способы словообразования наименований коммерческих предприятий Иркутска / Ю. В. Вайрах // Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та. Сер. Филология. – 2010. – № 4 (12) – С. 78–84.

Л. А. Годуйко (г. Брест, Республика Беларусь)

СФЕРЫ-ИСТОЧНИКИ МЕТАФОРИЧЕСКИХ РЕКЛАМНЫХ ИМЕН (НА МАТЕРИАЛЕ ПРАГМАТОНИМИИ И ЭРГОНИМИИ БРЕСТЧИНЫ)

Особой сферой изучения массовой коммуникации в современной лингвистике стал язык рекламы, который представляет собой не только систему лингвистических и экстралингвистических средств выражения, но и языковую структуру, формирующую восприятие определенной информации адресатом с учетом социо-, психолингвистических и лингвокультурологических особенностей той языковой среды, в которой он существует [1, с. 16]. Для языка рекламы характерны разнообразные вербальные средства, приемы привлечения внимания потребителя товара, услуги. В частности, востребована в рекламном дискурсе метафора – «троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т. п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [2, с. 296].

Создатели прагматонимов (это рекламные имена (далее – РИ) производимых на Брестчине молочных, хлебобулочных и мучных кондитерских изделий; товаров бытовой химии – средств по уходу за домом и за лицом, телом человека) и эргонимов (имена объектов общественного питания, торговых (продовольственных) объектов г. Бреста и творческих коллективов г. Бреста, Брестского, Березовского, Каменецкого, Малоритского районов) обращаются к гетерогенным метафорическим моделям, которые различаются в т. ч. **сферами-источниками** метафоризации. Для исследуемых РИ отмечены следующие из них: «человек», «социум», «результаты труда человека», «природа (неживая и живая)», «время».

Создание **антропоморфных** РИ предполагает обращение к понятийным сферам: а) внутренние качества человека: булочка «*Неженка*» и др.; б) род деятельности: образцовый драматический коллектив «*Чародеи*» и др.; народная детская студия изобразительного искусства «*Рафаэль*» и др.; в) социальный статус: мороженое «*Фаворит*»; печенья «*Прима*»;

стиральный порошок «Айсберг. Профессионал»; вокальная группа «Суседзі» и др.

Социоморфные РИ апеллируют к понятийным сферам: а) мифология, верования: кондиционер-ополаскиватель для белья «МАГ. Прикосновение ангела»; торговая марка (ТМ; ополаскиватель для белья) «Магия прикосновения»; сеть магазинов «Дионис» – имя древнегреческого бога производительных сил природы как метафора изобилия, разнообразия продуктов; любительское (театральное) объединение «Зазеркалье» и др.; б) искусство: паста моющая «Премьера» – РИ позиционирует товар как ‘первый, лучший’ и др.; в) спорт: кафе «5 колец» – указание на местоположение (в спорткомплексе); г) межличностные отношения: серия (уход за телом) «Oriental touch» – англ. ‘восточное прикосновение’; магазин «Tet-a-tet» – РИ «снимает» дистанцию между продавцом и покупателем; магазин «Хлебосолье»; народный клуб творческой молодежи «Свой круг» и др.

Источником артефактоморфных РИ стали, в частности, понятийные сферы: а) предметы быта: образцовая театральная студия «Волшебный фонарь», вокальный ансамбль «Лучына», «Крэсіва» – бел. ‘кусочек камня, железа или стали для высекания огня из кремня’, данные онимы подчеркивают предназначение творчества: оно должно высекать огонь, зажигать сердца, освещать; б) постройки, их элементы: вокальная группа народной песни «Мельница»; образцовый театр кукол «Теремок» – это жилище стало символом взаимопомощи, умения принимать разное и разных; студия эстрадного пения «Ступени»; в) элементы антропогенного ландшафта: народный клуб авторской песни «Перекресток» – пересечение дорог как метафора непростого жизненного пути, необходимости выбора; г) ткань: спрей для тела «Бархат фиалки»; д) пища: бальзам-мусс для тела «Фруктовый салат» и др.

В основе метафорических моделей натуроморфных РИ лежат понятийные сферы: а) животный мир: кекс «Зebra» – отличается двухцветностью; булочка «Ракушка», «Улитка», «Ежик» – изделие посыпано семенами кунжута и похоже на зверька с иголками; образцовый хор мальчиков «Пеўнікі» – бел. ‘петух’, эта птица своим звонким голосом, согласно славянским, христианским верованиям, разгоняет ночь, темные силы, любит лидировать, готова посражаться за первенство – и эргоним находчиво отражает психоэмоциональные особенности юных исполнителей, роль музыки; народный фольклорный коллектив «Орліца» – диалектная форма названия самки орла (царь птиц, владыка небес) стала именем женского по составу творческого объединения и привносит в оном такие смыслы, как ‘мудрая’, ‘сильная’, ‘гордая’, т. е. настоящая белорусская женщина, и др.; б) растительный мир: пирожное «Картошечка»; клуб мастеров народного творчества «Суквецце»; в) элементы космического

пространства: сыр полутвердый «Солнечный» – продукт, как отмечают номинаторы, «...отличает удивительно оранжевый цвет теста»; *пирожное «Звездное»* – посыпка кондитерского изделия напоминает звездочки; *образцовый хоровой коллектив «Пралескі»* – бел. ‘подснежники’, имя весеннего цветка, символизирующего молодость, надежду, удачно выбрано в качестве номинации детского творческого объединения; *народный ансамбль песни и танца «Сузор’е»* и др.; г) атмосферные явления: *сухари «Снежок»*; *сладость мучная колечко «Облачко»*, «*Тучка*» – изделия покрыты глазурью: у первого она светлая, у второго – темная (к слову, возможная отрицательная коннотация исходных апеллятивов снимается уменьшительно-ласкательным суффиксом); *мороженое пломбир* и ТМ (моющие средства) «*Айсберг*» – данная проприальная группа интересна тем, что демонстрирует актуализацию в разных РИ разных сем: первый оним базируется на сходстве внешнем и внутреннем (‘белый’ и ‘холодный’), второй – на сходстве внешнем, причем не именуемого продукта, а результата его применения; ТМ (средства для прочистки труб) «*Тайфун*»; *хореографический ансамбль «Радуга»* и др.; д) минералы, в первую очередь – представляющие ценность: *масло сладкосливочное «Золото Полесья»*, сыр «Голден чиз» / «Golden cheese» – англ. ‘золотой сыр’, «*Белорусское золото*»; сыр «Янтарный», сыр плавленный копченый колбасный и ТМ (средства для мытья посуды) «*Янтарь*» – оба названия объективируют разные метафорические переносы: в первом примере – по внешнему сходству (цвету), во втором – скорее по впечатлению: окаменевшая смола хвойных деревьев ассоциируется со светом, солнцем, воспринимается как сокровище; *паста чистящая для сильно загрязненных рук «Жемчуг»*; *образцовый ансамбль танца «Кришталікі»*, *народный хор ветеранов «Кришталныя крыніцы»* и др.; е) элементы ландшафта: *кондиционер-ополаскиватель для белья «Маг. Дыхание моря»*; *чистящее средство «Дин. Яблоневоу сад»*; *освежитель воздуха «FLUID Альпийский луг»*; *образцовый ансамбль народного танца* и клуб любителей фольклора «*Крынічка*» и др.; ж) сезоны, части суток – данная группа РИ, по нашему мнению, образует переходную зону к следующей метафорической модели.

Хрономорфные РИ опираются на понятийные сферы: а) времена года: ТМ (молочные продукты) «*Ласковое лето*», *мороженое* (с фруктовыми наполнителями) «*Яркое лето*»; *серия* (средства по уходу за телом) «*Summer dream*» – англ. ‘летняя мечта / летний сон’, *лето* как образ чего-то солнечного, теплого, свежего, «вкусного» и др.; б) части суток: ТМ (молочные продукты) «*Раніца*» – бел. ‘утро’; сыр плавленный колбасный «*Свитанок*»; *ополаскиватель для белья «Morning sun*» – ‘утреннее солнце’; *народный ансамбль народной песни «Заранак»* – наступление дня символизирует бодрость, предвкушение чего-то чистого, светлого, радост-

ного; *торт из мороженого «День и ночь»* – оним переносно отражает состав именуемого продукта, его внешний вид: одна половина белая, вторая – коричневая, шоколадная и др.; в) единицы времени, эпохи: *средство для чистки стекол «Секунда-экстра Зеленое яблоко»*; ансамбль *«Ренессанс»* и др.

Таким образом, метафорические прагматонимы, эргонимы объективируют целый комплекс сфер-источников, понятийных сфер метафорической интерпретации действительности и способны передать информацию о продукте, деловом объединении ярко, кратко, доступно, обладают высоким прагматическим потенциалом, становятся убедительным аргументом в пользу выбора предлагаемого товара, услуги.

Список использованной литературы

1. Ильясова, С. В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С. В. Ильясова, Л. П. Амири. – М. : Флинта : Наука, 2012. – 296 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Совет. энцикл., 1990. – 685 с.

В. М. Касцючык (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)

ФУНКЦЫІ ОНІМАЎ У КАЗКАХ ПІСЬМЕННІКАЎ БРЭСТЧЫНЫ

Імёны персанажаў у казках берасцейскіх пісьменнікаў – гэта мастацкія вобразы, якія валодаюць разнастайнай інфармацыяй. Іх семантычная насычанасць выяўляецца найперш за кошт яркай унутранай формы, што мае словаўтваральную сувязь з апелятыўнымі намінацыямі. Унутранай формай онімаў абумоўліваецца і іх шматфункцыянальнасць: гаваркія імёны персанажаў выконваюць не толькі намінатыўную, але і тэкстаўтваральную і стылістычныя (ацэначную, эмацыйную, экспрэсіўную) функцыі. У створаным пісьменнікам казачным свеце імёны герояў важныя як своеасаблівыя маркеры знешняга выгляду персанажаў, іх характару. Напрыклад, да ліку характарыстычных намінацый адносяцца такія імёны казачных герояў, як *Зюка* (дваровы кот са зборніка казак Георгія Марчука “Прыгоды Агапкі і ката Фокуса”), *Кваква* (чапля з казкі Алеся Бадака “Нота «мі» для Кваквы”; з-за таго, што Чапля квакала, як Жаба, “сяброўкі пачалі дражніць Кваквай” [1, с. 197]), *Сівая Поўсьць* (крот у “Казачных аповесцях пра міжпланетнага Пажарніка і іншых мамурыкаў” Раісы Баравіковай), *Шэрая Шыйка* (качка ў казцы-загадцы “Хто падказваў у класе?” Расціслава Бензерука).

Матывацыя імені літаратурнага персанажа нярэдка падаецца пісьменнікам у самой казцы: “У гэты час і нарадзіліся ў аднаго чалавека

дзе дачкі. Адна была такая прыгожая, што чалавек, як толькі зірнуў на яе твар, адразу сказаў жонцы:

– Ведаеш, дарагая, такога твару я ніколі і нідзе не бачыў! Ён такі прыгожы, што, глядзячы на яго, немагчыма не адчуваць радаснага хвалявання. Гэта проста не дзяўчынка, а нейкі **Прамень Радасці**.

Так яе і назвалі.

Другая дачка нічым не адрознівалася ад іншых дзяўчынак, пра якіх нярэдка гавораць: «Дзіця як дзіця!» Яна была кірпаносенькая, з кругленькім тварам, праўда, бровы на гэтым твары былі вельмі выразныя, яны нагадвалі два тоненькія-тоненькія лісцікі! Бацька звярнуў на гэту ўвагу, і дзяўчынку назвалі – **Двулісцік!**” [2, с. 53].

“І асабліва палюбіў батаніку мамурык **Кутасік**. Такім нязвычайным імем гэтага мамурыка назвалі таму, што ён свае доўгія валасы завязваў ззаду злёнай стужачкай і яны нагадвалі самы сапраўдны кутас” [3, с. 106].

“Кот меў здольнасць дэманстраваць розныя фокусы, таму і мянушку яму далі – **Фокус**” [4, с. 3].

Імёны персанажаў фіксуюць як найбольш яркую знешнюю ці ўнутраную якасць героя, так і незвычайны выпадак з жыцця казачнага персанажа. Напрыклад, начніца з “Казачных аповесцяў пра міжпланетнага Пажарніка і іншых мамурыкаў” Раісы Баравіковай названа **Брысяй** па наступнай прычыне: “З самага пачатку пасля свайго нараджэння маленькая начніца была вельмі гарэзлівай, а да таго і надта цікаўнай. Усё прыцягвала яе ўвагу. І калі гэтая цікаўнасць рабілася проста нясцерпнай, тата тупаў нагою і строга загадваў маленькай начніцы:

– Брысь! Брысь адсюль!

І тады мама заўжды заступалася за начніцу:

– Як табе не сорамна, – казала яна бацьку. – Дзіцятка яшчэ нават не мае імя, а ты ўжо крычыш на яго.

Ды вось аднойчы да іх завіталі госці, і вельмі важны **Кажан**, узяўшы начніцу на рукі, прамовіў:

– Скажы, як цябе завуць, і я дам табе цукерачку!

Маленькая начніца спачатку разгубілася, а потым успомніла бацькавыя словы: «Брысь! Брысь адсюль!», і сказала:

– **Брыся!** Мяне завуць **Брыся!**” [3, с. 58].

Адметнымі выступаюць імёны-экспрэсівы: **Бутуз**, **Бамбарыза**, **Мамурыя** з “Казачных аповесцяў пра міжпланетнага Пажарніка і іншых мамурыкаў”. Экспрэсівы ўяўляюць сабой пэўныя гукаспалучэнні, што садзейнічаюць стварэнню мастацкіх вобразаў. Так, **Бутуз** – гэта назва крата, які “быў неверагодна тоўсты”, “ніколі нічога не ўмеў рабіць, ды і не хацеў”, “толькі ляжаў на канапе ў вялікім падземным пакоі, дзе не было і не магло быць ніводнага акенца” [3, с. 7]. Акрамя таго, крот намерыўся запусціць

ракеты *Бамбарызу*, каб знішчыць планету *Мамурыю*. Вядома ж, імёны-экспрэсівы *Буруз* і *Бамбарыза* выклікаюць толькі адмоўныя эмоцыі ў чытача. Сама ж планета *Мамурыя* істотна адрозніваецца ад Зямлі: на ёй іншы клімат, тут ніколі не ідуць дажджы, няма такога жывёльнага і расліннага свету, тых пахаў, што ёсць на нашай планеце. Для прыкладу, онімы, што характарызуюць прыроду планеты *Мамурыя*: цясніна *Срэбнай вады*, якая вельмі глыбокая і ў ёй чуецца звон, “*і ўсе думваюць, што гэта б’еца вада аб каменныя глыбы на дне*” [3, с. 27], кветкі *Жальбы*, што зрабіў Вялікі мамур з самага тонкага шкла і перанёс сюды на скалы, “*кветкі былі падагнаны так, што неўзабаве зрасліся са скаламі*” [3, с. 29]. На аснове прыведзеных онімаў можна выявіць асацыятыўную сувязь па прыкмеце ‘цвёрды, нежывы’ паміж *Мамурыяй* і назоўнікам *мрамур* ‘цвёрды камень крышталічнай пароды, які ўжываецца для скульптурных і архітэктурных работ’ [5, с. 334].

Асабліва прадуктыўным спосабам утварэння імёнаў у казках берасцейскіх пісьменнікаў з’яўляецца анімзацыя апелятываў. Многія онімы са зборнікаў казак Расціслава Бензерука “*Зайцаў кажухок*” і Георгія Марчука “*Прыгоды Агапкі і ката Фокуса*” звязаны сваім узнікненнем з апелятывамі – назвамі жывёл (*Мядзведзь, Заяц, Воўк, Ліса, Вавёрка, Вожык, Дзік, Лось*), птушак (*Варона, Сарока, Шпак, Верабей, Дзяцел, Салавей, Качка, Курыца, Бусел*), насякомых (*Пчала, Павучок, Матылёк*), раслін (*Яблынька, Дзьмухавец, Рамонак, Дзівасіл, Матачнік*), прыродных з’яў (*Хмарка, Маланка, Гром, Дождж, Аблачынка, Ветрык, Сонца*), нежывых прадметаў (*Чырвоная Акварэлька, Пэндзлік*).

Часта для дыферэнцыяцыі казачных персанажаў выкарыстоўваецца пашыраная іменавальная мадэль “*прыметнік + назоўнік*”. Так, у казцы Алеся Бадака “*Белы Пеўнік*” ужыты імёны *Белы Пеўнік*, *мама Чорная Курыца*, суседская *Пярэстая Курыца*, бабуля *Сівая Курыца*; у другой казцы гэтага ж аўтара “*Акварэлькі*” – *Чорная Акварэлька*, *Чырвоная Акварэлька*, *Зялёная Акварэлька*.

Узроставае дыферэнцыяцыя персанажаў нярэдка праяўляецца аўтарамі на дэрывацыйным узроўні праз выкарыстанне памяншальна-ласкальных суфіксаў. Так, у казцы Алеся Бадака “*Зорка для капрызы*” ўжыты імёны *Вавёрка-маці* і *Вавёрачка*, у казцы “*Хмарка*” – *Хмара* і *Хмарка*. Паказальнікам узросту персанажа выступае і прыметнік, што ўводзіцца ў іменавальную мадэль. У казках Расціслава Бензерука гэта *Стары Журавель*, *Малады Журавель* і *Маладзенькая Ластавачка* (“*Двое за морам*”), *Старая Вавёрка* (“*Каму тэлеграма*”), *Малады Заяц* і *Стары Заяц* (“*Зайцаў кажухок*”), *Старая Хмара* (“*Вадой не разліць*”). У казках названага аўтара мае месца і палавая дыферэнцыяцыя персанажаў, выяў-

леная ў намінацыях *Заяц і Зайчыха* (“Жучок з ліхтарыкам”), *Бусел і Бусліха-маці* (“Клекатунчык”).

Агульныя назвы жывёл, што часта становяцца функцыянальнымі эквівалентамі онімаў, могуць азначацца ўласнымі імёнамі. Асабліва заўважаецца гэты дадатковы прыём антрапамарфізацыі і надання імені экспрэсіўнасці ў казках Расціслава Бензерука. Тут адначасова ўжываюцца *Мядзведзь і Міхайла Іванавіч* (“Яблыня”), *Мядзведзь і Міхайла Патапавіч* (“Зайцава помста”), мядзведзікі *Міхалік, Патапка* і дзед *Патап Іванавіч* (“Як прыдумалі гульнію”), *Мядзведзь і касалапы Міша* (“Каму тэлеграма”).

“Антрапамарфізм вобразаў прыродазнаўчай казкі, – слухна зазначае В. В. Бардакова, – абумоўлівае і найбольш частотны спосаб намінацыі персанажаў, калі ў якасці оніма выступае родавая ці відавая назва жывёлы, птушкі, насякомага, расліны” [6, с. 54]. Так, экспрэсіўнасць кантэксту істотна ўзрастае, калі назвы жывёл дапаўняюцца ўласнымі імёнамі, уласцівымі людзям. Гэта назіраецца ў наступных рода-відавых спалучэннях з казкі Расціслава Бензерука: *вавёрка Ада, зайчык Цімошка, янот Антошка, ліса Ліза, бабрыха Барбара, слон Адзік, малпачка Зося* (“Як прыдумалі гульнію”). Дадатковай пазнавальнай інфармацыяй і станоўчай ацэнкай валодае рода-відавое спалучэнне *Качка Кіраўна* з казкі-загадкі “Хто падказваў у класе?": яно характарызуе персанажа, падкрэслівае, што Качка была строгай настаўніцай і добра кіравала навучальным працэсам. На гэта звяртае ўвагу аўтар і ў пачатку казкі: “*У чаратах размясцілася качыная школа. Вывучалі складанне лікаў. Строгая настаўніца Качка Кіраўна задала пытанне...*” [7, с. 35].

Спыняе ўвагу поўная іменавальная мадэль *Афрыкан Далматавіч Падарожнік* – намінацыя аднаго з персанажаў казкі Алеся Бадака, знакамітага кнігалюба на вуліцы Сонечнай. Поруч выкарыстоўваецца ў тэксе і аднаслоўнае ўласнае імя *дзядуля Афрыкан*. Персанаж атрымаў прозвішча і імя найхутчэй праз сваю дапытлівасць і цікаўнасць, праяўленыя да ўсяго, што адбывалася ў свеце. У прыведзенай мадэлі выкарыстоўваецца прыём моўнай гульні і выяўляецца экспрэсіўна-семантычная кандэнсацыя, накладанне сэнсаў. Намінацыя *Падарожнік* паказвае, што пры чытанні кніг герой “вандраваў” па іншых краінах, найменне ж *Афрыкан* падкрэслівае, што ў сваіх “падарожжах” чытач дасягаў самых аддаленых месцаў нашай планеты. Названая іменавальная мадэль і яе скарочаны варыянт вылучаюць асаблівасці жыцця персанажа, характарызуюць яго характар, паводзіны.

Як бачым, у казках берасцейскіх пісьменнікаў онімы выступаюць важнымі шматфункцыянальнымі сродкамі, што садзейнічаюць моўнай і кампазіцыйнай арганізацыі тэксту. Яны ствараюць адпаведны эмацыйна-

экспрэсіўны фон твораў, пры гэтым узаемадзейнічаюць паміж сабой і сваімі функцыянальнымі эквівалентамі.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Бадак, А. М. Як расмяшыць папугая : аповесці, казкі, апавяданні, вершы / А. М. Бадак. – Мінск : Звязда, 2015. – 344 с.
2. Баравікова, Р. А. Галенчыны “Я”, альбо Планета Цікаўных Хлопчыкаў : аповесць / Р. А. Баравікова. – Мінск : Юнацтва, 1990. – 134 с.
3. Баравікова, Р. А. Казачныя аповесці пра міжпланетнага Пажарніка і іншых мамурыкаў / Р. А. Баравікова. – Мінск : Літ. і мастацтва, 2010. – 144 с.
4. Марчук, Г. В. Прыгоды Агапкі і ката Фокуса : казкі / Г. В. Марчук. – Мінск : Літ. і мастацтва, 2012. – 55 с.
5. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – Мінск : БелЭн, 1996. – 784 с.
6. Бардакова, В. В. «Говорящие» имена в детской литературе / В. В. Бардакова. – Вопр. ономастики. – 2009. – № 7. – С. 48–56.
7. Бензярук, Р. Зайцаў кажущок : казкі / Р. Бензярук. – Мінск : Маст. літ., 2004. – 79 с.

О. А. Корабо (г. Брест, Республика Беларусь)

ПРИНЦИПЫ И СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ ОБЪЕКТОВ БЫТОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ БРЕСТЧИНЫ

Согласно государственному информационному ресурсу «Реестр бытовых услуг Республики Беларусь», объект бытового обслуживания – это специально оборудованный стационарный либо нестационарный объект бытового обслуживания, предназначенный для оказания бытовых услуг, в том числе для осуществления приема и выдачи заказов потребителям; вид объекта бытового обслуживания определяется разновидностью оказываемых бытовых услуг (комбинат бытового обслуживания, дом моды, дом быта, ателье, мастерская, прачечная, студия, фотография, парикмахерская, баня, пункт проката и др.) [1].

Имена собственные подобных объектов представляют собой продуктивную онимическую подсистему, репрезентируют различную лингвистическую и экстралингвистическую информацию. Материалом нашего исследования послужили около 300 наименований объектов бытового обслуживания Брестской области.

Анализ литературы показал, что классификации рекламных имен (далее – РИ) достаточно разнообразны. Так, известный ономастолог И. В. Крюкова говорит о трех принципах номинации, действующих в области создания РИ: идентифицирующем (прямое отражение качеств рекламируемого объекта, при котором слова использованы в прямом значении), условно-символическом (опосредованное отражение качеств

рекламируемого объекта), символическом (полное отсутствие смысловой связи с объектом номинации) [2].

В ходе анализа было установлено, что в Брестском регионе при создании эргонимов, именующих объекты бытового обслуживания, активно используется идентифицирующий принцип. Он особенно актуален для РИ, которые напрямую дают потенциальному клиенту разнообразные сведения об объекте, о предлагаемых им бытовых услугах: *мастерская «Ювелир», парикмахерская «Стильная стрижка», мастерская по ремонту обуви «Обувь-сервис», швейная мастерская «Шьем для вас», фотоцентр «Фотография»* и др. Отметим, что многие эргонимы, созданные на основе идентифицирующего принципа, представляют собой дескриптивные конструкции (без «закавыченной» части): *цех реставрации перо-пуховых изделий* (ИП Дикович А. С.), *швейное ателье* (ОАО «Пинский ГКБО»), *прачечная* (КУП «Кобринский РКБО»), *пункт проката № 1* (ООО «Пинский ГКБО»), *ювелирная мастерская* (ИП Белоусов И. Н.) и др.

Номинаторы объектов бытового обслуживания Брестчины достаточно часто обращаются к условно-символическому принципу, согласно которому главная роль принадлежит связям на основе сравнения, смежности, ассоциативным связям РИ с именуемыми объектами и предоставляемыми ими услугами. Зачастую, при употреблении без номенклатурной группы, подобные названия могут быть не понятны целевой аудитории [3]. Зафиксированные эргонимы построены с опорой на ассоциативные метафоры (*салон красоты «Галерея красоты», салон ритуальных услуг «Печальный телефон»*); перифразы (*свадебный салон «Мечта невест»*), метонимии (*мастерская по ремонту обуви «Башиначок», парикмахерская «Диадема»* (женское головное драгоценное украшение в форме короны), *ювелирная мастерская «Александрит»* (драгоценный камень, используемый в ювелирном деле), *химчистка «Сила чистоты», студия маникюра «Ноготок», свадебный салон «Медовый месяц», банно-оздоровительный комплекс «Пещера»* (есть соляная пещера) и др.).

Символический принцип номинации объектов бытового обслуживания встречается реже вышеназванных и предполагает, соответственно, символическую связь наименования с именуемым: *прокат детских товаров и игрушек «Динь-динь», химчистка «Руана», парикмахерская «Восход», парикмахерская «Зебра»* и др. Семантика таких имен абсолютно не понятна, если в рекламном сообщении не указана, как отмечалось выше, родовая принадлежность объекта. Отметим, что для потенциального потребителя эргоним не эффективен, если по нему трудно определить, какой товар или какую услугу он продвигает.

Изучение особенностей РИ объектов бытового обслуживания Брестчины с точки зрения способов номинации показало активность в

кругу однословных названий семантической онимизации. Она объективирует различные мотивировочные признаки: ‘характеристики потенциального клиента’ (*салон красоты «Любимая», парикмахерская «Чараўніца»*); ‘престиж и качество работы объекта’ (*салон красоты «Изыск», парикмахерская «Шик»*); ‘профессия’ (*мастерская «Ювелир», изготовление памятников ЧТПУП «Камнедел»*); ‘материал’ (*ателье «Пуговка», ООО «Мармур», ювелирная мастерская «Сапфир»*); ‘представитель растительного или животного мира’ (*центр ремонтно-бытовых услуг «Муравей», свадебный салон «Орхидея»*); ‘музыкальный инструмент’ (*спа-салон «Лира», парикмахерский салон «Санай»* (индийский музыкальный духовой инструмент, относящийся к семейству гобоев)) и др.

Семантическая онимизация может быть простой (*фотоцентр «Снимок», парикмахерская «Цырульня»*) и основанной на лексико-семантических преобразованиях, на которые опирается условно-символический принцип номинации, – это онимизация метонимическая (*ЧУП по оказанию услуг «Стежок», студия маникюра «Ноготок»*) и метафорическая (*центр ремонтно-бытовых услуг «Муравей»* (муравей ассоциируется с исключительным трудолюбием)).

При номинации объектов бытового обслуживания Брестчины используется и трансонимизация. Эргонимы могут быть образованы от антропонимов (*косметический салон «Диана», парикмахерская «Ева»*), топонимов (*свадебный салон «San Vicente»* (город в Сальвадоре, административный центр одноименного департамента), *коммерческий центр по ремонту бытовой техники «Волга»*), мифонимов (*ритуальная служба «Харон», парикмахерская «Хорс»*), фильмонимов (*парикмахерская «Кудряшка Сюю», парикмахерская «Розовая пантера», парикмахерская «Мистер Х»*), музонимов (*парикмахерская «Энигма», свадебный салон «Белая стрекоза»*), прагматонимов (*сервисный центр по ремонту холодильников и стиральных машин «Атлант»*), артионимов (*салон красоты «Мона Лиза»*).

В процессе называния задействованы и иноязычные средства. Встречаются эргонимы нетранслитерированные (*студия красоты «Aqua-gius», парикмахерская «Creatif», косметический салон «Bliss»*) и транслитерированные (*парикмахерская-салон «Мон Ами», парикмахерская «Бонтон», гранитная мастерская «ООО “Голденроуд”»* (в данном РИ наблюдаем и такой окказиональный способ словообразования, как снятие пробела); единичны случаи смешанного графического оформления эргонимов (*мастерская «Арсенал GSM»*)).

Среди словообразовательных способов продуктивностью отличается аббревиация. В частности, зафиксированы неинициальные частичносокращенные абброэргонимы (*ОАО «Брестрайбытсервис»* (бытовые услуги), *ОАО «Брестоблгарант»* (техническое обслуживание, ремонт), *ремонт*

бытовой техники «Технобытсервис», ремонт аудио- и видеотехники «ООО “БелСервисПлюс”»).

Довольно обширную группу формируют многословные РИ, образованные лексико-синтаксическим способом на базе свободных сочетаний слов (*парикмахерская «Посольство красоты, салон красоты «Полюби себя», свадебный салон «Моя Мадонна»*).

Подводя итог, отметим, что наибольшим прагматическим потенциалом обладают РИ, построенные с учетом идентифицирующего и условно-символического принципов: семантика подобных онимов прямо или косвенно указывает на именуемый объект. Кроме того, РИ могут быть образованы с использованием тропов, что создает дополнительную экспрессивность, формирует позитивный, привлекательный, запоминающийся рекламный образ. Эргонимикон Брестчины также демонстрируют многообразие способов номинации (лексико-семантические, словообразовательные, лексико-синтаксический) объектов бытового обслуживания.

Список использованной литературы

1. Положение о государственном информационном ресурсе «Реестр бытовых услуг Республики Беларусь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://city-brest.gov.by/wp-content/uploads/2016/09/b8c40b025cc0031ce6a5aa81b9817a4f.pdf>. – Дата доступа: 10.08.2019.
2. Крюкова, И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / И. В. Крюкова ; Волгоград. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2004. – 360 л.
3. Грищева, Е. С. Принципы номинации и способы образования рекламных имен объектов города Абакана [Электронный ресурс] / Е. С. Грищева, Г. А. Хрестолобова // Медиаскоп. – 2018. – Вып. 1. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2423>. – Дата доступа: 20.10.2019.

Я. С. Ладутько (г. Брест, Республика Беларусь)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В ИМЕНАХ СОБСТВЕННЫХ АГРОУСАДЕБ БРЕСТЧИНЫ

Имена собственные формируют уникальную номинативную подсистему. Они, как отмечает В. И. Супрун, обеспечивают в речевой деятельности знакообозначение важнейших координат речевой ситуации (субъект, объект, место действия и т. д.); обладают высоким коммуникативно-прагматическим потенциалом; несут на себе основную нагрузку при реализации социокультурной функции языка, поскольку в них проявляется национально-языковая специфика любого этнолингвосообщества [1, с. 1].

Наша работа посвящена одной «молодой» в ономастическом пространстве Беларуси, но продуктивной группе онимов – именам собственным агроусадеб Брестчины. Подобные номинации можно обозначить тер-

мином *эргоним* ‘имя делового объединения людей’ или *эрговиконим* ‘имя собственное сельского коммерческого предприятия’ [2, с. 145]. Путем выборки из интернет-источников нами зафиксировано 328 таких онимов. Многие из них (более 100) в имплицитной/эксплицитной форме содержат национально-культурный компонент.

Под **национально-культурным компонентом** семантики языковой единицы понимается микрокомпонент ее значения, отражающий совокупность и динамику национально-специфичных знаний, представлений, коннотаций и ассоциаций, которые связаны с исходным референтом, и воплощающий особенные черты материальной и духовной культуры конкретной лингвокультурной общности [3, с. 175]. В научной литературе отражены разные трактовки понятия «национально-культурный компонент»; для обозначения сходных явлений используют целый ряд терминов: «культурный / культурно-исторический / национально-маркированный / национально-культурный компонент», «культурная / национально-культурная / культурно-историческая коннотация», «лингвокультурема». Однако исследователи сходятся в том, что культурно значимая информация «вплетается» в план содержания языковых единиц [4, с. 233] и является неотъемлемой частью их смысловой структуры.

Нами отмечены следующие способы подачи национально-культурной информации в эрговиконимах:

1) использование для номинации агроусадеб средств белорусского языка: «*Гасцінны двор*», «*Успаміны Бацькаўшчыны*», «*Хутарок Ярынка*», «*Зянькоўскія прыгоды*», «*Сядзіба ў соснах*», «*Ялінка*» и др. Учитывая двуязычный характер лингвокультуры Беларуси, неоднозначную языковую ситуацию (с явным доминированием во многих сферах русского языка), как положительную тенденцию отметим внимание создателей рекламных имен, в т. ч. анализируемых, к языку титульной нации;

2) обращение к национально-культурной символической: «*Бусянка*» (бел. ‘дом аиста’; на сайте агроусадыбы читаем: «Каждому, кто хоть раз побывает у нас, захочется вернуться в усадьбу еще и еще, так же, как *аист* всегда возвращается в свое гнездо, где бы он ни был» [5]); «*Богач*» (оним ассоциируется с белорусским праздником сбора урожая и является символом богатства, достатка), «*Палесскія скарбы*» (*скарб* ‘каштоўная рэч, схаваная ў тайніку’), «*Млынок*» (*млын* связан со множеством поверий о нечистой силе, особенно о Водяном) и др.;

3) апеллирование к реалиям духовной культуры: «*Купалинка*» (*Купалинка* была дочерью Купалы, языческой богиней любви; большинству представителей лингвокультуры Беларуси хорошо известна одноименная песня; а на сайте агроусадыбы утверждается, что «“Купалинка” – кусочек сказки в вашем отдыхе»); «*Родны кут*» (оним возвращает нас

к отрывку «*Мой родны кут...*» из поэмы Якуба Коласа «Новая зямля»); «*Паўлінка*» (беларусский вариант имени *Павлина* ассоциируется с известной пьесой Янки Купалы) и др.;

4) отсылка к ономастическим (антропонимическим, топонимическим и т. д.) реалиям региона, Беларуси: «*У Алеся*», «*На Палессі ў Васіля*», «*Василёк*» (последняя номинация демонстрирует связь не только с белорусским именем *Василь*, но и с названием цветка, ставшего символом нашей родины и «чистой красы» – возвел его в этот ранг М. Богданович в стихотворении «*Слуцкія ткачыхі*» [6]); «*Брестская*», «*Заказанка*», «*Рынькаўка*» (имена восходят к названиям населенных пунктов, в/рядом/ с которыми расположены агроусадьбы).

Беларусь не случайно называют «синеокой». На берегах живописных водных объектов находятся многие туристско-рекреационные объекты, а их названия мотивируются гидронимами: «*У реки Льва*», «*У Припяти*», «*Лесная*», «*Возле Щары*» (от названий рек), «*Любань*» (от номинации озера) и др. К данной подгруппе отнесли и эрговиконимы, которые требуют от адресата номинации более глубоких фоновых знаний: «*Forest River*» (англ. имя переводится как ‘лесная река’, а сама усадьба имеет выход к р. *Лесная*); «*Река Богов*» (индоевропейцы, впервые попавшие на берега этой реки, восхитились ей и назвали *Асальдой* – рекой *асов*, т. е. богов; у славян оним трансформировался в *Ясельда* [7]).

Целая группа номинаций агроусадоб связана с *Беловежской пущей* – одной из важнейших достопримечательностей не только Брестчины, но и Беларуси: «*В Беловежской пуще*», «*Пущанский уголок*», «*Пущанская*», «*Пущанка*», «*Беловежская гостевая*», «*Пуща*» и др.

Часть Брестской области относится к *Полесью* – самобытному региону, краю фантастических безбрежных болот, древних природных ландшафтов и уникальных заливных дубрав [8]. К этой территории отсылают и следующие названия агроусадоб: «*На просторах Полесья*», «*Полесская жемчужина*» и др.;

5) обращение к материальным, бытовым реалиям, отражающим, в первую очередь, особенности белорусской сельской жизни, ее историю и современность. Так, в эрговиконимах представлена информация о различных типах жилища, поселения на наших землях: «*Добра хата*», «*Крайняя хата*» (‘жилое помещение с печью у белорусов’); «*На краю сяла*» (‘древнейший и наиболее распространенный в историческое время тип поселения’) «*Фальварак ля возера*», «*Хуторок*», «*Гасцінны двор*», «*Завышанскі маёнтак*», «*Беларускі падворак*», «*Старый хутор*», «*Заезд Зубачи*» и др.

Таким образом, эрговиконимы относятся к «культурноносным» языковым единицам, представляют разнообразную экстралингвистическую

информацию о человеке, окружающем его мире, истории и культуре народа, духовных и материальных ценностях, способствуют популяризации белорусского языка и национальных традиций. Номинации агроусадеб Брестчины, наряду с другими именами собственными, играют весомую роль в трансляции культуры народа Беларуси, выполняют функцию одного из связующих звеньев между человеком, культурой и обществом, осуществляют объективацию накопленного в ходе исторического развития народа культурного наследия.

Список использованной литературы

1. Супрун, В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / В. И. Супрун ; Волгоград. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2000. – 76 с.
2. Разумов, Р. В. Особенности современных российских систем виконимов (на примере Некоузского, Первомайского, Рыбинского, Гутаевского районов Ярославской области) / Р. В. Разумов // Ярослав. пед. вестн. – 2013. – Т. 1 (Гуманитарные науки), № 1. – С. 145–149.
3. Сапожникова, Л. М. Национально-культурный компонент в семантической структуре монореферентных собственных имен (на материале немецкого языка) / Л. М. Сапожникова // Вопр. ономастики. – 2015. – № 1. – С. 175–185.
4. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – 288 с.
5. Агроусадыба «Бусянка» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://usadby.by/agrousadba-buslyanka>. – Дата доступа: 09.11.2019.
6. Рублевская, Л. Что означает каждый цветок / Л. Рублевская // Совет. Белоруссия. – 2014. – 27 сент. – С. 5.
7. Хвагина, Т. А. Долиной реки богов [Электронный ресурс] / Т. А. Хвагина // Родны кут. – 2005. – № 2. – Режим доступа: <http://www.poiskurov.by/cgi-bin/newspaper.cgi?t=text&id=361>. – Дата доступа: 10.11.2019.
8. Варавва, А. От Беловежской пуши до Полесских болот: путеводитель по Брестской области / А. Варавва, Т. Хвагина. – Минск : Рифтур, 2013. – 256 с.

М. Мордань (г. Беласток, Польшча)

АНТРАПАНІМІЯ ВЁСКІ ШАСТАЛЫ НА БЕЛЬШЧЫНЕ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ ХVІІІ СТ.

Першыя звесткі пра Шасталы (раней Кошчыно/Косчыно) адносяцца да 1528 г. Гэта была адна з каралеўскіх вёсак Бельскага староства [1, с. 99], перададзеных гораду Бельску. У спісе гарадскіх валок 1580 г. занатавана *Siolo Kosczino* з 29 валокамі зямлі [2, с. 129]. У інспекцыйным дакуменце Бельска і Бельскага староства 1602 г. прысутнічаюць ужо дзве назвы гэтай гарадской (скарбовай) вёскі: *Siolo Kosczino at Szastaly* [3, с. 274–276]. Праверка Бельска і яго скарбовых вёсак адбылася таксама ў 1779 г. У гэты час у Шасталах/Кошчыне быў 41 заселены дом [4].

Як вядома, жанчына выконвала функцыю главы сям’і толькі ў выключных выпадках, таму ў спісе выразна пераважаюць мужчынскія імёны (43; лічба ў дужках абазначае колькасць антрапонімаў, засведчаных у крыніцы), розных імён усяго 27. Чатыры з’явіліся ў двух варыянтах, што дае 31 асобную адзінку. Некаторыя імёны выступілі ў формах, уласцівых польскай мове: *Andrzej, Bartosz, Józef, Kazimierz, Krzysztof, Piotr, Szymon, Wawrzyniec* (па 1); іншыя запісаны ва ўсходнеславянскай версіі: *Fedor, Hawryło, Jakim, Kondrat, Łukian, Nicifor, Pilip* (па 1), *Semen* (4). Імёны *Szymon* (пар. царк. *Симон*) і *Semen* (пар. царк. *Симеон*) разглядаюцца асобна, хаця вельмі часта яны атаясамліваюцца па прычыне супадання іх вытворных формаў. У некаторых выпадках (напрыклад, *Nicifor*), магчыма, маем справу з формамі, спольшчанымі чалавекам, які рабіў запіс. Як імёны ў варыянтах, агульных для усходнеславянскіх і польскай моў, трактуем антрапонімы *Leon* і *Paweł* (па 1), а таксама *Roman* (1), дзе розным з’яўляецца толькі месца націску (пар. царк. *Ромán* – пол. *Róman*). Прысутнічаюць і імёны, якія на першы погляд бліжэйшыя да польскіх формаў, але са змененым месцам націску ўжываюцца адначасова жыхарамі, якія паўсядзённа карыстаюцца ўсходнеславянскай гаворкай: *Marcin* (1) і *Tomasz* (2). Яшчэ два імёны, папулярныя як на польскай глебе, так і ў мясцовай гаворцы, *Alexander* (1), *Michał* (2). У абедзвюх моўных версіях выступілі 4 імёны: *Hryhor* (4) – *Grzegorz* (1), *Iwan* (2) – *Jan* (1), *Stepan* (2) – *Stefan* (2), *Wasil* (2) – *Bazyli* (1).

Сярод пяці жанчын, згаданых у дакуменце, па імені названы чатыры. Тры жаночыя онімы выступілі ў польскамоўнай версіі: *Katarzyna, Maryanna, Marcella* (па 1), адзін у агульным варыянце – *Anna* (1).

Усе імёны хрысціянскага паходжання. Імя *Kazimierz*, хаця славянскае, мае хрысціянскую матывацыю. Паколькі св. Казімір прысутнічае выключна ў каталіцкім іменаслове, то гэтае імя можа насіць асоба каталіцкага або ўніяцкага веравызнання. Вядома, што ў гэты перыяд большая частка насельніцтва Шасталаў была праваслаўная і належала да бельскага прыходу св. Мікалая, але былі таксама ўніаты з парафіяльнай Царквой Нараджэння Божай Маці ў Бельску.

Колькасць мужчынскіх прозвішчаў – 21. Сярод адыменных прозвішчаў ёсць, між іншым, антрапонімы, роўныя асабовым уласным імёнам, у тым ліку якія ўзніклі шляхам усячэння асновы поўнага імя (*Sak* (4) < царк. *Исаак*, царк. *Исаакий*), а таксама шляхам дэрывацыі, дзе скарачэнне суправаджаецца суфіксацыяй (з фармантам *-ко*: *Zięko* (4) < царк. *Зинон*, царк. *Зиновий*). Тры іншыя прозвішчы (адзінкавыя *Januszyk, Polecik, Tymoszyk*) – гэта антрапонімы з поліфункцыянальнымі суфіксамі: *Polecik* < імя *Pol-ec* (< пол. *Hipolit, Polikarp*) + *-ik* і пад. Магчыма, прозвішчы ўтварыліся ад гіпакарыстычна-дэмінітуўных формаў уласных асабовых

імён. Адзін антрапонім прадстаўляе тып патранімічнага прозвішча з суфіксам *-owicz* (*Terechowicz*). Зацываваныя прозвішчы змяшчаюць у словаўтваральных асновах хрысціянскія асабовыя імёны, у большасці ва ўсходнеславянскіх формах.

У асновах адапелятыўных прозвішчаў знаходзім разнастайныя з пункту гледжання семантыкі і моўнай прыналежнасці лексемы: *Buryło* (1) – пар. пол. *bury*, бел. *буры*, рус. *бурый*; бел. *бурыць*, рус. *бурить*; літ. *būras* ‘знахар, чарадзей; сяльчанін’; літ. *būrēlis* ‘грамадка, купка’ [9, с. 132]; *Czerka* (2), *Czyrka* (1) – пар. пол. *czyrkać*, бел. *чыркаць*, рус. *чиркать* ‘правадзіць па чым-н. чым-н., пакідаючы след, лінію; утвараць характэрныя гукі, спяваць (пра некаторых птушак)’, рус. *чирок* ‘дзікая птушка сямейства качак’ [9, с. 600]; *Kozioł* (2) – пар. пол. *koziół*, рус. *козёл* ‘самец казы’; магчыма, пераноснае акрэсленне тупога або непрыемнага чалавека; *Krasiey* (1) – пар. пол. *krasny, krasny* ‘прыгожы; чырвоны’, *krasa* ‘прыгажосць; барва, колер’, бел. *краса* ‘хараство, прыгажосць’, *красны* ‘нар.-паэт. прыгожы’, рус. *красный* ‘чырвоны; прыгожы, трад.-нар. радасны, шчаслівы’; *Puhacz* (12) – пар. бел., укр. *пугач*, рус. *пугач*, пол. *puhacz* ‘драпежная начная птушка атрада соў’; магчыма, пераноснае акрэсленне баязлівага чалавека або найменне, дадзенае па знешніх асаблівасцях [9, с. 449].

Жыхары вёскі Шасталы ідэнтыфікаваліся таксама з дапамогай прозвішчаў з фармантам *-ski*, якія паходзяць ад назваў мясцовасцей: *Dębowski* (1) – пар. шматлікія назвы тыпу *Dębów, Dębowa, Dębowo, Dębówka*, у тым ліку вёска *Dębowo* ў Бельскім пав.; *Faszczewski* (1) – пар. *Chwaszczewo, Chwoszczewo, Faszczewo, Faszczówka*; *Gurski* (1) – пар. шматлікія назвы тыпу *Góra, Góry*, у тым ліку вёскі *Góra, Górskie* Бельскага пав.; *Krynicky* (2) – пар. *Krynica*, у тым ліку вёска ў Бельскім пав.; *Ostrowski* (1) – пар. шматлікія назвы тыпу *Ostrów, Ostrowiec, Ostrowki, Ostrówek*; *Wawulski* (2) – пар. *Wawulicze* (Кобрынскі пав.); *Zawadzki* (1) – пар. шматлікія назвы тыпу *Zawada*, у тым ліку вёска *Zawady* Бельскага пав.

Ад назвы прафесіі далучэннем суфікса *-чук* утворана прозвішча *Kowalczyk* (1) – пар. пол. *kowal*, усх.-сл. дыял. *kowál* ‘каваль’.

У крыніцы зафіксавана таксама патранімічнае прозвішча *Niemczuk* (1), у аснове якога ляжыць этнонім – пол. *niemiec*, бел., рус. *немец*. У гэтым выпадку магчымы таксама іншыя інтэрпрэтацыі этымалогіі: узнікненне прозвішча можна звязаць з імем *Niemek, Niemko* ад слав. *Niemił, Niemir* або з усх.-сл. дыял. *ні~~в~~емко* ‘нямы чалавек’.

Найбольш папулярным прозвішчам у Шасталах было прозвішча *Puhacz*, занатаванае сярод 12 гаспадароў. Варта адзначыць той факт, што ў афіцыйнай дакументацыі для асоб з прозвішчам *Puhacz* фіксуецца,

з адным вылучэннем, трохэлементная намінатыўная формула: *Andrzej Puhacz Jakubiuk, Hawryło Puhacz Dmitruk* і г. д.

Жанчыны ў Шасталах ідэнтыфікаваны найменнямі з фармантам *-ов(a)*, дададзеным да акрэслення мужа (*Krystyna Poliokowa wdowa* – ад ас. н. *Poliok* < этн. *Polak*, *паляк* або імя *Poliok* < царк. *Полиен*, царк. *Поликари*, пол. *Polikarp*, царк. *Инполит*; *Maryanna Sobechowa* < імя *Sobech* < пол. *Sebastian*, царк. *Севастиан*, слав. *Sobiesław*, слав. *Sobieżyр*), а таксама з фармантам *-ына* ад прозвішча мужа (*Czerczyna wdowa* < *Czerka*, пар. *вышей*). Жаночыя найменні, як бачым, атрымліваюць форму, тыповую для польскіх антрапонімаў, распаўсюджаных у іншых рэгіёнах краіны (пар. [10, с. 78; 11, с. 182]). Адсутнічаюць, у сваю чаргу, жаночыя дыялектныя формы на *-ixa/-ыха*, *-ча* і пад. [11, с. 174–182]. У найменні дочак выкарыстана адна форма на *-анка*, якая акрэслівае дзвюх жанчын, верагодна, сяцёр: *Marcella Wawulanka z Anną Wawulanką*. Асновай антрапоніма з’яўляецца, на нашу думку, прозвішча *Wawulski*, але ён мог утварыцца і непасрэдна ад усх.-сл. імя *Вавула* (царк. *Вавила*) або прозвішча, фармальна тоеснага з гэтым імем.

З разгледжанага матэрыялу вынікае, што асабовыя найменні ў вёсцы Шасталы на Бельшчыне ў другой палове XVIII ст. упісваюцца ў лакальную антрапанімічную сістэму польска-беларускага памежжа. Побач з наяўнасцю ўласных асабовых імён у польскамоўнай версіі выступаюць таксама іх усходнеславянскія варыянты. Наяўнасць апошніх не з’яўляецца, канешне, нічым асаблівым. Іншая справа, што менавіта польская мова ў гэты час была канцылярскай і ёй карысталіся чыноўнікі каралеўскай камісіі *Boni Ordinis*. Тым не менш адсутнасць аднастайнасці ў запісе антрапонімаў мясцовага насельніцтва дазваляла трактаваць розныя варыянты (як польскія, так і ўсходнеславянскія) у якасці зыходных формаў. Прозвішчаў жыхароў няшмат, але яны прадстаўляюць розныя мадэлі з этымалагічнага і словаўтваральнага пунктаў гледжання. Звяртае таксама ўвагу прысутнасць у польскамоўным дакуменце канцылярска-дзелавога характару неафіцыйных і факультатыўных для гэтага перыяду асабовых назваў – патронімаў або родавых найменняў.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Jabłonowski, A. Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym / A. Jabłonowski. – Warszawa : Skł. gł. u Gebethnera i Wolffa, 1910. – Т. VI, cz. III. – 259 s.
2. Jabłonowski, A. Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym / A. Jabłonowski. – Warszawa : Skł. gł. u Gebethnera i Wolffa, 1908. – Т. VI, cz. I. – 222 s.
3. Romaniuk, Z. Lustracja Bielska i starostwa bielskiego z 1602 r. / Z. Romaniuk // Bielsk Podlaski. Studia i materiały do dziejów miasta / pod red. Z. Romaniuka. – Bielsk Podlaski : Towarzystwo Przyjaciół Bielska Podlaskiego, 1999. – S. 273–279.
4. Ревизия города Бельска 1779 года // Описание Рукописного Отделения Виленской Публичной Библиотеки. – Вильна, 1903. – Вып. IV. – С. 57–81.

5. Spis imion prawosławnych w brzmieniu polskim i staro-cerkiewno-słowiańskim. – Warszawa : Warszawska Metropolia Prawosławna, 2011. – 110 s.
6. Sosna, G. Dzieje Cerkwi w Bielsku Podlaskim / G. Sosna, D. Fionik. – Białystok : Białoruskie Towarzystwo Historyczne, 1995. – 193 s.
7. Fionik, D. Zmiany prawosławnej struktury parafialnej w Bielsku Podlaskim w latach 1839–1867 / D. Fionik // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 2001. – № 15. – S. 189–196.
8. Dacewicz, L. Nazewnictwo mężów i żon w XVII w. na terenie powiatu mielnickiego / L. Dacewicz // Rozprawy Slawistyczne UMCS. – 1993. – № 7. – S. 137–145.
9. Лемтюгова, В. П. Корни наших фамилий / В. П. Лемтюгова, И. О. Гапоненко. – Минск : Звязда, 2018. – 672 с.
10. Warchoń, S. Nazwiska żon i córek w Księdze Miejskiej Lublina z początku XVII wieku / S. Warchoń // Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego. Prace Językoznawcze. – 1982. – Nr 8. – S. 77–82.
11. Саевіч, М. Формы назваў жонак у нараўскіх беларускіх гаворках Беластоцчыны ў мінулым і сёння / М. Саевіч // Беларуска-польскія моўныя, літаратурныя, гістарычныя і культурныя сувязі : зб. арт. у гонар праф. Э. Смулкавай / рэдкал.: І. Э. Багдановіч [і інш.]; пад рэд. І. Э. Багдановіч, М. І. Свістуновой. – Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2016. – С. 174–184.

Е. Ондрейковичова (г. Братислава, Словацкая Республика)

КОНТРАСТИВНАЯ ТОПОНИМИКА В ПРЕПОДАВАНИИ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА В ПАРЕ СЛОВАЦКИЙ – РУССКИЙ

Предмет «Синхронный перевод» на кафедре русистики и восточно-европейских исследований включен в программу магистерского обучения будущих переводчиков (1 академический час в неделю на протяжении четырех семестров). Целью обучения является достижение студентами такой степени владения техникой синхронного перевода, при которой выпускник способен на высоком уровне в течение максимально 20 минут переводить тексты общей и специальной тематики. Параллельно с курсом синхронного перевода студенты (обычно та же самая группа) проходят курс устного последовательного перевода.

Обучение синхронному переводу подразумевает овладение стратегиями переводческого поведения, включающими, например, умение быстро переключаться с одного языка на другой или умение адекватно реагировать на непредвиденные ситуации, а также тренировку памяти.

Появление в выступлении спикера точной информации (имена собственные, названия, цифровые данные, т. е. так называемые «прецизионные слова», по терминологии Миньяр-Белоручева [1, с. 200]) создает дополнительную трудность с точки зрения точности перевода (повышенный риск искажения ключевой информации) и тем самым увеличивает нагрузку на устного переводчика. Студенты должны с самого начала обучения син-

хронному и последовательному переводу овладевать стратегиями, необходимыми для перевода, точнее, транспозиции прецизионных слов на слух. Но любые стратегии, помогающие справиться с частями текста, содержащими точные данные, не спасут, если с самого начала будущий переводчик не будет достаточно тренировать свою память и одновременно расширять круг знаний (не только по избранной специализации, но и по вопросам общественно-культурной, иных сфер жизни страны изучаемого языка).

Для развития вышеупомянутых навыков мы используем на занятиях упражнения на развитие мнемотехники, опираясь на опыт И. С. Алексеевой [2, с. 35–45]. Цель подобных упражнений – отработка процесса запоминания путем увеличения объема оперативной памяти. При любом виде устного перевода необходимо запоминание не только информации, но и порядка ее следования. Внеконтекстные упражнения на мнемотехнику служат подспорьем на занятиях по синхронному и последовательному переводу, это элемент тренировки, позволяющий в начале занятий привести память в «боевую готовность», сосредотчиться, повторить лексику, тематически связанную с последующими текстами; а в паузах между работой в кабине упражнения на мнемотехнику используются для разрядки, дают возможность переключить внимание.

Один из видов внеконтекстных мнемотехнических упражнений представляет собой зачитывание преподавателем вслух ряда слов или чисел и их последующее повторение студентами. Ряды слов могут представлять собой цепочки (различной длины) имен нарицательных, связанных или частично связанных между собой тематически (*стол – стул – шкаф – комод – полка* или *клетка – рецептор – дерево – ядро – мембрана*). Соблюдение или нарушение тематического принципа зависит от эффекта, которого стремится достигнуть преподаватель: либо тренировка у обучающегося готовности к любым неожиданным моментам в работе переводчика и способности на них быстро реагировать, либо целенаправленное повторение тематически близких лексем. В обоих случаях важны как скорость повторения, так и соблюдение строгого порядка единиц цепочки. Особое место среди мнемотехнических упражнений в процессе подготовки переводчиков принадлежит различным именам собственным – типичным для изучаемого языка именам и фамилиям; антропонимам с лингвострановедческой маркированностью. Особо отметим необходимость не только знакомства переводчика со знаковыми именами деятелей культуры родного языка и языка перевода, но и хорошей ориентации в именах современных политиков, общественных деятелей, спортсменов и т. д. В кругу лингвострановедческих реалий следует также упомянуть названия денежных единиц, праздников и памятных дней, марки автомобилей, имена астрономических

объектов, кораблей и – что, собственно, является предметом нашего внимания в настоящей статье – топонимы.

Говоря об именах собственных географических объектов, необходимо прежде всего провести различие между двумя их видами. Во-первых, это топонимы словацко-русские (для словацкого языка – географические названия России, для русского соответственно – географические названия Словакии). Второй вид – экзотопонимы, т. е. имена, относящиеся к любому другому языку вне рассматриваемой пары словацкий – русский.

Чтобы тренировка памяти, накопление лингвострановедческой информации имели эффект, мнемотехнические упражнения на топонимы должны быть продуманными и систематическими. Преподаватель устного перевода должен подходить к составлению упражнений, имея комплексное представление о топонимии, ее разрядах, о политически и культурно значимых топонимах и экзотопонимах, и учитывать, какие именно из них вызывают особенную трудность в данной языковой паре. Хотя географические названия представляют собой сложные для запоминания единицы (в лексическом составе языка они стоят обособленно), ознакомление студентов с самыми известными и частотными топонимами, в т. ч. значительно отличающимися звуковой формой, происходит с самого начала обучения русскому языку (*Москва – Moskva, Санкт-Петербург – Petrohrad, Австрия – Rakúsko, Кумаи – Čina*). Студенты быстро усваивают типичные словообразовательные приемы, морфологические отличия, встречающиеся в названиях стран в русском в сравнении со словацким (большинство обозначений стран в русском – женского рода (*Япония, Хорватия, Дания*), а в словацком среднего (*Japonsko, Chorvátsko, Dánsko*). Тем не менее мы можем говорить не о «переводе» топонимов, а лишь об их 1) субституции формой, принятой в данном языке (*Мюнхен – Mníchov*), или 2) пофонемной передаче в соответствии с правилами произношения данного языка (*Опалиха* (с ударением на втором слоге, безударные гласные произносятся редуцированно) – *Opalicha* (ударение на первом слоге, без редукции (в словацком языке ударение фиксированное, на первом слоге, редукция гласных отсутствует))).

На занятиях студенты начинают тренировочные упражнения с широко известных (прежде всего студентам) топонимов, звуковая форма которых в данных языках достаточно близка; при этом важно точное запоминание количества и порядка следования топонимов: *Япония – Словакия – Америка – Иран – Африка – Варшава – Берлин; Bratislava – Paříž – Galanta – Irak – Tokio – Mississippi – Tatry*.

Следующий этап данного и последующих упражнений с усложненными случаями топонимов – это повтор студентами географических названий на другом языке. В такого рода простых рядах преподаватель

должен прежде всего обращать внимание на правильное произношение топонимов, т. е. на его «словакизацию» и «русификацию». Важно учитывать, что при выборе экзотопонимов предпочтительны имена легкие, отличающиеся в языковой паре лишь произношением.

В качестве следующего этапа мы предлагаем упражнения на запоминание и повторение незнакомых топонимов на родном языке и на языке перевода с соответствующей устной транскрипцией: *Мневники – Опалиха – Покровское – Стрешнево – Ядрошино – Волоколамск; Horne Plachtince – Orešany – Rázsochy – Krčace – Velká Pača.*

Экзотопонимы представляют собой самый сложный и самый объемный по числу лексических единиц этап освоения. Фактически студенты должны осваивать каждый экзотопоним отдельно; обычно эти знания накапливаются в процессе обучения русскому языку, но, к сожалению, их, как показывает практика, не хватает у студентов ни первого, ни второго курсов магистратуры переводческой специализации. Поэтому овладение экзотопонимами идет параллельно с тренировкой памяти в виде мнемотехнических упражнений и переводов текстов, в которых встречаются различные виды топонимов (их иногда приходится намеренно добавлять в тексты).

Словацко-русские экзотопонимы делятся на несколько подгрупп, из которых затем можно строить мнемотехнические упражнения, учитывая или, наоборот, не учитывая тематический принцип. Приведем примеры.

1. Собственно контрастивные экзотопонимы: *Дания – Dánsko, Сомали – Somálsko, Адриатическое море – Jadranské more, Вавилон – Babylon, Византия – Byzancia, Китай – Čína, Пхеньян – Pchjongjang, Эльба – Labe, Фудзияма – Fudži, Латвия – Lotyšsko, Мюнхен – Mníchov, Лондон – Londýn, Новая Зеландия – Nový Zéland, Ганг – Ganga, Дрезден – Drážďany, Шотландия – Škótsko, Польша – Poľsko, Венгрия – Maďarsko.* В отдельную подгруппу мы бы выделили экзотопонимы, имеющие в словацком звук *h*: *Гавана – Havana, Тегеран – Teherán, Гамбург – Hamburg, Стокгольм – Štokholm, но Ханой – Hanoj, Хиросима – Hirošima, Сахара – Sahara.*

2. Контрастивные составные экзотопонимы с нарицательным идентификатором в русском языке: *Боденское озеро – Bodamské jazero, Берег Слоновой Кости – Pobrežie Slonoviny, Сектор Газа – Pásmo Gazy, остров Пасхи – Vel'konočný ostrov, Панамский канал – Panamský prieplav, Рурский бассейн – Porúrie* и т. д.

3. Экзотопонимы, в которых ударение в русском языке падает не на первый слог: *Будапешт (м. р.) – Budapešť (ж. р.), Берлин – Berlín, Венесуэла – Venezuela, Шанхай – Sanghaj, Корея – Kórea, Ирак – Irak, Иран – Irán, Вьетнам – Vietnam, Балатон – Balaton, Баку – Baku.*

Систематическое использование на занятиях по устному переводу мнемотехнических упражнений на топонимы и экзотопонимы знакомит студентов с техникой обучения переводчиков, вырабатывает профессиональные реакции, увеличивает объем кратковременной памяти, а также расширяет кругозор в области лингвострановедения. Все вышперечисленные позитивные воздействия только тогда имеют смысл, когда преподаватель устного перевода будет с достаточной тщательностью и систематичностью готовить упражнения, опираясь на лингвистические пособия или, в случае пары словацкий – русский, на списки наиболее частотных и актуальных экзотопонимов на основании собственных контрастивных исследований в данной области.

Список использованной литературы

1. Миньяр-Белоручев, Р. К. Общая теория перевода и устный перевод / Р. К. Миньяр-Белоручев. – М. : Воениздат, 1980. – 237 с.
2. Алексеева, И. С. Профессиональный тренинг переводчика / И. С. Алексеева. – СПб. : Союз, 2004. – 278 с.

Н. Р. Якубук (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)

**КУЛЬТУРАЗНАЎЧЫ ПАТЭНЦЫЯЛ УРБАНАНІМІ
(НА ПРЫКЛАДЗЕ НАЗВАЎ ЛІНЕЙНЫХ АБ'ЕКТАЎ
Г. БРЭСТА)**

Сучаснай навукай прызнаецца той факт, што культурнай значнасцю валодаюць усе адзінкі мовы, асабліва анамастычная лексіка. Яна захоўвае значны гісторыка-культурны патэнцыял, а таму з'яўляецца каштоўнай крыніцай інфармацыі пра спецыфічныя рысы карціны свету, што ўласцівы пэўнаму этнасу.

Сфарміраваўшыся як асобны раздзел анамастыкі, урбананіміка не губляе сваёй актуальнасці, аднак на сучасным этапе ўзнікае неабходнасць у новым асэнсаванні яе матэрыялу, паколькі ўрбананімы ўтрымліваюць і моўную, і так званую фонавую інфармацыю – нацыянальную, культурную, сацыяльную, гістарычную і інш.

Анамастычная лексіка, у тым ліку ўрбананімы і іх асобныя разрады, была і застаецца аб'ектам пільнай увагі даследчыкаў: менавіта яна валодае велізарным культуразнаўчым патэнцыялам. А тое, што зварот да назваў вуліц можа дапамагчы актуалізаваць інфармацыю пра духоўную культуру насельнікаў гарадоў, не патрабуе асобных доказаў.

Тэндэнцыя разумення ўрбананімаў як спецыфічных моўных знакаў стварае перадумовы для вывучэння іх з боку культурных аспектаў лінгвістыкі. Асаблівую значнасць у гэтых адносінах мае аналіз кодаў куль-

туры, базай для існавання якіх з'явіліся розныя фрагменты навакольнай рэчаіснасці.

Адным з кодаў, уласцівых традыцыйнай культуры, аб'ектывацыі якога служаць назвы лінейных аб'ектаў г. Брэста, з'яўляецца тапаморфны код. Ён адлюстроўвае ўяўленні чалавека пра геаграфічныя рэаліі, што маюць уласныя імёны, і звязаны з назвамі (адапелятыўнымі і адонімнымі) іншага аб'екта, адносна якога адбываецца намінацыя лінейнага.

Аналіз фактычнага матэрыялу даследавання дазволіў устанавіць, што ў залежнасці ад выгляду аб'екта, адносна якога развіваецца тапанімічная намінацыя, пры рэалізацыі тапаморфнага кода ва ўрбананіміі г. Брэста можна вылучыць наступныя групы:

а) найменні, якія ўзыходзяць да назваў архітэктурных аб'ектаў:

– навучальных, лячэбных, спартыўных і відовішчных устаноў: *вул. Бальнічная, Вузаўская, Вузаўскі зав., вул. Медыцынская, Востраў шпітальны, Спартыўная, Тэатральная, Школьная, Школьны зав.;*

– прамысловых прадпрыемстваў (заводаў, фабрык): *вул. Заводская, 1-ы – 2-і Камбінатаўскі зав., вул. Піваварная, Прамысловая, Працоўная, Цагляная* (знаходзілася цагельня);

– розных службаў горада: *вул. Аэрадромная, Гідравузел 10, Дазорная, Лётная, Пагранічная, Цяплічная, Шлюзавая;*

– пуцэправодаў, элементаў (атрыбутаў) чыгуначнай станцыі: *вул. Дарожная, Задарожная, Магістральная, Маставая, Прывакзальная, Прыдарожная, Пуцявая, Пуцейская, Станцыйныя, 1-ы – 4-ы Чыгуначны зав., вул. Шасэйная, Шляхавая;*

– фартыфікацыйных пабудоў: *вул. Барыкадная, 5-ы Форт, Форт 7, Фортэчная, Фортэчны зав., вул. Фортавая;*

– культавых збудаванняў (месцаў здзяйснення абраду): *вул. Дабравешчанская* (Дабравешчанская царква), *Брацкая* (Брацкая царква), *Георгіеўская* (Георгіеўская царква), *Манастырская* (манастыр), *Пятроўская* (царква Святога Пятра), *Петрапаўлаўская* (Петрапаўлаўская царква/сабор), *Пакроўская* (Свята-Пакроўская царква), *Свята-Афанасьеўская* (храм мучаніка Афанасія Брэсцкага), *Успенская* (Успенская царква) і інш.;

б) найменні, матываваныя тапонімамі:

– назвамі населеных пунктаў, якія ўвайшлі ў склад горада: *вул. Адамкоўская* (в. Адамкова), *Аркадзьеўская* (в. Аркадзія), *Бярнадская* (в. Бярнады), *Валынская* (в. Валынка), *Вулькаўская* (в. Вулька), *Гершонская* (в. Гершоны), *Дуброўская* (в. Дуброўка), *Задворская* (в. Старыя Задворцы), *Кіеўская* (пасёлак Кіеўка), *Клейнікаўская* (в. Клейнікі), *Лышчыцкая* (в. Лышчыцы), *Лысая Гара* (в. Лысая Гара), *Міцькі* (в. Міцькі), *Машчонка*, *Машчонкаўская* (в. Машчонка), *Плоска* (в. Плоска), *Пугачоўская* (в. Пугачова), *Рэчыцкая* (в. Рэчыца), *Трышынская* (в. Трышын);

– назвамі населеных пунктаў, у напрамку якіх вядуць вуліцы, альбо “ў гонар” населеных пунктаў: *вул. Белавежская* (п. Белавежскі), *Белаазёрская* (г. Белаазёрск), *Берасцейская* (г. Бярэсце), *Варшаўская шаша* (г. Варшава), *вул. Віленская* (г. Вільна), *Уладаўская* (г. Уладава), *Жытомірская* (г. Жытомір), *Камянецкая*, *Камянецкая шаша* (г. Камянец), *вул. Кобрынская* (г. Кобрын), *Ковельская* (г. Ковель), *Ленінградская* (г. Ленінград), *Луцкая* (г. Луцк), *Лідская* (г. Ліда), *Маларыцкая* (г. Маларыта), *Меднаўская* (аграгарадок Медна), *1-ы – 2-і Мінскі зав.* (г. Мінск), *вул. Падляская* (г. Бяла Падляска), *Полацкая* (г. Полацк), *Ружанская* (г. п. Ружаны), *Цярэспальская* (г. Цярэспаль), *Тураўская* (г. Тураў), *Чарнігаўская* (г. Чарнігаў), *Чарнянская* (в. Чэрні) і інш.;

– гідронімамі: *вул. Мухавецкая* (рака Мухавец), *Нарачанская* (возера Нарач), *Прыбужская* (рака Буг);

– урбананімамі (у гэтую падгрупу ўключаны найменні завулкаў, праездаў, тупікоў, плошчаў, праспектаў, якія паўтараюць назвы іншых унутрыгарадскіх лінейных аб’ектаў): *Бярозаўская вул.* → *Бярозаўскі зав.*, *Багдановіча вул.* → *Багдановіча зав.*, *Вінніка вул.* → *Вінніка зав.*, *Каштанава вул.* → *Каштанава зав.*, *Кароткая вул.* → *Кароткі зав.*, *Ламаносава вул.* → *Ламаносава зав.*, *Пясочная вул.* → *Пясочны зав.*, *Піянерская вул.* → *Піянерскі зав.*, *Садовая вул.* → *Садовы зав.*, *Тарфяная вул.* → *Тарфяны зав.*, *Філатава вул.* → *Філатава зав.*, *Фартэчная вул.* → *Фартэчны зав.*, *Цэнтральная вул.* → *Цэнтральны зав.*, *Юбілейная вул.* → *Юбілейны зав.* і пад.; *Аksamітная вул.* → *Аksamітны праезд*, *Дачная вул.* → *Дачны праезд*; *вул. Леніна* → *плошча Леніна*; *Бярозаўская вул.* → *Бярозаўскі зав.* → *Бярозаўскі праезд*, *Бехцерава вул.* → *Бехцерава 1-ы – 3-і зав.* → *Бехцерава праезд*, *Паўднёвая вул.* → *Паўднёвы зав.* → *Паўднёвы праезд*; *Заходняя вул.* → *Заходні 1-ы зав.* → *Заходні тупік* і інш.;

в) найменні, матываваныя назвамі тыпаў паселішчаў і гаспадарчых пабудоў: *вул. Вясковая*, *Гарадская*, *Гараднянская*, *Дачная*, *Дварцовая*, *Дворчык*, *Падгародская*, *Прыгарадная*, *Сельская*, *Слабадская*, *Сядзібная*, *Хатняя*, *Чырвоны Двор*.

Такім чынам, ва ўрбананіміі г. Брэста тапаморфны код культуры атрымаў рэалізацыю ў найменнях, якія ўзыходзяць да назваў архітэктурных аб’ектаў, матываваных тапонімамі і назвамі тыпаў паселішчаў і гаспадарчых пабудоў.

М. В. Ясинская (г. Москва, Россия)

**АНТРОПОНИМЫ НА ПОГРАНИЧЬЕ
(НА ПРИМЕРЕ ИМЕН И ФАМИЛИЙ
СЛОВЕНСКОГО МЕНЬШИНСТВА В ИТАЛИИ)**

Судьба словенского населения, проживающего в настоящий момент на территории Италии вдоль итальянско-словенской государственной границы (от Триеста на юге до Канальской долины и Резии на севере), вот уже более века привлекает внимание исследователей-специалистов в различных научных областях – историков, социологов, лингвистов и фольклористов. Среди них – Бодуэн де Куртенэ, Милко Матичетов, а также современные исследователи Павле Мерку, Ада Томазетич, Паоло Паровел, Лилиана Спиноцци, Роберто Дапит, Данила Зульян Кумар, Матей Шекли, Кармен Кенда Еж, Барбара Иванчич-Кутин и др. [1]. В основе настоящей статьи – материалы, которые были записаны в ходе полевых исследований, проведенных на словенско-итальянском пограничье в 2017–2019 гг. сотрудниками Института славяноведения РАН [2].

Чтобы понять, каким образом функционируют имена словенцев на данной территории сейчас, необходимо обратиться к истории. Дело в том, что словенский язык на территориях, подконтрольных Италии, долгий период был под запретом. Еще со времен Венецианской республики происходила «итальянизация» (poitalijančevanje) словенцев: им запрещали говорить на родном языке, давать словенские имена, а их фамилии итальянизировали или вообще переводили на итальянский. Данный исторический факт сказался на наборе имен и фамилий, распространенных в настоящее время в долинах рек Надижа и Тер (в Терской и Надижской долинах). Интересно, что память о том историческом периоде до сих пор болезненна, хотя в настоящее время словенский язык переживает определенный расцвет благодаря деятельности словенских активистов, защищающих и пропагандирующих как язык, так и словенскую культуру в целом.

Несколько иначе выглядит ситуация в провинциях Триест и Горичия, где словенцы сохраняли свои имена вплоть до прихода к власти фашистов, когда начались особенно жестокие гонения на словенский язык и словенскую идентичность [3; 4]. Итальянизация воспринималась там наиболее остро из-за более высокого уровня образования и национальной сознательности населения. В ходе бесед с информантами мы не раз записывали свидетельства и целые истории о том, как запрещали говорить по-словенски: *Za časa fašizma, ne, torej tri in dvajset let, je bla... je bil jezik zatiran, zamorjén* <Во времена фашизма, в течение двадцати трех лет, язык затирали, притесняли> (АК, Števerjan).

В полной мере это касалось и имен собственных: *Recimo, sploh niso dovolili, da ime slovensko, ne, recimo Ivo, Ivan, ne, ni blo dovoljeno, Giovanni, ne...* <Например, абсолютно не разрешали, чтобы имя было словенским, скажем, Иво, Иван нельзя было, только Джованни> (АК, Števerjan). В результате часто складывалась ситуация двуименности – одно имя было официальным (*uradno*), а второе – для «своих» (*po domače*). Если же речь идет о международных именах, то они просто выступают в своих двух формах – итальянской и словенской: *Giuseppe – Jože (Joško); Luigia – Luiza, Guglielmo – Viljem, Giovanni – Janez* и т. д. Однако в некоторых случаях наблюдается тенденция к переводу имени, и возникает вариативность: *Viviana – Živa, Valentino – Zdravko, Caro – Drago*.

Также были итальянизированы фамилии. Как правило, информанты сообщают, что фамилии переводились насильно; однако в некоторых ситуациях сами словенцы становились инициаторами отказа от словенских вариантов фамилий, желая показать лояльность итальянской власти и добиться повышения по службе. Избежать итальянизации иногда удавалось крестьянам, но, если человек работал в официальной организации, у него шансов не было. Насильственной итальянизации подвергались в основном фамилии словенцев в провинциях Триест и Гориция, тогда как в Бенечии этот процесс происходил еще в XIX в., когда крестьянские фамилии только формировались (и их с самого начала записывали по-итальянски).

При итальянизации облик фамилий менялся как графически (например, в соответствии с правилами итальянской орфографии словенское *K* перед гласными непереднего ряда графически выражено с помощью *C*), так и часто фонетически. Фамилии, имеющие диакритику в написании, ее утрачивают: *Černo – Cerno*. Отметим, что именно диакритика воспринимается самими словенцами как «камень преткновения» между словенским и итальянским языками вплоть до настоящего времени, выступает своеобразным маркером идентичности словенцев.

Иногда они просто переводятся со словенского на итальянский, например, фамилия *Černo* в Резии встречается в форме *Negro* (ср. аналогичную тенденцию в топонимике: *Križišče/Bivio, Brda/Collio, Sveta gora/Montesanto* и др.). В Надижской и Терской долинах итальянизация дала столь глубокие корни, что часто бывает трудно догадаться, что мы имеем дело не с итальянскими, а со словенскими именами и фамилиями.

Можно отметить некоторые закономерности при «итальянизации» словенских фамилий:

– словенские фамилии на *-ič* в итальянской транскрипции получают форманты *-ig* (*Cernetig, Tomasetig, Battistig, Iuterig, Petricig, Birtig, Laurencig, Blazutig*), *-ich* (*Crainich, Prapotnich*) или *-igh* (*Petrich*);

– фамилии на *-ac* в итальянской транскрипции передаются с помощью *-az*: *Bukovaz*, *Cucovaz* и др.;

– словенские фамилии на *-njak* в итальянской передаче выглядят так: *Dorgnach* (Dornjak), *Trusgnach* (Trušnjak);

– в ряде случаев словенская фамилия усекается до *-i* (*Korsič* – *Corsi*) или же, наоборот, наращивается с помощью *-i*: *Cosmacini* (Kosmačin). *Recimo naš, moj prijimek je... bil spremenjen, ker je bil Koršič, ne, v Corsi leta tri in trideset, ne... in, zakaj, zato ker stari oče, to je blo uradno spremenjeno, ne...* (AK, San-Floriano-del-Collio).

В результате «итальянизации» в некоторых фамилиях уже очень трудно распознать словенскую основу: ср. *Quaglia* и *Hvala*. Особенно наглядная картина складывается при изучении надписей на надгробных памятниках на кладбищах.

В последнее время статус словенского языка активно восстанавливается, открываются двуязычные школы (например, в Сан-Пьетро-аль-Натизоне такая школа действует с 2004 г.). Словенцы возвращают свои имена и фамилии, несмотря на бюрократические препоны. Некоторые принципиально дают детям словенские имена, которые становятся как бы знаком словенской идентичности: *Naši ljudje so prav zavedni Slovenci en se borimo za vsako nitku, da obdržimo* <Наши люди поистине сознательные словенцы, и мы боремся за каждую ниточку, чтобы ее сохранить> (JK, San-Floriano-del-Collio). Во времена Югославии словенские имена у итальянских властей ассоциировались с социалистическим строем, поэтому на словенцев, желающих вернуть себе национальные имена, смотрели с подозрением.

В настоящее время, когда словенский язык перестал находиться под запретом и переживает своего рода подъем, словенцам, живущим в итальянском и фриульском окружении, при имянаречении все равно приходится учитывать различные факторы, влияющие на выбор имени. Например, для детей часто стараются подобрать такие имена, чтобы они были благозвучными как в словенском, так и в итальянском языке (с учетом итальянской фонетики). Родители понимают, что ребенку придется жить в двуязычной среде и неудачный выбор антропонима может вызвать определенные проблемы. Так, в качестве примера можно привести имя *Jasna*, которое итальянцы произносят [jazna], что созвучно со словенским *jezna* (диал. *jazna* ‘сердитая’). Словенцы отмечают, что итальянцам сложно произносить, читать словенские имена, особенно в тех случаях, когда в них встречаются диакритики (в результате часто происходит недопонимание). В смешанных семьях выбор имен часто происходит в пользу универсальных (международных), которые были бы приемлемы и для словенских, и для романских бабушек и дедушек.

Таким образом, функционирование антропонимов на исследуемой территории словенско-итальянского пограничья напрямую связано с социокультурными процессами, происходящими здесь на протяжении веков. Сложившуюся к настоящему времени ситуацию можно осмыслить, понять, только изучив ее в исторической перспективе.

Список использованной литературы

1. Dapit, R. La Slavia Friulana. Lingue e culture. Resia, Torre, Natisone. Bibliografia ragionata / R. Dapit, M. Maticetov, Z. Gruden. – Cividale/Čedad : Circolo culturale «Ivan Trinko» / Kulturno društvo «Ivan Trinko»; S. Pietro al Natisone / Špeter: Cooperativa «Lipa» / Zadruga «Lipa», 1995. – 140 s.
2. Пилипенко, Г. П., Экспедиция к словенцам в Италии / Г. П. Пилипенко, М. Я. Ясинская // Славяноведение. – 2018. – № 1. – С. 106–111.
3. Parovel, P. Izbrisani identitet. Nasilno potalijančvanje prezimena, imena i toponima u «Julijskoj Krajini», od 1919 do 1945., sa spiskovima iz Tršćanske, Goričke i Istarske pokrajine, te prvih 5 300 dekreta / P. Parovel. – Pazin ; Poreč : Pula, 1993. – 239 s.
4. Tasso, M. Un onomasticidio di Stato / M. Tasso ; introduzione di V. Pahor. – Trieste : Mladika, 2010. – 190 p.

Научное издание

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ: СИСТЕМНО-ОПИСАТЕЛЬНЫЙ
И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сборник научных трудов

В двух частях

Часть 1

Подписано в печать 22.04.2020. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 11,74. Уч.-изд. л. 12,28.
Тираж 65 экз. Заказ № 104.

Издатель и полиграфическое исполнение:

УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/55 от 14.10.2013.

Ул. Мицкевича, 28, 224016, Брест.